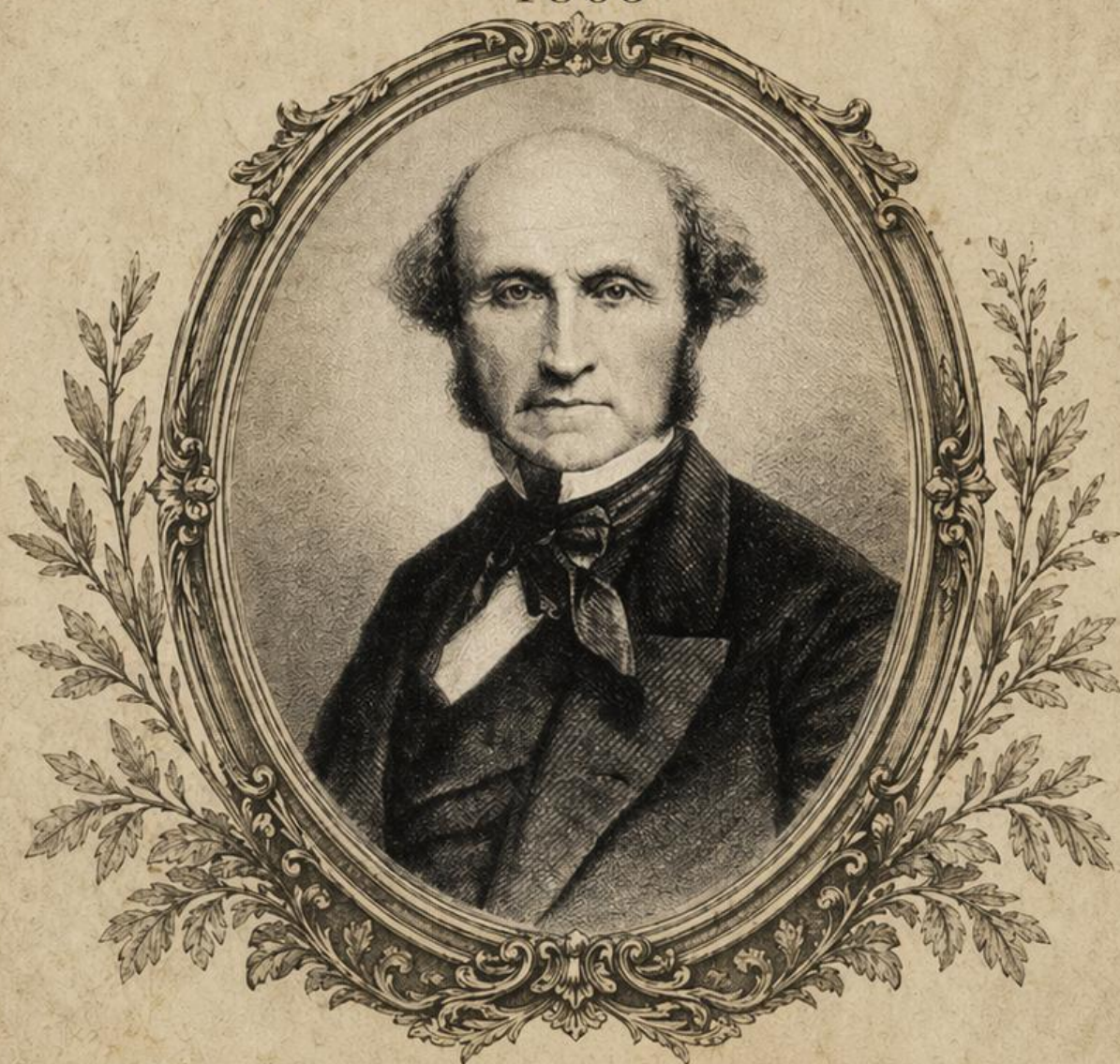

Джон Стюарт Милль

ОГЮСТ КОНТ
И ПОЗИТИВИЗМ

1865

Echafaud

2026

Джон Стюарт Милль

Огюст Конт и позитивизм (1865)

Перевод под редакцией Н. Тиблена (1867 год).

Перепечатано группой Echaud из первоначального документа, с дореволюционной орфографией (и само собой без текстового слоя), в 2026 году, а также опубликовано [на нашем сайте](#).

Оглавление

Отдел I. Курс положительной философии	1
Отдел II. Позднейшие воззрения Конта	62
Извлечение из статьи Литтре	100

Отдел I.

Курс положительной философии

Одно время в Англии и на Континенте — много было говорено о «Позитивизме» и «Положительной философии». Эти выражения, при жизни великого мыслителя, который впервые употребил их, находившие место только в сочинениях и беседах его немногих непосредственных учеников, как будто вынырнули из глубины и явились на поверхности современной философии. Правда, весьма не многим известно, что скрывается под этими выражениями, но все понимают, что скрывается нечто. Они служат символом известного строя мышления. Для того, кто в наше время занимается великими задачами философии или же с возвышенной точки зрения наблюдает за мнениями века, существуют важные побуждения обратить серьезное внимание на воззрение позитивистов и ясно определить свое положение в отношении к нему — будет ли оно враждебное или дружественное. В самом деле, хотя склад мысли, обозначаемый терминами: положительный и позитивизм, весьма распространен, но самые слова, как-то обыкновенно бывает, понимаются противниками этого вида мышления лучше, нежели его сторонниками. Таким образом не один уже мыслитель, никогда не приписывавший ни себе, ни своим мнениям этих названий и даже старательно избегавший возможности быть смешанным с людьми подобного рода, находил себя — иногда к крайнему своему неудовольствию, хотя вообще не без некоторого основания — поставленным в разряд позитивистов? и через то принужденным вместе с ними выдерживать нападки противников. Поворот философского мнения к позитивизму в Англии начался раньше, чем во Франции, где гораздо более вырабатывалась философия противоположного направления, сказавшаяся сильным влиянием на умы целого поколения мыслителей — Рюайе-Коллара, Кузена, Жуфруа и их партии. Едва только громадный трактат Конта был упомянут во французской литературе или критике, как в Англии он уже могущественно действовал на умы мыслителей и всех, занимающихся наукой. Но, сообразно с обыкновенным ходом вещей во Франции, новое направление, раз установившееся, устанавливается резче. Правда, людей, называющих себя позитивистами, немного: но все французские писатели, придерживающиеся обыкновенной философии, считают теперь необходимым прежде всего обставить себя против положительной школы. Весьма недвусмысленным признаком важности воззрения позитивистов служит появление мыслителей, пытающихся найти примирение, «*juste milieu*», между ним и его противоположностью. Проницательный критик и метафизик Тэн и замечательный химик Бертло — авторы двух самых выдающихся попыток в этом роде.

Итак, наступило, кажется, время, когда каждый мыслитель-философ не только обязан составить, но может даже с пользой высказать свое мнение относительно умственного движения, о котором идет здесь речь. При этом нужно стараться понять, что это за движение, полезно ли оно существенно и, если полезно, так что в направлении, данном ему важнейшими его двигателями, может быть принято и что

должно быть отвергнуто. Всего лучше разбор этих вопросов предложить в форме критического исследования философии Ог. Конта. Появление нового издания его капитального труда, с предисловием одного из замечательнейших во всех отношениях учеников его — Литтре, представляет к тому удобный случай. Имя Конта более, чем всякое другое, отождествилось с «положительным» видом мышления. Он первый взялся вполне систематизировать его и дать ему научное приложение ко всем предметам человеческого знания. При этом он обнаружил такое количество и качество умственных сил, достиг такого громадного успеха, которые не только доставили ему, но и упрочили за ним высокое уважение мыслителей, радикально и упорно расходившихся с ним относительно почти всех позднейших его воззрений и касательно многих прежних его мнений. Можно бы смотреть как на проступок, что эти мыслители старались в первое время останавливать внимание на том, что казалось им ошибочным в великом творении Конта. До тех пор, пока оно не заняло еще принадлежавшего ему места в мире мысли, до тех пор главная задача состояла не в том, чтобы критиковать его, а в том, чтоб, как можно скорее, распространить его. Обстоятельство, что люди, неспособные понять всю важность этого труда, были ознакомлены прежде всего с его слабыми сторонами, могло бы только отдалить время надлежащей его оценки, а между тем нимало не было необходимо для отвращения какого-либо серьезного неудобства. Пока писатель имеет немного читателей, пока круг его влияния ограничивается самостоятельными мыслителями, до тех пор единственная вещь, которая должна нас интересовать в нем, это то, чему он может научить нас. Если же окажется, что в некоторых вещах он сведущ менее нас, — об этом нет надобности упоминать до того времени, когда его ошибки начнут угрожать опасностью. Видное место, какое занимает Конт в ряду европейских мыслителей, и возрастающее влияние его капитального произведения — все это заставляет в наше время, более, чем прежде, ожидать труда, который бы выставил на вид и подтвердил прочные положения его философии. Но это же самое обстоятельство делает своевременным и опровержение его ошибок. Каковы бы ни были его заблуждения, они становятся опасными, между тем свободное обнаружение их уже не может более принести вреда.

Таким образом мы намерены обозреть главные начала контовой философии. Мы будем иметь в виду преимущественно обширный трактат, через который имя Конта и сделалось известным в нашей стране, и оставим в стороне рассмотрение его сочинений за последние десять лет жизни, за исключением разве тех случаев, когда это понадобится для разъяснения отдельных пунктов. Если бы мы распространили наше исследование и на последние произведения, то нам в большей части случаев пришлось бы воздержаться от суждения. Тогда как в его «Cours de Philosophie Positive» мы видим здоровое, основательное в самой сущности философское воззрение, с несколькими существенными погрешностями, — последующие его умозрения представляются нам ложными, несостоятельными в их общем характере, хотя в частностях рассеяно множество драгоценных мыслей и намеков. В настоящее время мы оставляем вне вопроса эту замечательную аномалию в философской деятельности Конта. Мы рассмотрим только главный дар, какой он оставил миру. Это — труд, в котором он ясно,

полно и удобопонятно изложил и отчасти создал то, что назвал положительной философией. При этом мы постараемся отделить в этой философии, как понимал ее сам Конт, то, что в ней на наш взгляд истинно, от того сравнительно немногого, что в ней есть ложного. Попытаемся также указать, что в этом деле принадлежит исключительно Конту и что составляет достояние века и общее наследие мыслителей. Подобного рода разграничение отчасти сделано было в последней брошюре Герберта Спенсера.¹ Но слишком частное назначение этого опыта — защита самостоятельности собственного образа мысли — оставляет еще желать, чтобы это разграничение сделано было с более общей целью. К тому же Спенсер отвергает почти все, что принадлежит собственно Конту, и, при своем отрывочном, сжатом способе изложения, отдает слишком мало справедливости тому, что отвергает. Между тем разграничение это, даже по сознанию самого Конта, не представляет трудности. Далекий от того, чтобы претендовать на оригинальность там, где ее не было, — он склонен был самые оригинальные свои мысли видеть у прежних мыслителей, лишь только находил у них хоть зерно чего-либо подобного.

Основная доктрина истинной философии — по Конту — и характер, коим он определяет положительную философию, состоят в следующем: нашему знанию доступны только явления; это знание явлений — относительно, не безусловно. Мы не знаем ни сущности, ни даже реального способа возникновения известного факта, для нас доступны только его отношения к другим фактам путем преемственности и сходства. Эти отношения постоянны, т. е. при одних и тех же обстоятельствах — они бывают те же самые. Постоянные сходства, связывающие несколько явлений, и та или другая постоянная последовательность, ставящая их в определенный порядок — или как предыдущие или как последующие в отношении друг к другу, — называются их законами. Законы явлений — вот все, что мы знаем касательно явлений. Сущность их природы, их первичные, деятельные или конечные причины неизвестны и недоступны для нас.

Конт не претендует на оригинальность этого взгляда на человеческое знание. Он признает, что выработке этого взгляда с самого раннего периода посылно содействовали все те, кто оказал какую-либо существенную услугу науке, что отчетливо он начал представляться великим спекулятивным умам уже со времени Бэкона, Декарта и Галилея, на которых в совокупности он смотрит, как на основателей положительной философии. Он говорит: так как даже в самые ранние времена род человеческий по преимуществу искал того знания, в котором он более всего нуждался, — то оно имело характер предузнания, это было «*savoir pour prévoir*». Если люди доискивались иногда причины, так это главным образом с тою целью, чтоб направить ее действие, или же, если нельзя было направлять этого действия, по крайней мере изведать его и приспособиться к нему. Наше предвидение явлений и вся наша власть над ними зависят от знания их последовательности, а ничуть не от тех понятий, какие

---

¹ «Классификация наук» со статьей о причинах разногласия с философией Конта, перевод Н. Л. Тиблена, Спб. 1866.

мы можем составить относительно их происхождения или их внутренней природы. Мы предвидим факт или событие при посредстве других фактов, которые служат его признаками, так как опыт обнаружил, что они всегда предшествуют данному факту. Всякий факт, кроме мускульных сокращений наших, мы совершаем посредством каких-либо сторонних фактов, которых тот, как нам известно по опыту, является следствием. Таким образом — всякое предвидение, всякое разумное действие возможно было только в той мере, насколько успешно удавалось людям установить последовательность явлений. Ни предуздание, ни знание, — эта практическая сила, — не может быть приобретено другими путями.

Впрочем, убеждение, что знание последовательности и сосуществования явлений есть единственно доступное для нас, не могло быть достигнуто на какой-либо ранней ступени прогресса мысли. Даже в наше время люди еще не покинули надежды на какое-то другое знание, еще не разочаровались в своей уверенности, что они достигли его, что оно несравненно точнее простого знания последовательности и сосуществования явлений. Истинное воззрение не представлялось во всей его ясности даже Бэкону — хотя оно составляет результат, к которому клонились все его умозрения; еще менее Декарту. Оно было правильно понято только Ньютоном.² Но первый, кто постиг эту истину во всей ее общности, это, конечно, Юм. Он довел ее несколько дальше, чем Конт. Он утверждал не только то, что причины явлений, единственно доступные для нас, суть в свою очередь явления, служащие неизменными предшественниками их, но и то, что и нет другого рода причин. Причина, как объясняет он, значит нечто неизменно — предшествующее. Это единственная сторона в учении Юма, на которую были обращены нападения его великого противника, Канта. Кант точно так же, как Конт, утверждал, что мы не знаем вещей в них самих, их ноуменов, их реальных субстанций и причин, но при этом он безусловно принимал их существование. Ни то, ни другое не составляло вопроса для Конта, напротив — весь его образ выражения заставляет предполагать то же самое. К числу непосредственных преемников Юма принадлежит Томас Броун — писатель, лучше всех определивший и защищавший основное положение Контовой философии. По духу и направлению философия Бруна совершенно позитивна. Не нужно желать лучшего введения к позитивизму, как начальная часть его «Чтений». О живущих писателях мы не будем говорить. Также самая великая истина составляет основание всей умозрительной философии Бенстама и по преимуществу — Джеймса Милля. Даже знаменитая теория В. Гамильтона об относительности человеческого знания во многих случаях ведет к тому же самому, хотя нет оснований предположить, чтобы сам Гамильтон понимал это начало или чтоб он отнесся к нему сочувственно, если бы понял.

Таким образом — основа философии Конта не есть исключительная особенность этого мыслителя, а составляет общее достояние века, хотя принятое далеко не всеми мыслящими умами. Философия, известная под именем положительной, не есть

---

² См. главу «On Efficient Causes» в Reid's «Essays on the Active Powers», произведении, вполне основанном на идеях Ньютона.

недавнее изобретение Конта. Она представляет простое признание традиций всех великих умов науки, открытия которых сделали человечество тем, чем оно является в наше время. Сам Конт не представлял дела в ином свете. Но он сделал это учение своей собственностью посредством способа, каким он обработал его. Если мы хотим знать об известном предмете, что он есть, — для нас необходимо знать с одинаковой отчетливостью, что он не есть. Чтобы вникнуть в действительный характер известного строя мышления, мы должны понять, в чем другие виды мышления расходятся с ним. Конт дает нам на это полную возможность. Видов философского мышления, которые соперничают с позитивизмом, Конт признает два — оба, предшествовавшие позитивизму по времени: теологический и метафизический.

Мы употребляем слова: теологический, метафизический и положительный потому, что Конт выбрал их для выражения своих идей. Всякий философ, мысли которого другое лицо берется развивать, вправе требовать, чтобы это сделано было при посредстве его собственной терминологии. Это, однако же, ничуть не термины, которые бы мы выбрали сами. Во всех языках и особенно в английском они далеко не возбуждают тех представлений, какие ими в настоящем случае хотят возбудить. Слова: положительный и позитивизм в значении, какое придали им, худо принимаются на английской почве. Выражение: метафизический предполагает — и это чувствовал сам Конт — много такого, что никоим образом не может быть примирено с его условным значением. Термин теологический — более точен, хотя употребление его, как выражения осудительного, предполагает в учении Конта гораздо большую дозу отрицания, чем то должно бы допустить позитивное верование. Вместо: теологическое — мы предпочли бы сказать: личное или произвольное (Volitional) объяснение природы. Вместо — метафизическое мы употребили бы — абстрактное или онтологическое. Смысл, который хотят навязать слову «положительный», с меньшей неточностью, мог бы быть передан с объективной стороны термином — феноменальный, с субъективной — экспериментальный. Но мнения Конта гораздо лучше укладываются в рамки его собственной фразеологии. Многие из них в некоторых своих оттенках едва ли могут быть выражены иначе.

Теологический строй мысли есть первоначальная, самобытная форма мышления. Сущность этого взгляда на вещи: факты вселенной регулируются не неизменными законами последовательности, а простой, непосредственной волей существ — действительных или вымышленных — существ, обладающих, по этому представлению, жизнью и разумом. При ребяческом состоянии рассудка и опыта единичные предметы представлялись одушевленными. Следующую за тем ступень образует понятие о невидимых существах, из которых каждое заведует и управляет целым классом предметов или явлений. На последней ступени — все эти божества исчезают в личности единого бога, который, сотворивши вселенную в начале, непрерывным действием своим направляет и поддерживает ее явления или же только, как думают другие, видоизменяет их специальными для каждого случая актами вмешательства.

Вид мышления, который Конт обозначает термином «метафизический», приписывает явления не воле существ — земных или небесных, а реализованным отвлечениям. На этой ступени — все разнообразные деятели природы уже не сводятся более к богу, как их причине и регулятору. Эту роль исполняют здесь — способности, силы, скрытые свойства. Но на них смотрят как на действительные существования, присущие конкретным телам, хотя и отличные от них: эти существования имеют свое пребывание в конкретных телах и некоторым образом одушевляют их. Вместо дриад, управляющих деревьями, производящих явления в них и управляющих этими явлениями, — каждое растение и каждое животное имеет теперь свою растительную душу — *Θρελτικῆ ψυχῆ* Аристотеля. В дальнейшем развитии растительная душа становится пластической силой, еще позже — жизненным началом. Итак все, что обнаруживает какой-либо предмет, он обнаруживает потому, что такова его сущность, — обнаруживает в силу присущей ему способности. Явления объясняются предположением абстрактных стремлений и склонностей в природе. Хотя она почитается безличною, но ей приписывается деятельность по известным побуждениям, деятельность более или менее аналогичная с деятельностью сознающих себя существ. Аристотель признает за природою стремление к лучшему — и это помогает ему объяснить многие естественные явления.

Поднятие воды в насосе приписывается тому, что природа боится пустоты. Падение тяжелых тел и восхождение пламени и дыма объясняются стремлением каждого тела занять свое естественное место. Много важных следствий выводят из положения, что природа не делает скачков (*Non habet saltum*). В медицине — целительная сила (*Vis medicatrix*) природы служит объяснением восстановительных процессов, для которых новейшие физиологи нашли специальных деятелей и законы.

Тот, кто знаком с прошедшими фазисами человеческого мышления, не нуждается в примерах для доказательства, какое обширное место занимали в истории оба истолкования явлений: теологическое и метафизическое — как в умозрениях мыслителей, так и в обычных идеях масс. Многие еще до Конта понимали, что ни то, ни другое объяснение не может быть окончательным; но едва ли кому-либо возможно было вести против них борьбу более сильную, нежели вел Гоббс в начале XVII столетия. Всякому, кто имел возможность проследить историю различных естественных наук, не безызвестно, что позитивное изъяснение фактов мало-помалу заступало место теологического и метафизического — по мере того, как прогресс исследования выводил на свет все более и более возрастающее число неизменных законов для явлений. В этом отношении ничто не обязано своим происхождением Конту. Он принял только участие в борьбе, уже давно завязавшейся, и стал в ней на сторону, уже во многом одержавшую победу. Обобщение, которое принадлежит собственно Конту и относительно которого, ко благу для нашего знания, он не имел предшественника, состоит в том, что каждый отдельный класс человеческих идей проходит через все эти три фазиса мышления — начинаясь теологическим и переходя через метафизический к положительному. Метафизический прием мышления является таким образом переходною, но необходимою ступенью от теологического к положительному.

Последнему виду мышления в будущем предстоит в окончательном результате полное преобладание — при всеобщем признании, что все без исключения явления управляются неизменными законами, без всякого участия каких-либо хотений — естественных или сверхъестественных. Эта общая теорема дополняется следующим добавлением: теологический вид мышления имеет три степени: фетишизм, политеизм и монотеизм. Эти преемственные переходы, постепенно подготовленные и произведенные усилением двух соперничающих видов мышления (метафизического и положительного), в свою очередь пролагали путь и готовили почву для этих видов — сначала и только на время для метафизического и наконец для положительного.

Это обобщение самое капитальное из всех положений, собственно принадлежащих Конту. Исторический обзор, занимающий собою из шести томов его сочинения два самые обширнейшие, этот обзор представляет непрерывный ряд примеров и подтверждений в пользу этого закона. Как этот закон согласуется с фактами, какое огромное количество явлений самых выдающихся объясняет его, — это знает только тот, кто изучал изложение всего этого там, где оно единственно и может быть найдено: мы разумею два в высшей степени поучительные и изумительные тома, на которые указали. Так как эта теория составляет ключ ко всем другим обобщениям Конта, из которых каждое более или менее зависит от нее, так как она образует, если можно так выразиться, спинной хребет его философии, наконец так как, за исключением ее, Конт сделал не много, — то мы лучше всего употребим наше время на то, чтобы освободить эту теорию от ложного представления о ней и дать надлежащие объяснения, необходимые для устранения препятствий, не позволяющих многим компетентным лицам согласиться с ней.

Всего приличнее начать устранением религиозного предубеждения против этой теории. Она осуждает все теологические объяснения и заменяет или считает их заменимыми в будущем теорией, которая имеет в виду только разряд вполне достоверных явлений. Отсюда заключают, что когда это будет окончательно достигнуто, род человеческий перестанет видеть в устройстве природы действие разумной воли, перестанет верить в Творца и Верховного Правителя мира. Это предположение естественнее, нежели признавал Конт. В самом деле он отвергал даже с некоторой едкостью догматический атеизм. Он говорит (в последнем своем сочинении и ничто не противоречит этому в прежних его произведениях), что гипотеза преднамеренности в творении гораздо вероятнее, чем гипотеза слепого механизма. Но догадка, обоснованная на аналогии, не казалась ему достаточной опорой, на которой бы могла покоиться теория в период зрелости человеческого разума. Он считал недоступным для нас всякое реальное знание относительно начал мира, а исследование об этом — превосходящим все пределы наших умственных способностей. Впрочем, тот, кто принимает контову теорию прогрессивных ступеней мнения, не обязан следовать за ним до этого пункта. Положительный прием мышления не является необходимым отрицанием всего сверхъестественного: он просто относит этот вопрос к вопросу о происхождении вещей. Если вселенная имела начало, то, по

самым условиям случая, оно было сверхъестественное в том смысле, что законы природы не могут дать ответа касательно своего собственного происхождения. Философ-позитивист в этом случае совершенно свободен составить свое мнение о предмете сообразно тому весу, какой он придает аналогиям, принимаемым за признаки преднамеренности в творении, и всеобщим преданиям человечества. Значение этих доказательств — составляет еще вопрос для положительной философии; но это ничуть не пункт, относительно которого все философы-позитивисты непременно должны быть согласны. Одна из ошибок Конта состоит в том, что он не допускал открытых вопросов. Положительная философия утверждает, что внутри существующего строя вселенной или, лучше сказать, той ее части, которая известна нам, непосредственно определяющая причина каждого явления — всегда естественна, а не сверхъестественна. С этим, однако ж, вполне примиримо верование, что вселенная создана и сознательно управляется Разумом, лишь только мы допустим, что разумный Правитель вселенной придерживается определенных законов, которые только видоизменяются или парализуются другими законами той же самой природы, а не нарушаются ни по капризу, ни по предусмотрению. Тот, кто видит в каждом событии составной элемент непреложного порядка вещей, т. е. каждое из них считает непременно следствием какого-нибудь предшествовавшего условия или комбинации условий, тот уже вполне принимает положительный вид мысли. При этом нет дела до того, признает ли он или нет нечто универсально-предшествовавшее, первоначальным следствием которого была вся система мира; так же мало касается нас и то, понимается ли это нечто универсально предшествовавшее как Разум, или нет.

Подобного же рода ложное представление должно быть исправлено и относительно метафизического строя мышления. Отвергая метафизику, Конт сам не вполне удерживается от анализа и критики некоторых абстрактных концепций ума. Ему не безызвестно было (хотя кажется он забывал это иногда), что такой анализ и критика — необходимые элементы научного процесса и сопровождают ум во всех его операциях. Он осуждает только привычку понимать эти умственные абстракции как реальные сущности, которые будто бы возбуждают силы, производят явления и которые, таким образом, составляли теорию, заменяли собой всякое объяснение фактов. Люди настоящего времени с трудом верят, чтобы когда-либо могли действительно существовать подобного рода воззрения: до того это расходится с нашими умственными привычками, сложившимися под влиянием долгого и усидчивого занятия положительными науками. Как ни распространено изучение этих наук, они, однако ж, никогда еще не составляли основания интеллектуального воспитания в каком-либо обществе. В деле философии и религии, люди часто удивляются нелепости взглядов другого народа, тогда как в их собственных воззрениях остаются совершенно равносильные нелепости. Тот самый человек, который, употребляя разные слова, постоянно воображает в них вещи, бывает непринужденно удивлен тому, что слова можно принять за самые вещи. Никто, разве за исключением людей, совершенно не знакомых с историей мысли, никто, конечно, не станет отрицать, что ошибочное принятие отвлечений за реальности составляло характеристическую черту умозрений всей древности и средних веков. Ошибка была

обобщена и систематизирована в знаменитых «Идеях» Платона. Последователи Аристотеля продолжили это дело. Сущности, способности, силы, присущие предметам, принимались за объяснение явлений — *ex bona fide*. Не только отвлеченные свойства, качества, но даже конкретные названия родов и видов были принимаемы за объективные существования. Так, верили, что есть общие субстанции, соответствующие всем классам конкретных предметов: — субстанция-человек, субстанция-дерево, субстанция-животное и т. д. Собственно их-то (субстанции), а не индивидуальные предметы обозначали этими именами. Действительное существование всеобщих субстанций было исходным вопросом в пресловутой борьбе конца средних веков между номинализмом и реализмом. Эта борьба была одним из поворотных пунктов в истории мысли; так как это было первое ее усилие освободиться от владычества словесных абстракций. Партия реалистов была сильнее; но, хотя номиналисты должны были уступить на первое время, все-таки учение, против которого они восставали, после короткого промежутка, рушилось вместе с остальной схоластической философией. Прежде всего должны были уступить новому направлению всеобщие субстанции и субстанциальные формы, как более выдающиеся роды реализованных абстракций. Силы, способности и скрытые свойства продолжали еще существовать и после них и окончательно лишены были реального характера только картезианцами. По Декартову пониманию науки, все физические явления должны быть объясняемы материей и движением, т. е. не отвлечениями, а неизменными физическими законами, хотя многие из объяснений самого Декарта носят характер гипотетический и оказываются несостоятельными. Однако же долго спустя после него фиктивные сущности (как их удачно назвал Бентам) продолжали считаться средствами для объяснения более таинственных явлений — по преимуществу в физиологии, где под различными выражениями таинственные силы и начала служили объяснением, или заменяли собою объяснения явлений в организованных существах. Для новейших философов эти фикции представляют только абстрактные названия тех классов явлений, которым они соответствуют, и в этом один из камней преткновения философии: — каким образом род человеческий, установив просто ряд названий для обозначения известных сочетаний идей и образов, мог забыть характер своего собственного действия до того, что придал этим созданиям своей воли объективную реальность и принял название явлений за их действительные причины. Что составляло тайну с чисто-догматической точки зрения — разъясняется с исторической. Эти абстрактные слова в настоящее время в самом деле суть простые названия явлений, но не так было при их происхождении. Для нас они обозначают только явления, потому что мы перестали верить в то, что они выражали некогда. И употреблять их для объяснения очевидно значило бы для нас, как говорит Конт, наивно принимать явление за причину для него самого: но не так было в начале. Метафизический взгляд не был извращением положительного, а преобразованием, видоизменением теологического. Ум человеческий, устанавливая классы предметов, выходил не из понятия об имени, а из понятия о том или другом божестве. Таким образом реализация отвлечений была не простым воплощением слова, а постепенным устранением воплощений фетишизма.

Первоначальная склонность и инстинктивное побуждение людей состоит в том, чтобы уподоблять всех деятелей, замечаемых в природе, единственному деятелю, о котором они имеют непосредственное сознание, т. е. своей собственной свободной воле. Всякий предмет, производящий, по-видимому, силу, т. е. действующий без явного стороннего влияния на него, всякий предмет, сообщающий движение, не получив его извне, — предполагался обладающим жизнью, сознанием, волею. Впрочем, это первобытное грубое понятие о природе едва ли могло когда-либо простираться на все явления. Самое простое наблюдение, без которого невозможно было бы сохранение жизни, должно было указать на множество сходств в природе, на множество предметов, которые, при данных обстоятельствах, действуют совершенно одинаково. Всякий раз, как это было наблюдаемо, природный, неразвитый еще ум человека старался поместить все сходные предметы в один класс и делал их нераздельными в своей мысли. Следствием этого было то, что одинаковые действия нескольких предметов приписывались какой-то одной воле, а ничуть не многим — вполне совпадающим волям. Понятно, что эта единая воля не могла быть волей самих предметов, при их множестве. Это должна быть воля невидимого существа, отдельного от предметов и управляющего ими на неизвестном расстоянии. Вот — политеизм. Мы не знаем, чтобы в каком-либо племени дикарей или негров фетишизм был совершенно свободен от примеси политеизма. Весьма вероятно, что обе формы существуют друг подле друга с самого раннего периода — с того времени, как род человеческий стал способен распределять предметы по классам. При этом чистый фетишизм постепенно все более и более сводился на предметы, обладающие выдающимися особенностями. Так еще долго спустя после того, как уже образовалось представление о невидимых богах, управляющих обширными классами явлений — даже интеллектуальных и моральных, как-то войны, любви, мудрости, красоты и т. п. — еще долго спустя после этого люди часто поклонялись (напр. в наше время индусы и австралийцы) какой-либо замечательной горе или реке, как божеству в ней самой, а не просто как пребыванию божества. Поклонение земле (Tellus или Pales) и различным небесным телам проникло даже в самое сердце политеизма. Всякий школьник знает, хотя этого не знают *littérateurs* и светские люди, что в разгар развития греческой религии еще приносились жертвы солнцу и луне не как богу и богине того времени, а как божествам, предшествовавшим Зевсу и его потомкам и принадлежавшим к прежней династии титанов (это есть не что иное, как мифическое выражение того факта, что поклонение им — древнее). Существовал особый цикл мифов и легенд, связанных с этими божествами. Отец Фаэтона и любовница Эндимиона — это ничуть не Аполлон и не Диана: их отождествление, одного с богом солнца, другой — с богиней луны, есть изобретение позднейшего времени. Почитание звезд, представляющее собой, по замечанию Конта, последнюю форму фетишизма, пережило все другие формы частью потому, что при недоступности его предметов не так скоро могла обнаружиться их неодушевленность, частью же вследствие постоянной самопроизвольности их кажущихся движений.

Как бы далеко ни заходил фетишизм в своем развитии, как бы ни было продолжительно его существование, — в нем не было абстракции, не было

классификации предметов и, следовательно, не оказывалось места метафизическому виду мышления. Но с того времени, как свободный деятель, воля которого управляла явлением, перестал отождествляться с самим физическим предметом, как скоро он был отодвинут в невидимое пространство, с которого наблюдает за целым классом естественных явлений, — с того времени начинает уже представляться невозможным, чтобы это существо издали могло обнаруживать свое могущественное влияние на предметы иначе, как через посредство чего-либо находящегося в предмете. В силу того же естественного предрассудка и той же природной слабости ума человеческого, которые не позволили Ньютону допустить возможность его закона тяготения не предположив какого-то эфира, наполняющего промежуточные пространства и служащего проводником притягательной силы, — казалось необходимым принять, что на расстоянии от предмета бог мог действовать на него только через нечто, существующее в самом предмете. Это «нечто» является, таким образом, непосредственным деятелем, так как бог сообщает ему силу, которой оно влияет на предметы и управляет ими. Когда же почувствовалась необходимость обозначить это нечто определенным словом, род человеческий стал называть его природой предметов, их сущностью, способностями, обитающими в них и многими другими именами. Эти метафизические концепции признавались за высоко-реальные и в первое время на них смотрели как на простые орудия в руках соответствующего данному случаю божества. Однако вследствие привычки приписывать абстрактным сущностям не только субстанциальное существование, но и реальную, активную деятельность, — сущности остались одни на своем месте, когда вера в божество начала падать и исчезать. Теперь эти сущности сами по себе, без всяких ссылок на какую-либо волю, стали представлять объяснение явлений совершенно равносильное тому, какое было прежде. На этом пункте — метафизический вид мышления окончательно заменяет собой теологический.

Таким образом уже на ранней ступени умственного прогресса различные последовательные положения ума человеческого приходят друг в друга: фетишизм, политеизм и метафизический строй мысли уживались вместе в одном и том же уме. Между тем верование в неизменные законы, составляющие основу положительного вида мышления, медленно пробивало себе путь по мере того, как наблюдение и опыт шаг за шагом открывали в классах явлений те законы, которым они действительно подчинены. Это-то развитие положительного знания и обусловило главным образом дальнейший переход теологического понимания вселенной от политеизма к монотеизму.

Нет сомнения, что этот переход совершался весьма медленно. Идея о единстве в природе, необходимо предполагаемая признанием для вселенной единой воли, далеко не естественна в человеке. Она приобретает только после долгого труда и подготовки, так как все очевидности наводят гораздо скорее на ту мысль, что природа управляется многими противодействующими началами. Нам известно, какая высокая степень материальной цивилизации с одной стороны, нравственного и умственного развития с другой — предшествовала обращению передовых народов мира к верованию

в единого бога. Поверхностным наблюдениям, которыми христианские путешественники хотят убедить самих себя в том, что у некоторых диких племен они нашли свой собственный монотеизм, противоречат более точные сведения об этом предмете. Тот, кто читал, напр. «Китхигами» г. Коля, знает, что нужно думать о великом духе американских индейцев. Он составляет звено весьма законченной системы политеизма с крупными остатками первобытного фетишизма. Мы не намерены вступать в спор с людьми, которые считают монотеизм первичной формой религии, перешедшей к нашей расе от прародителей, путем непрерывного предания. По их же собственному признанию, это предание было утрачено всеми людьми, кроме одного небольшого, изолированного народа, среди которого оно поддерживалось чудесным образом. Но и этот народ беспрерывно уклонялся от предания и в ранние периоды своей истории принимал его далеко не в полном значении. Так допускалось реальное существование чужих богов; причем, однакож, в своего собственного верили, как в самого могущественнейшего и в творца мира. [Вырезано цензурой, восполняем по англ. первоисточнику: - Более убедительного доказательства неестественности монотеизма для человеческого разума до определённого периода его развития и не требуется. Высшая форма монотеизма, христианство, до настоящего времени частично удовлетворяет ментальные склонности, ведущие к политеизму, допуская в свою теологию совершенно политеистическое представление о дьяволе. Когда монотеизм, спустя много веков, добрался до греков и римлян из того небольшого уголка мира, где он существовал, мы знаем, как представление о демонах облегчило его принятие, сделав ненужным для христиан отрицание существования богов, в которых ранее верили, поскольку было достаточно подчинить их абсолютной власти нового Бога, как боги Олимпа уже находились под властью Зевса, и как местные божества всех поработанных народов были подчинены завоеванием божественным покровителям Римского государства].

Как бы мы ни объясняли себе возникновение монотеизма у евреев — естественным ли путем или сверхъестественным, во всяком случае не подлежит сомнению, что принятие его язычниками сделалось возможным единственно только в силу той медленной подготовки, которую философы сообщили уму человеческому. В век Цезарей почти весь ученый и образованный класс перерос политеистические верования, и, возвращаясь порой к суевериям детства своего, люди эти (мы говорим не о тех, которые отрицали религию — какова бы она ни была) были все-таки предрасположены к признанию одного верховного Провидения. Несправедливо было бы возражать, что большинство первых прозелитов христианства принадлежало не к образованному классу: везде, исключая Палестины, его ученики и распространители вышли главным образом из этого класса. Многие из них, подобно апостолу Павлу, отличались высоким образованием по тогдашнему времени; они, очевидно, не находили в своем умственном складе препятствия к принятию нового учения. Нас в этом случае не должно обманывать раздражение, какое обнаружили впоследствии против христианства метафизическое язычество Александрии и другие философские школы: причина этого раздражения — не привязанность к политеизму, а досада на усиление политического и социального влияния христианских проповедников. На

деле же — монотеизм сделался сродным образованному уму. Верование, расположившее в свою пользу людей образованных, если только не будет подавлено силой, рано или поздно непременно проникнет в массу. Впрочем, сама масса, как мы уже указали, подготовлялась к христианству посредством постепенного подчинения всех божеств верховной воле Зевса; переход отсюда к единому божеству, окруженному воинством различных духов — вовсе не труден.

Итак, какими же средствами передовые умы Рима были подготовлены к монотеизму? Развитием практического чувства неизменности законов природы. К этому верованию как нельзя естественнее шел монотеизм, тогда как политеизм по необходимости стоял с ним в разладе. Так как людям не легко было — и на самом деле никогда не случилось — предположить, чтобы столь могущественные существа ограничивали свою власть исключительно своей специальной сферой, то — понятно — воля одного божества всегда могла быть парализована другим. При этом — пусть даже их воля находится между собой в полной гармонии (что, однако же, само по себе весьма трудно допустить относительно всех случаев неизменности и что к тому же предполагает влияние какого-то верховного божества) — во всяком случае невозможно, чтобы ход каждого явления, при их управлении миром, мог оставаться неизменным. Если же, напротив, все явления вселенной подчинены исключительно и неотразимому влиянию единой воли, то становилось возможным допустить предположение, что эта воля всегда в состоянии остаться той же самой и вести каждый разряд своих действий постоянно одним и тем же неизменным образом. Итак, по мере того, как непреложные законы явлений представлялись наблюдению, обозначалась все более и более и теория, приписывающая их единой воле. Но она должна была казаться неправдоподобной, пока не стало представляться вероятным, что неизменность есть общее правило всей природы. Ко времени христианской эры, греки и римляне достигли той степени развития, на которой это предположение становилось вероятным. Изумительная высота, на которую к тому времени уже поднята была геометрия, освоила образованных людей с идеей о безусловно неизменных законах. Аристотелев логический анализ умственных процессов обнаружил подобное же единство законов и в области духа. В конкретном внешнем мире, в высшей степени поражающие явления небесных тел, которые, своим влиянием на воображение, всего более способствовали поддержанию целой системы идей о сверхъестественных деятелях, — эти явления, оказалось, совершаются в таком правильном порядке, что могли быть предсказываемы с точностью, которая по понятиям того времени могла казаться совершенной. Правда, подобная степень правильности не была еще обнаружена во всех естественных явлениях вообще; но даже самое грубое эмпирическое наблюдение указало такое множество случаев единства почти полного, что исследователи сделались склонными подмечать дальнейшие указания, ведущие в том же самом направлении, и соперничали друг с другом в составлении теорий, в которых — несмотря на их гипотетический характер и существенную преждевременность — надеялись дать верное представление о неизменных законах, управляющих обширными классами явлений. Когда подобная надежда и ожидание сделались всеобщими, многое было уже завоевано в области теологического принципа.

Вместо старой идеи о событиях, управляемых со дня на день непредвиденным и изменчивым произволом легиона божеств, — все более и более стала распространяться идея, что все явления вселенной совершаются сообразно началам, predetermined искомни. Таким взглядом, деятельность языческих богов ограничена была только составлением планов и приведением машины в движение. В дальнейшей же карьере они были поставлены в положение лиц, получающих доходы без должности. Если они и продолжали царствовать, то оставались связанными законами, на которые предварительно дали свое согласие. Вот почему на стремление философов объяснять явления природы естественными причинами или предсказывать их — смотрели до самого позднего периода политеизма как на святотатственное оскорбление богов. Анаксагор был изгнан за это; жизнь Аристотеля подвергалась опасности, а неосновательное подозрение в таком объяснении явлений природы способствовало осуждению Сократа. Мы слишком хорошо знакомы с этим видом религиозного чувства даже в наше время, чтобы не понять, какова должна была быть его сила тогда. Необходимо было, чтобы философы старались избавиться по крайней мере от этих богов и таким образом освободиться от странных сказок, стоявших им на пути. Для этого они принимали представление о божественном управлении, более гармонизировавшее с наставлениями, какие они выносили из изучения природы, — допускали существование бога, относительно которого, насколько они знали, еще не было изобретено мифов.

Далее, когда мысль, что устройство каждой части в природе было так или иначе определено еще в начале и что все продолжает совершаться, как было определено, сделалась господствующей, возникла поразительная картина единства, разлитого по всей природе и ведущего к заключению, что все это — дело одной руки, а не многих. Гораздо вероятнее должно было казаться, что существует один беспредельно предвидящий Разум и одна непреложная Воля, а не сотни и тысячи их. Правда, философы того времени не имели доказательств, обоснованных на общих законах, — существования которых тогда и не подозревали — как например закон тяготения и законы теплоты; но и для них было уже очевидно множество аналогий и совпадений в явлениях природы, намекавших на единство плана. Еще большее число этих аналогий и соответствий создано было деятельной фантазией философов при помощи их преждевременных научных теорий, из которых каждая стремилась объяснить одно явление аналогией с другими, которые предполагались известными лучше. Конечно — тем большее сходство обнаруживалось между различными процессами природы, чем обширнее становился опыт. Таким образом — теологический вид мышления шел вперед от политеизма к монотеизму под непосредственным влиянием положительного, — еще вовсе не имевшего притязаний на преобладание в области умозрения. Впрочем, так как верование в неизменность законов природы было не совершенно даже в умах высокообразованных и находилось в детском состоянии у людей необразованных, то и результатом его была вера — правда в единого, но не неизменяемого бога. В течение ряда веков бог, в которого верили, являлся преклонным на молитву, регулирующим дела человечества непосредственными своими желаниями и непрерывно ниспровергающим естественный порядок вещей чудесным

вмешательством. Та же вера сохранилась еще и теперь там, где в убеждениях людей неизменность закона установилась как истина общая, но не всеобщая.

В переходе от политеизма к монотеизму метафизический вид мышления так же имел свою долю участия, оказав большую помощь в трудной борьбе, которую положительное направление должно было вести против господствующей формы теологического воззрения. Правда, Конт значительно преувеличил роль метафизического направления в этом умственном перевороте: так как, неточным употреблением терминов, он включил в метафизический вид мышления все то, что принадлежит диалектике и отрицательному скептицизму, т. е. обнаружению несообразностей и нелепостей в общепринятых религиях. Но эта операция совершенно независима от метафизического вида мышления и связана с ним единственно только тем, что и то и другое обыкновенно встречалось в одних и тех же умах (разительный пример этому — Платон): между тем самая высшая степень силы и действительности этой операции не стоит в непрерывной зависимости от обладания положительно-научным знанием. Во всяком случае метафизическое направление, понимаемое в строгом смысле, весьма много способствовало успехам монотеизма. Идея о безличных сущностях, посредствующих между божеством и явлениями и представляющих собою так сказать аппарат, которым явления непосредственно производятся, — эта идея не стоит, подобно теории о сверхъестественных хотениях, в совершенном противоречии с верованием в неизменность законов. Так как сущности не были — подобно богам — слеплены по образцу человека, т. е. не были — подобно им — облечены человеческими страстями и не считались имеющими власть за пределами тех явлений, которыми ограничивалась специальная сфера каждой из этих сущностей, — то нечего было опасаться оскорбить их попыткой предусмотреть и определить их действия, или предположением, что они совершаются по установленным законам. Народный трибунал, осудивший Анаксагора, очевидно, не достиг еще метафизической точки зрения. Гиппократ, обращавшийся только в кругу избранного и образованного класса, мог, толкуя о болезнях, посылаемых богами, безнаказанно говорить, что, на его взгляд, они кажутся посылаемыми от богов столько же, как и все другие, — ни больше, ни меньше. Учение об абстрактных сущностях было чем-то в роде инстинктивного примирения между наблюдаемым единообразием фактов в природе и зависимостью их от произвольных хотений: потому что легче было допустить единичное хотение, раз приведшее в дело машину, которая затем действует сама по себе, чем предположить неизменное постоянство в такой своенравной и изменчивой вещи, какой должно было казаться тогда хотение. Но хотя господство абстракций было в строгом смысле совместимо с политеизмом, во всяком случае оно искало монотеизма, как условия для своего свободного развития. Так как общепринятый политеизм составлял только еще первый шаг отступления от фетишизма, то его боги слишком близко замешаны были в обыденные подробности явлений и привычка умилоствлять их и узнавать их волю пред каждым мало-мальски важным действием в жизни слишком укоренилась для того, чтобы можно было, без сильного столкновения с общепринятой системой, допустить мысль, что эти боги отнюдь не управляют путем специальных вмешательств, но что, в обыкновенных случаях, они предоставляют явления действию сущностей или

частных свойств, которыми они снабдили их вначале. Всякое видоизменение политеизма, которое делало бы его вполне совместимым с метафизическим пониманием мира, было несравненно затруднительнее, чем переход к монотеизму в том виде, как он был понят вначале.

Мы представили в некоторой подробности эту важную долю Контова взгляда на развитие человеческого мышления, как пример того, каким образом его теория соответствует историческим фактам и объясняет их. Этим путем мы хотели устранить некоторые возражения, основанные на недостаточном понимании ее, или — лучше — на поверхностном знакомстве с нею. Так, иные считают учение о трех последовательных ступенях умозрения и верования несовместимым с тем фактом, что все они существовали одновременно: как будто бы естественная преемственность охотничьего, номадного и земледельческого состояния может быть отрицаема тем обстоятельством, что еще и теперь есть народы-охотники и номады. Что три состояния были одновременны, что все они старше достоверной истории и существуют друг подле друга еще в наше время — это есть прямое положение Конта, равно как и то, что появление двух последних видов мышления было настоящей причиной расстройств и постепенного падения первого из них. Теологический прием объяснения явлений был некогда всеобщ — исключая, конечно, самых обыкновенных фактов, даже и тогда представлявшихся подлежащими влиянию человеческой воли и потому уже принадлежавших положительному строю мышления. Первоначальные и самые недалекие обобщения обыденного наблюдения, предшествовавшие первым задаткам научного направления, обусловили происхождение метафизического вида мышления. Всякое дальнейшее поступательное движение в наблюдении природы, постепенно обнаруживавшем ее неизменные законы, определяло дальнейшее развитие метафизического направления в ущерб теологическому: так как метафизическое воззрение было единственным посредником, временно примирявшим между собою заключения положительного склада мышления с первыми посылками теологического. В позднейший период, когда действительный характер положительных законов природы стал в известной степени понятен и когда теологический взгляд в научных умах достиг апогея своего развития — т. е. когда он признал единого бога, управляющего общими законами — положительное направление, не нуждаясь более в фиктивном посредстве вымышленных сущностей, взяло на себя легкую задачу — разрушить орудие, помощью которого само оно развилось. Но хотя верование в объективную реальность отвлечений пало, оно оставило после себя те дурные наклонности человеческого ума, которые далеко еще не уничтожились и которые мы будем иметь теперь случай охарактеризовать.

Следующий пункт, которого мы намерены коснуться, представляет более важности, чем бы могло показаться. Если вообще умозрение человеческое должно было пройти три ступени, то мы вправе предположить, что различные его отрасли — развивающиеся всегда не в одинаковой мере — не одновременно переходили с одной ступени на другую. Таким образом должен быть известный порядок последовательности, в котором различные науки вступали — сначала в

метафизическое и далее в чисто-положительное состояние. Этот-то порядок Конт и взялся исследовать. Результатом его исследования явилась замечательная концепция подчиненности наук, представляющей собою порядок логической зависимости наук последующих от предыдущих. С первого взгляда не понятно, каким образом простая классификация наук может не только помочь изучению их, но и сама составлять важную часть целого учения: однако же, классификация составляет весьма важную часть философии Конта.

Он первый сделал разграничение между абстрактными и конкретными науками. Абстрактные науки имеют дело с законами, управляющими элементарными фактами природы, с законами, от которых естественно должны зависеть все действительно осуществившиеся явления, но которые равным образом совместимы со многими другими комбинациями, кроме тех, кои встречаются в данном случае. Конкретные науки, напротив, занимаются единственно частными комбинациями явлений, открываемых в действительности. Так, например, минералы, составляющие нашу планету или находимые в ней, произведены и связаны между собою законами механической связи и химического соединения. Дело абстрактных наук — физики и химии — определить эти законы, т. е. открыть, как и под какими условиями тела связываются и какие могут быть виды и результаты химического соединения. Громадное большинство этих сочетаний и соединений, — насколько мы знаем, совершается только в наших лабораториях: до них, конечно, не касается конкретная наука, минералогия. Она занимается теми агрегациями и теми химическими соединениями, кои образуются или образовывались прежде — в самой природе. Далее, физиология, как абстрактная наука, исследует доступными для нее средствами общие законы организации и жизни. Эти законы определяют, какие живые существа возможны и поддерживают явления в тех из существ, которые встречаются в действительности; но они равным образом были бы способны поддерживать существование растений и животных, далеко не похожих на первые. Конкретные науки — зоология и ботаника — ограничиваются видами действительно существующими или существовавшими когда-либо. Они обращают внимание не на то, в каком виде растения и животные могли бы существовать при всевозможных условиях, а на то, в каком виде они существовали именно при тех обстоятельствах, какие были на самом деле. Эти науки указывают настоящий образ существования растений и животных, выставляют на вид явления, какие они представляют в действительности — и при этом одновременно берут во внимание реальное существование каждого вида — в его целом, как бы ни были разнообразны конечные законы, от которых зависит это существование и к какому бы числу различных абстрактных наук ни принадлежали эти законы. Существование данного дерева или льва составляет совокупный результат действий многих естественных законов — физических, химических, биологических и даже астрономических. Абстрактная наука занимается отдельно каждым из этих законов, но рассматривает каждый из них во всех его видах, во всех возможных случаях его действий: конкретная же наука рассматривает их только в комбинациях, насколько они существуют и сказываются в животных и растениях, подлежащих нашему наблюдению. Отличительные признаки обоих разрядов Конт резюмировал в следующем выражении:

конкретная наука имеет дело с Существами или Предметами, абстрактная — с Явлениями.³

Конкретные науки по необходимости идут позже в своем развитии, чем науки абстрактные, от которых они зависят. Это не значит, чтобы они позже начали изучаться; напротив, они стали разрабатываться прежде всего: так как в наших абстрактных исследованиях мы непременно выходим из самобытных фактов. Но, хотя мы можем делать эмпирические обобщения, невозможно составить научную теорию конкретных явлений, пока не будут узнаны законы, которые регулируют и объясняют их, — а эти законы составляют предмет абстрактных наук. Следовательно, нет ни одного конкретного исследования, которое бы в настоящее время достигло своей законченной формы и могло бы считаться наукой в истинном смысле; все они представляют собою только материалы для науки: это происходит отчасти по недостаточности фактов, а больше потому, что абстрактные науки — исключая поставленных в самом начале ряда — еще не достигли той степени совершенства, которая необходима для того, чтобы сделать действительно-конкретные науки возможными.

По устранении, таким образом, конкретных наук, как не сформировавшихся еще, но только стремящихся к образованию, можно классифицировать одни лишь абстрактные. Их, как показал Конт, числом шесть. Начало, которое он предлагает для их классификации, удивительно согласуется с условиями нашего изучения природы. Различные классы явлений могли бы зависеть от законов совсем отличных; переходя от одного предмета научного изучения к другому, человек занимающийся наукой оставлял бы позади все законы, узнанные им прежде, и вступал бы в область совершенно нового ряда единообразий. Науки, таким образом, были бы вполне независимы одна от другой, каждая из них была бы предоставлена своим собственным индукциям, а если бы она была вполне дедуктивна, она должна была бы делать свои

---

³ Герберт Спенсер, который так же делает разграничение между абстрактными и конкретными науками, употребляет эти термины не в том значении, как показано выше. Он называет науку абстрактной, когда ее истины просто идеальны, когда они, как напр. истины геометрии, не вполне исчерпываются действительностью или, как напр. так называемый закон инерции (постоянство направления и скорости сообщенного однажды движения), — когда они заключаются в данных опыта, но на самом деле не замечаются, потому что всегда более или менее полно парализуются. Химию и биологию он, напротив, включает в число конкретных наук по той причине, что химические сочетания и разложения и физиологическое действие тканей на самом деле совершаются (по свидетельству наших чувств) так, как то предполагают науки. Мы не будем говорить о логическом и филологическом достоинстве того или другого употребления терминов — абстрактный и конкретный. С обеих точек зрения, весьма немногие из бесчисленных значений, какие придают этим словам, состоятельны; но из двух приведенных здесь значений Контово соответствует в высшей степени глубокому и жизненному разграничению. Значение же, придаваемое Спенсером, доступно радикальному возражению; оно классифицирует истины не на основании их предмета или их взаимных отношений, а на основании неважного различия в способе, каким мы познаем их. Какое дело, что закон инерции (рассматриваемый как точная истина) не составляет обобщения из наших непосредственных впечатлений, но представляет результат сопоставления движений, какие мы замечали, если бы не было парализующих причин? В том и другом случае — мы одинаково уверены, что это есть точная истина: потому что каждый динамический закон выполняется совершенно даже тогда, когда, кажется, встречает противодействие. Можно предположить, что в физиологии напр. должно быть много истин, которые узнаются только подобным посредственным процессом: Спенсер едва ли оторвал бы их от целого науки и назвал бы абстрактными, а остальное — конкретным.

выводы из посылок, исключительно доставляемых ею самою. На деле же, однако, бывает не так. Отношение, действительно существующее между различными родами явлений, дает наукам возможность быть расположенными в такой порядок, что проходя по этому порядку мы не выйдем из сферы известных законов, а на каждой ступени познакомимся только с добавочными. В этом порядке Конт и предлагает расположить науки. Он классифицирует их в восходящей линии — по степени сложности их явлений; так что каждая наука покоится на истинах всех предшествующих — с присоединением частных истин, собственно ей принадлежащих.

Таким образом, числовые истины верны относительно всех вещей и зависят единственно от своих собственных законов. Поэтому наука чисел, состоящая из арифметики и алгебры, может быть изучаема без всякого отношения к какой-либо другой науке. Истины геометрии предполагают законы чисел — и более специальный класс законов, свойственных протяженным телам, но не требует других: геометрия, следовательно, может быть изучаема независимо от всех других наук, кроме науки числа. Рациональная механика предполагает законы чисел и протяжения и затем другой ряд законов, именно: равновесия и движения. Истины алгебры и геометрии никаким образом не зависят от этих последних и остались бы верны даже, если бы они оказались прямо противоположными тому, что представляют теперь; но явления равновесия и движения не могут быть ни поняты, ни установлены без приложения законов числа и протяжения — в том виде, как они существуют. Явления астрономии зависят от всех этих классов законов — с прибавлением закона тяготения, из которых последний нисколько не влияет на истины чисел, геометрии и механики. Физика (дурно называемая в просторечии английского языка — естественной философией) предполагает означенные три математические науки, а также астрономию: потому что все явления на земле подлежат влиянию движения земли и небесных тел. Химические явления зависят (помимо их собственных законов) от всех предшествующих — между прочим и от законов физики — особенно же теплоты и электричества. Физиологические явления покоятся на законах физики и химии с присоединением своих собственных. Явления общественной жизни человека подчиняются своим особым законам, но не исключительно зависят от них: они следуют также законам органической и животной жизни, равно как и неорганической природы. Эти последние действуют на общество не только путем влияния на жизнь, но и путем определения физических условий, среди которых общество развивается.

«Chacun de ces degrés successifs exige des inductions qui lui sont propres; mais elles ne peuvent jamais devenir systématiques que sous l'impulsion déductive résultée de tous les ordres moins compliqués» (Système de Politique Positive, п. 36).

Пер.: «Каждая из этих последовательных ступеней требует свойственных ей индукций; но они никогда не могут стать систематическими иначе как под дедуктивным импульсом, исходящим из всех менее сложных порядков» (Система позитивной политики).

Таким образом науки располагаются Контом в линейный ряд, в котором каждое звено представляет дальнейшее углубление в специальность сравнительно с предыдущим звеном и (что необходимо сопровождает усиление специальности) увеличение сложности, т. е. представляет ряд явлений, определяемых более обширной комбинацией законов. Они стоят в следующем порядке: 1) Математика; три ветви ее следуют одна за другой по тому же самому началу: наука чисел, геометрия, механика; 2) Астрономия; 3) Физика; 4) Химия; 5) Биология; 6) Социология или социальная наука, явления которой зависят от основных истин всех других наук и не могут быть поняты без них. Предмет и содержание этих различных наук очевидны сами собой, за исключением физики, которая скорее составляет группу наук, нежели единичную науку, и разделена Контом на пять отделов: учение о тяжести или Барологию, учение о теплоте или Термологию, Акустику, Оптику и учение об электричестве или Электрологию. Конт и их пытался расположить в силу того же принципа возрастающей специальности и сложности; но они с трудом мирились с таким порядком, и сам Конт видоизменял его в разные периоды. Впрочем, так как все пять отделов независимы один от другого, то он придавал мало важности их порядку — за исключением того, что учение о тяжести считал нужным поставить в начале — как стоящее в тесной связи с астрономией, а учение об электричестве в конце — как переход к химии.

Если лучшей классификацией должна считаться та, которая обоснована на свойствах наиболее важных для наших целей, — то классификация Конта вполне соответствует этому требованию. Располагая науки в порядке сложности их предмета, она представляет их в порядке трудности. Каждая наука предлагает себе более трудную задачу, чем та, какую имеют науки, предшествующие ей, и следовательно совершенство останется для нее всегда менее доступным и если будет достигнуто, то, вероятно, позже. Вдобавок к этому, каждая наука для установки своих истин нуждается в истинах всех предыдущих наук. Единственное средство, которым могли быть обнаружены, напр., физиологические законы жизни, состояло в выделении из числа многоразличных и сложных фактов жизни той доли их, которой не могли объяснить ни химические, ни физические законы. Только изолируя таким образом действия частных органических законов, сделалось возможным открыть — что они такое. Итак, порядок, в каком науки следуют одна за другою в линии, не может, во многих случаях, не представлять исторического порядка их развития и есть единственный порядок, в котором они могут быть рационально изучаемы. В последнем случае представляется еще добавочное основание: более специальные и более сложные науки нуждаются не только в истинах наук простейших и более общих, но еще более в их методах. Научный ум, как у индивидов, так и у целых рас, должен при более элементарных занятиях узнать те приемы исследования и те правила доказательств, которые приложимы на практике и в более сложных случаях. Без должной практики на низшей ступени, ум не может сделаться способным для высших ступеней.

Герберт Спенсер — в своем опыте, озаглавленном «Генезис Науки» и в новейшей брошюре о «Классификации наук» — разобрал и отверг классификацию Конта и предложил свою, более выработанную. Литтре — в своем почтенном биографическом

и философском труде о Конте («Auguste Comte et la Philosophie Positive») с некоторой подробностью критиковал этот разбор. Спенсер принадлежит к числу тех немногих людей, которые основательностью и энциклопедическим характером своих знаний, замечательной способностью сопоставлять факты и выяснять связи, приобрели право стать наравне с Контом и подать свой голос при оценке его. Но относясь с почтительным вниманием ко всему, что принадлежит Спенсеру, — мы не можем, однако ж, сказать, чтоб он во всем был прав. Во всякой классификации легко найти ошибки. Есть сотни способов расположить известную коллекцию предметов — и почти всегда может быть кое-что сказано против самого лучшего и в пользу самого худшего из них. Но достоинство классификации зависит от целей, для которых она служит орудием. Мы указали цели, для которых назначалась Контова классификация. Спенсер не доказал, чтоб она не соответствовала этим целям; а мы не можем сказать, чтоб его собственная соответствовала столь же важным видам. Главное его возражение состоит в следующем: если более специальные науки нуждаются в истинах более общих наук, то последние, в свою очередь, имеют нужду в истинах первых и были задержаны в своем прогрессе несовершенным состоянием наук, стоящих далеко ниже их в Контовом ряду: так что взаимная зависимость наук представляет consensus, а ничуть не восходящий ряд или иерархию. Что ранние науки получают помощь от позднейших — это несомненно верно: это входит также в теорию Конта и пояснено весьма подробно в его сочинении. Если он утверждает, что одна наука исторически предшествует другой, — это не значит, чтобы совершенство первой предшествовало самому скромному началу следующей за ней. Спенсер не делает различия между эмпирической и научной ступенью разработки какой-либо ветви знания. Начало всякого изучения состоит в накоплении неанализированных фактов и в собирании произвольных обобщений в том виде, как они представлялись естественной восприимчивости. На этой ступени каждая ветвь исследования может существовать независимо от другой. Конт замечает в этом случае, что изучение в высшей степени сложное с научной точки зрения и занимающее последнее место в его ряду — именно изучение человека, как существа нравственного и социального, по причине глубокого своего интереса, разрабатывается более или менее каждым человеком и по преимуществу великими практическими умами; что оно весьма рано обладало гораздо большим запасом верных, хотя ненаучных наблюдений, нежели более элементарные науки. Этими-то эмпирическими истинами позднейшие и более специальные науки и ссужают предшествовавшие им науки; иногда только сообщают позднейшие науки какую-либо в высшей степени элементарную истину, доступную непосредственному опыту и необходимую для дальнейшего развития науки, уже прежде установившейся. Вот в чем состоит воздействие позднейших наук на предыдущие, которое Конт не только признавал, но и считал весьма важным систематизировать.⁴

---

⁴ Самое сильное доказательство, какое Спенсер приводит в пользу того, что научно установленный закон, принадлежащий к позднейшей науке, был необходимым для рационального образования науки, стоящей прежде в Контовом ряду, — это закон ускорения силы тяжести. Конт поместил его в физику, между тем без него не могла быть бы открыта Ньютонова теория небесных движений и вряд ли была бы доказана даже в наше время. Этот факт, как справедливо заметил Литтре, нисколько не говорит против плана Контовой

Но хотя отдельные истины, относящиеся к более сложному порядку явлений, могут быть эмпирически наблюдаемы и некоторые из них даже научно установлены одновременно с ранним состоянием наук, стоящих выше в ряду классификации, — во всяком случае эти отдельные истины, как верно заметил Литтре, не составляют науки. Все, что известно о предмете, только тогда становится наукой, когда представляет связанное целое истины, в котором отношение между общими началами и частностями определенно понято и каждая частная истина может быть признана, как проявление действия более обширных законов. Но эта ступень прогресса, на которой изучение переходит из приуготовительного состояния в науку, не может быть достигнута сложными исследованиями прежде, чем на нее стали простейшие. Известная правильность в возобновлении небесных явлений была замечена прежде, чем сделаны были особенные успехи в геометрии. Но до тех пор, пока геометрия не развилась, для астрономии настолько же было доступно сделаться наукой, насколько возможно заниматься тройным правилом прежде сложения и вычитания. Истины простейших наук составляют часть законов, на которых покоятся явления наук более сложных. Эти истины не только — необходимый элемент при их объяснении, но должны быть так хорошо поняты, чтобы их можно было проследить в сложных комбинациях, и поняты прежде, чем могут быть обнаружены специальные законы, существующие и действующие в сочетаниях с ними. Вот все, что Конт утверждает — и этого достаточно для его цели.⁵ Он, без сомнения, иногда допускал неточности языка более, нежели можно бы оправдать, принимая во внимание логическое совершенство построения его

классификации, а обнаруживает только незначительную ошибку в частностях. Конт не должен был бы помещать в физику законы земной тяжести: они составляют часть общей теории тяготения и принадлежат к астрономии. Спенсер подметил одну из слабых сторон Контова ряда наук — слабую, однако же, только потому, что она была оставлена без охраны. Астрономия, по Конту — вторая абстрактная наука, соответствует его же собственному определению конкретной науки. Но вся ошибка Конта состоит в том, что он не сделал должного разграничения. Есть абстрактная наука астрономия, именно — теория тяготения, которая одинаково обнимала бы и объясняла бы факты совершенно различных солнечных систем. Действительные же факты нашей системы — объемы, расстояния, скорости, температуры, физическое строение и т. д. солнца, земли и планет — все это составляет предмет конкретной науки, подобно естественной истории. Впрочем, здесь конкретная наука связана с абстрактной гораздо теснее, чем в других случаях, потому что те немногие небесные явления, которые доступны для нас, почти все необходимы для обнаружения и подтверждения закона тяготения, как всеобщего свойства тел, и таким образом естественно занимают место в абстрактной науке, как ее основные данные.

⁵ Единственный пункт, на котором общий принцип, принятый в Контовой классификации, не оправдан в своем применении, — это подразделение физики. Так как между ее ветвями едва ли существует соподчинение, то распределение их не совсем последовательно. Учение о теплоте, в самом деле, представляет совершенное исключение из принципа убывающей общности; ибо теплота, как справедливо говорит Спенсер, так же всеобща, как тяготение. Но место учению о теплоте указано внутри известного ограниченного предела если не принципом, так целью классификации. *Desideratum* состоит в том, чтобы всякая наука предшествовала тем, которые без нее не могут быть точно построены или рационально изучены. Именно как средство к этой цели важно располагать явления в порядке их зависимости друг от друга. Правда, хотя теплота есть наиболее общее явление из всех представляемых внешнею природою, — ее законы не влияют особенно существенным образом на явления астрономии и в других отраслях физики сказываются только как слегка видоизменяющие деятели, рассмотрение коих может быть отложено до времени дальнейшего развития. Но явления химии и биологии в своем существовании часто зависят от этих законов. Цель классификации, следовательно, требует, чтоб учение о теплоте поставлено было прежде химии и биологии, а никак не отлагалось дальше. С другой стороны, та же самая цель с иной точки зрения заставляет поместить это учение вслед за астрономией: причина тому не теория, а метод. Астрономия — лучшая школа истинного искусства объяснять природу, которым учение о теплоте пользуется наравне с другими науками, но которому оно само не может научить.

линейного ряда и строгое соответствие этого ряда с историческим развитием наук; но эти неточности часто поправляются подробностями его изложения. Для практических же целей он стоял к истине во всех отношениях достаточно близко.⁶ Незначительные промахи часто должны быть прощаемы даже великим мыслителям. Спенсер во всех сочинениях своих, в которых критикует Конта, представляет примеры таких промахов.⁷

Совокупив положения, что каждая наука тем менее развита, чем выше место она занимает в восходящей линии, и что все науки проходят через три ступени — теологическую, метафизическую и положительную, мы получим в выводе, что чем специальнее наука, тем позднее она совершает эти переходы — так что вполне положительное состояние ранней науки часто совпадает с метафизической ступенью следующей за нею и с чисто теологическим состоянием позднейших. Этот взгляд верно представляет общий ход фактов, хотя требует оговорок в частности. Математика, например, с самого начала ее разработки едва ли когда-либо находилась в теологическом состоянии, хотя обнаруживает следы метафизического. Никто, конечно, никогда не верил, чтобы воля Бога мешала параллельным линиям встретиться или делала дважды-два равными четырем; никогда не случалось, чтоб молили богов

---

⁶ Философия предмета нигде, кажется, не изложена так хорошо, как в «*Système de Politique Positive*» (iii. 41). «С логической точки зрения тот порядок, в котором наши основные теории завершают свою фундаментальную эволюцию, неизбежно вытекает из их взаимной зависимости. Все науки, без сомнения, могут быть намечены одновременно; их практическое применение даже требует такого параллельного развития. Однако оно может касаться лишь индукций, присущих каждому классу умозрений. Между тем этот индуктивный порыв способен дать достаточные принципы только в самых простых областях исследования. Во всех остальных случаях они могут быть установлены лишь путем подчинения каждого рода научных индукций совокупности дедукций, исходящих из областей менее сложных и, следовательно, менее зависимых. Таким образом, наши различные теории догматически опираются друг на друга в неизменном порядке, который должен исторически определять их окончательное становление, поскольку наиболее независимые из них всегда должны были развиваться раньше».

⁷ «Наука, говорит Спенсер в своем «Генезисе», пока она остается чисто индуктивной, имеет характер чисто качественный... Всякое количественное знание получается дедуктивно: индукция же может достигнуть только качественного предвидения.» Но, если мы припомним, что самый первый точно установленный количественный закон физических явлений — закон ускорения силы тяжести — был открыт и доказан Галилеем по крайней мере отчасти путем опыта; что количественные законы, на которых обоснована вся теория небесных движений, обобщены Кеплером из прямого сравнения наблюдений; что количественный закон сгущения газов под давлением — закон Бойля и Мариотта — получен был путем непосредственного опыта; что пропорциональность количеств, в которых каждый из известных элементов химически соединяется с другими, была определена при посредстве бесчисленных опытов, индуктивным обобщением коих является общий закон химических паев, составляющий в настоящее время основание самых точных знаний, — если мы припомним все это, то нам необходимо заключить, что Спенсер ошибся в общем предположении, несостоятельность которого могло бы обнаружить самое легкое соображение с истинами вполне ему известными. Далее, в той же самой брошюре, в которой Спенсер защищается против предположения, ставящего его в разряд учеников Конта («Классификация наук», стр. 49), он говорит о Бокле, как «приверженце Конта». Но за исключением общего обоим мыслителям мнения, что история может быть предметом науки, умозрения их не только различны, но даже идут в разных направлениях: Конт главным образом занимается законами развития общими всему человечеству, Бокль же сосредоточивается почти исключительно на разностях. Можно положительно утверждать, что им не были известны ни одни и те же истины, ни одни и те же заблуждения, ни даже одни и те же аргументы для защиты своих мнений — истинных или ложных. В сущности, как относительно Бокля, так и относительно Спенсера, нас одинаково поражает, что несмотря на сродство гения, на одинаковую обширность знаний и на склонность к одним и тем же умозрениям, — они так мало пользовались Контом. Эти недосмотры ничуть не подрывают точности знаний Спенсера вообще. Они обнаруживают просто недостаток внимания, от которого едва ли может быть всегда свободен мыслитель, занимающийся умозрениями, требующими держать в памяти в одно и то же время целую бездну фактов.

сделать квадрат гипотенузы больше или меньше суммы квадратов катетов. Самые набожные люди признавали, таким образом, класс истин, независимых от божественного всемогущества. Даже между истинами, которые народная философия называет превратным именем условных, некоторые — по своей точности и очевидности — были, вероятно, в самое первое время исключены из области теологического объяснения. Конт, вслед за Адамом Смитом, замечает, что никогда, ни в одной стране, не известен был бог веса. Совсем иное было с астрономией: люди верили, что небесные тела не только движутся богами, но даже сами суть божества. Когда эта теория пала, небесные движения стали объяснять метафизическими понятиями — как напр. стремлением природы к совершенству, в силу которого эти величественные тела, предоставленные самим себе, движутся по самой совершенной из орбит — кругу. Даже Кеплер был полон мечтами подобного рода. Они исчезли только тогда, когда Ньютон, открытием действительных физических законов небесных движений, закончил метафизический период астрономической науки. Наша способность предвидеть явления и наша власть направлять их представляют собой, как заметил Конт, две вещи, которые разрушают верование, что эти явления управляются изменчивыми волями. [Вырезано цензурой, восполняем по англ. первоисточнику: - В случае явлений, которые наука еще не научила нас ни предвидеть, ни контролировать, теологический способ мышления не перестал действовать: люди по-прежнему молятся о дожде, или об успехе в войне, или о предотвращении кораблекрушения или эпидемии, но не о возвращении звезд на прежние пути, сокращении времени, необходимого для путешествия, или об остановке приливов.] Следы первобытного склада мышления уцелели даже в более запутанных отделах наук, достигших уже высокой степени положительного развития. Так как метафизический вид истолкования менее противоречит идее о неизменных законах, нежели теологический, — то полное исчезновение его должно приближаться еще медленнее. Конт находит остатки этого приема мышления в науках вполне положительных, за единственным исключением астрономии; сама математика, по его мнению, не совсем еще свободна от этого приема. Тут нет, впрочем, ничего удивительного, — если мы посмотрим, как недавно математики сделались способными дать действительно положительное толкование своим символам.⁸ Впрочем, мы уже имели случай указать на склонность Конта употреблять термин «метафизический» там, где нет ничего, что соответствовало бы его определению этого слова. Например, он считает химию не чуждою метафизического приема мышления, потому что в ней есть понятие о химическом сродстве. Он полагает, будто химики, утверждавшие, что тела соединяются в силу того, что между ними существует сродство друг к другу, верили в какую-то таинственную сущность, обитающую в телах и влекущую их к соединению. Иначе — думает он — положение это значило бы только, что тела соединяются потому, что соединяются. Но на самом деле оно означает нечто более. Это положение было абстрактным выражением того учения, что тела имеют неизменное стремление соединяться с одним веществом по

---

⁸ Укажем особенно на мистическую метафизику, соединенную с отрицательным знаком, воображаемыми количествами, с бесконечно-малыми и т. д. Все это разъяснено и поставлено на рациональную точку в высоко-философских трактатах профессора де-Моргана.

преимуществу пред другим, что стремления различных элементов соединяться друг с другом составляют определенные, постоянные величины, из которых большая всегда берет перевес над меньшей, так что если в одном случае А отделяет В от С, то то же самое будет и во всяком другом случае. Вот это-то и значило, что они имеют больше притяжения друг к другу или, технически, больше сродства между собою. Это была не метафизическая теория, а положительное обобщение, которое объясняло громадное число фактов и удержало бы за собою место закона природы, если б не было опровергнуто обнаружением случаев, когда, несмотря на то, что при некоторых обстоятельствах А отделяет В от С, при других напротив С отделяет В от А. Такое открытие показало, что закон элективного химического сродства далеко не так прост, как предполагали вначале. В этом отношении, следовательно, Конт впал в ошибку; мы найдем, что и в других случаях он допускал погрешности подобного рода. Но в следующей за химиею науке, биологии, пустой прием объяснения явлений помощью схоластических сущностей, каковы: пластическая сила, жизненное начало и т. п., удержался даже до настоящего времени. Немецкая физиология школы Окена, несмотря на признанную гениальность ее основателя, почти настолько же отличается метафизическим характером, как и учение Гегеля; во Франции весьма недавно ожил снова анимизм Сталля. Эти метафизические объяснения, помимо их бесполезности, представляют серьезный вред тем, что ставят положительно-научное исследование на ложную дорогу. Правда, в этом не было ничего такого, что бы запрещало определять образ действия предполагаемой пластической или жизненной силы путем наблюдения и опыта, но выражения вели к ложной абстракции и обобщению, которые располагали исследователей видеть одну причину для сложных явлений, тогда как на самом деле явления эти зависели от многих причин.

Химия, говорил Конт, вступила в положительное состояние только с Лавуазье во второй половине прошедшего столетия (в одном из последующих трактатов он полагает это время поколением раньше); а биология — в начале нынешнего, когда Бишс установил основное различие между питательной или растительной и собственно животной жизнью и подвел свойства органов под общие законы составных тканей. Самая же сложнейшая из всех наук, наука социальная, утверждает Конт, вовсе еще не поднималась на положительную ступень, а представляла собою предмет постоянно возобновлявшейся бесплодной борьбы между теологическим и метафизическим видом мышления. Сделать социологию высшей из всех положительных наук и тем придать вполне положительный характер всем умозрениям человеческим — было главной задачей трудов Конта. Он был уверен, что исполнил эту задачу в последних трех томах своего трактата. Впрочем, термин «положительный» хотя и более постоянно, нежели метафизический, но все-таки не всегда употреблялся Контом в одном и том же значении. Ни для одной науки не могло быть периода, когда бы она не была в некоторой степени положительной: так как она всегда старалась выводить заключения из наблюдения и опыта. Конт нисколько не расположен отрицать, что, еще прежде его умозрений, мир владел уже множеством более или менее достоверных истин касательно социальных предметов, — истин, очевидность которых была установлена

путем индукций или дедукций из наблюдения последовательности явлений. Едва ли можно отрицать и то обстоятельство, что лучшие писатели об этих предметах, над которыми пыталось свою силу так много людей с самыми обширными умственными способностями, принимали так же полно, как сам Конт, положительную точку зрения и так же решительно, как он, отвергали теологическое и метафизическое воззрение. Монтескье, даже Макиавелли, Адам Смит и вообще политико-экономы как во Франции, так и в Англии, Бентам и все мыслители его школы — имели полное убеждение в том, что социальные явления совершаются по неизменным законам, открытие и разъяснение которых составляло важный предмет для них, как спекулятивных мыслителей. Все, что может быть сказано в пользу Конта, — это то, что все означенные философы не заходили так далеко, как он, в обнаружении методов наиболее способных выяснить эти законы. Таким образом, Конту не было дано поставить социальные исследования на положительную почву. То, что он действительно разумел под задачей «сделать науку положительной», мы назовем, вместе с Литтре, задачей «дать ей законченную научную форму», — другими словами, открыть или доказать те из истин, которые способны служить связующими нитями для всего остального, и предусмотреть все следствия этих истин, которые должны быть для социологии тем же, что закон тяготения для астрономии, элементарные свойства тканей для физиологии и (мы добавим, хотя Конт не сделал этого) законы ассоциации идей для психологии. Если эта операция исполнена, она полагает конец эмпирическому периоду науки и дает возможность понимать ее как стройное, связанное целое. Вот чего не было сделано еще для социологии. Надежда пополнить этот пробел служила для Конта с юных лет стимулом во всех его философских трудах.

Ввиду этого он предпринял ту изумительную систематизацию философии всех предшествующих наук от математики до физиологии, — систематизацию, которая одна, если бы он не сделал ничего другого, поставила бы его, во мнении людей понимающих, в число главных мыслителей века. Чтобы сделать дело понятным для тех, кто не знаком с предметом, мы должны объяснить, что мы разумеем под философией науки, как вещь отличной от самой науки. Истинное значение философии мы принимаем в том смысле, как принимали его в древности, т. е. в смысле научного знания о человеке, как существе разумном, нравственном и социальном. Так как умственные способности человека заключают в себе и его познавательную способность, то наука о человеке обнимает собою и все то, что он может знать — насколько это касается способа познания; другими словами, она вмещает в себе целое учение об условиях человеческого знания. Философия науки есть таким образом не что иное, как сама наука, рассматриваемая не по отношению к ее результатам, истинам, которые она определяет, а по отношению к процессам, посредством которых ум достигает этих результатов, признакам, по каким он узнает эти истины, а также по отношению к стройному и методическому расположению их в видах возможно большей ясности понимания, равно как самого полного и удобного применения: одним словом, это — логика науки. Касательно первых пяти основных наук своего ряда, Конт достиг предположенной цели с успехом, которому едва ли можно достаточно удивиться. Даже менее изумительную часть его общего обзора, — том о химии и биологии,

который уже тогда стоял ниже действительного состояния этих наук и находится далеко позади нынешнего положения их, — даже этот том нам никогда не случилось открывать без того, чтобы не почувствовать каждый раз всей обширности умозрений, заключенных в нем, и не убедиться, что путь поставить эти науки на совершенно рациональную ногу, далеко еще не вполне усвоенный большинством занимающихся разработкой их, нигде так успешно не был указан.

Но для верной оценки этого великого философского произведения, мы должны иметь в виду то, что не было исполнено, так же, как и то, что было сделано. Некоторые из главных недостатков и слабостей контовой системы мышления находятся, как это обыкновенно случается, в тесной связи с ее самыми высшими успехами.

Философия науки состоит из двух главных частей. Одна занимается методами исследования, другая рассматривает требования доказательности; одна указывает пути, которыми ум человеческий приходит к заключениям, другая — способ, каким устанавливается их очевидность. При полноте — первая представила бы органон открытия, последняя — органон доказательности. Конт ограничивается главным образом первой из этих частей и разрабатывает ее с таким совершенством, что не имеет до сих пор соперника в этом деле. Ничто не может сравниться с его обзором средств, какими ум человеческий располагает для исследования законов явлений; с его разбором обстоятельств, которые делают известный основной вид исследования применимым или неприменимым к тому или другому классу явлений; с его изложением расширений и видоизменений, какие испытывает процесс исследования, приспособляясь ко всякой новой области изучения; наконец, с его изображением даров, какими каждая из основных наук обогащает метод положительного исследования; так как та или другая наука лучше всего бывает способна довести до совершенства тот или другой процесс. Эти и многие сродные предметы, каковы теория классификации и значение научных гипотез, Конт разработал с таким глубоким знанием дела, которое оставляет желать весьма немногого. Не менее удивителен и его обзор самых обыкновенных истин, достигаемых каждой наукой и рассматриваемых касательно их отношения к общей сумме человеческого знания и касательно их логической важности, как вспомогательных средств к дальнейшему прогрессу. Но за всем этим остается совершенно особый вопрос. Мы изучили прямой путь доискиваться результатов, но, когда результат достигнут, как узнать, что он верен? Как удостовериться, что процесс был веден правильно, что наши посылки — состоят ли они из обобщений или из частных фактов — действительно доказывают заключение, которое мы основали на них? Конт не думает затрагивать этого вопроса. Он не дает пробного камня для доказательства. Что касается дедукции, Конт не признает силлогистической системы Аристотеля и его преемников (недостаточность этой системы так же очевидна, как действительна ее польза), и не предлагает чего-либо другого на ее место; относительно же индукции у него нет никаких правил. Он, кажется, не допускает возможности какого-либо общего критерия, которым можно было бы решать: данное индуктивное заключение — верно или нет. Впрочем, он не смотрит, подобно Уэвеллу, на индуктивную теорию как доказанную в том случае, если

она согласуется с фактами; напротив, он ставит себя в полное противоречие к тем научным гипотезам, которые, как напр., гипотеза светового эфира, не подлежат прямому доказательству и принимаются единственно на основании приложимости их к объяснению явлений. Конт утверждает, что только та гипотеза законна, которая допускает возможность проверки, что ни одна из них не должна признаваться истинной, исключая случаев, когда может быть показано не только то, что она согласуется с фактами, но и то, что ее ложность несовместима с ними. Он, следовательно, ищет критерия для индуктивных доказательств и, не указывая такового, кажется, оставляет в стороне, как непрактичную, главную задачу собственно так называемой логики. В начале своего трактата он говорит о теории метода, отделенной от частных приложений, как о вещи возможной, но ненужной: метод, по его мнению, изучается только тогда, когда прилагается, и логика науки может быть с пользой передана только самой наукой. К концу труда Конт принимает более решительный тон и считает химерой всякую мысль о научной логике вне ее применения. В следующих сочинениях он зашел в этом направлении так далеко, что признал ее вредной. Он не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной философии другими ее отраслями, но даже сделал все, зависящее от него, чтоб воспрепятствовать такому пополнению.

Этот пробел в контовой системе стоит в связи с недостатком в его основном воззрении на предмет научного исследования, недостатком, который был замечен всеми и который, по характеру своему, скорее может быть преувеличен, чем упущен из виду. Часто говорят о Конте, что он отвергает изучение причин. В точном смысле, это неверно: так как он отвергает только вопросы о первоначальном происхождении и о деятелях, отличных от того, что называют причинами естественными. Он считает недоступными для нас причины, которые сами не суть явления. Подобно многим он допускает исследование причин в том смысле, по которому один естественный факт может быть причиной другого. Но Конт не терпит слова: «причина», он согласен говорить только о законах последовательности. Отказываясь от употребления слова, имеющего положительное значение, он упускает из виду и мысль, выражаемую им. Он не видит различия между двумя такими обобщениями, как законы Кеплера и теория тяготения. Он не старается понять разницу между законами последовательности и сосуществования, которые мыслителями другой школы называются законами явлений и законами того, что они зовут действием причин. Пример первых мы видим в преемственности дня и ночи, образец вторых представляет вращение земли, производящее эту преемственность. Последовательность дня и ночи настолько же, как и попеременное обращение противоположных сторон земли к солнцу, — составляет неизменный порядок. Однако же день и ночь ничуть не причины друг друга. Почему? Потому, что их порядок, хотя неизменный по нашему опыту, не представляется таким безусловно: эти факты только идут один за другим, так как отсутствие и присутствие солнца следуют друг за другом, и перестань они чередоваться, мы бы имели или день, не сопровождающийся ночью, или ночь, за которой не следовало бы дня. Таким образом существуют единообразия двух родов: одни безусловные, другие — обусловливаемые первыми: законы причинности и распорядка последовательности,

зависящие от них. Все конечные законы суть законы причинности и только всеобщий закон, выходящий из области математики, представляет собою закон всеобщей причинности, именно: закон, что всякое явление имеет феноменальную причину, т. е. имеет впереди себя какое-либо другое явление или целую комбинацию явлений, за которыми оно неизменно и безусловно следует. На всеобщности этого закона покоится возможность установить правила для индукции. Общее положение, полученное индуктивным путем, только тогда может считаться верным, когда частные случаи, на которых оно основывается, такого рода, что, при точном наблюдении их, ложность обобщения представилась бы несовместною с постоянством причинности, — со всеобщностью факта, что явления природы совершаются по неизменным законам последовательности.⁹ Таким образом, решительное сопротивление Конта как слову, так и идее: «причина», вероятно, много способствовало тому, что для него немислима была «Индуктивная логика», так как его внимание было отклонено от единственного основания, на котором она могла быть построена.

Как бы ни казалось это странным, но мы должны указать на одно обстоятельство в философской деятельности Конта, сказавшееся весьма легкими намеками в его капитальном произведении и выступившее на свет с полной очевидностью только в его позднейших сочинениях, а именно, Конт, в сущности, не настолько заботился о полноте доказательства, насколько то подобает философу-позитивисту, и непогрешимая, как бы он хотел ее назвать, объективность понятия, т. е. точное соответствие с действительностью внешнего факта, не представляла для него неперемного условия, от которого бы зависело допущение этого понятия: оно, если оказывалось полезным с субъективной точки зрения, принималось в силу каких-то уступок, на которых ум имеет право при группировке явлений. Особенно интересно обнаруживается это в главах о философии химии. Конт рекомендует пользоваться, в силу *«той степени свободы, которая предоставлена нашему разуму целью и задачей положительного знания»*, теорией, что каждое химическое соединение есть сочетание только двух элементов, что каждое тело, которое наш анализ разлагает, положим, на четыре части, непосредственно состоит только из двух частей, из коих каждая заключает в себе два простейших начала. Нечего было бы возражать на это, если бы теория предлагалась как научная гипотеза, имеющая целью возбудить опыты, которые бы могли проверить ее истинность. В таком случае мысль была бы законная и философская — тем более, что, подтвержденная на опыте, она дала бы объяснение тому факту, что некоторые вещества, в которых анализ обнаруживает одни и те же элементарные части, различаются друг от друга в их общих свойствах, как напр. сахар и камедь.¹⁰ А если бы эта гипотеза, кроме указания на причины разницы между вещами

---

⁹ Желая проследить эту идею до конца, благоволят обратиться к «Системе Логики» (пер. под ред. Н. Л. Лаврова). Конт, вскоре после издания этого сочинения, выразил как в письме (напечатанном у Литтре), так и в печати свое высокое одобрение этой книге (особенно индуктивной ее части), как действительно содействующей установке положительного метода. Но мы не могли обнаружить, чтобы он позаимствовал из этого труда хоть одну мысль или чтоб это произведение оказало хоть малейшее влияние на ход его последующих умозрений.

¹⁰ Сила этого соображения была, однако, много ослаблена прогрессом открытий с тех пор, как Конт оставил заниматься химией; так в настоящее время сделалось вероятным, что, если не все, так большая часть тел,

отличными друг от друга, представила основания для совпадения между вещами, имеющими сходство одна с другою; если бы средний пункт, при котором четвертое соединение распадается на два — парных, был так хорошо выбран, что давалась бы возможность каждое из этих соединений подвести под аналогии некоторых известных классов парных сочетаний (что легко предполагается и в некоторых частных случаях удаётся):¹¹ тогда всеобщность парных соединений была бы великолепным примером того, как гипотеза положительной теории в состоянии дать направление исследованию, которое или докажет или отвергнет ее. Но Конт, очевидно, полагает, что даже если бы не представлялось возможным когда-либо доказать ее, т. е. если бы всегда оставалось много случаев химического соединения, в которых бы эта теория продолжала быть гипотетической, как вначале, — все-таки до тех пор, пока она не будет положительно опровергнута (что едва ли возможно по самому свойству данного случая), ее стоило бы придерживаться единственно в силу ее удобства, которое дает возможность подвести под одно общее понятие громадное количество явлений. В конце своего произведения, в *résumé* общих начал положительного метода Конт, в самых определенных выражениях требует неограниченной свободы допускать «без всякой излишней щепетильности» гипотетические понятия подобного рода, «для надлежащего удовлетворения наших умственных склонностей, которые всегда, с какою-то инстинктивной любовью, стремятся к простоте, целостности и общности понятий и при этом постоянно с полным почтением относятся к реальности внешних законов, насколько она доступна нам» (VI, 639). «Истинно-философское воззрение ведет нас к мысли, что изучение законов природы имеет назначение представлять в должном свете внешний мир так же, как и удовлетворять существенным склонностям нашего ума, насколько то совместно со степенью точности, требуемой совокупностью наших практических нужд» (VI, 642). В разряд этих «существенных склонностей» он включает не только наше «инстинктивное предрасположение к порядку и гармонии», вследствие которого нас удовлетворяет всякое фиктивное понятие, коль скоро оно помогает возвести явления в систему, но даже наши эстетические ощущения, «*les convenances purement esthétiques*», которые, говорит он, должны иметь законную часть в употреблении «*du genre de liberté resté facultatif pour notre intelligence*» («того рода свободы, что остается предоставленной на усмотрение нашего разума»). После должного удовлетворения наших «высших умственных склонностей», еще остается, «значительная доля неопределенности, которая бы могла быть употреблена на непосредственное удовлетворение нашего *besoin* идеальности: научные мысли могли бы быть украшены без ущерба для их существенной действительности» (VI, 647). Согласно всему этому Конт предостерегает мыслителей против слишком строгой поверки точной истинности научных законов и клеймит «суровым осуждением» тех, которые на основании

даже самых элементарных, — восприимчивы к формам аллотропическим, каковы напр. случаи с кислородом и озоном, с двумя формами фосфора и т. д.

¹¹ Так, рассматривая синильную кислоту как соединение водорода и синерода, скорее, чем водорода и составных элементов синерода (азота и углерода), мы уподобляем ее целому классу кислотных сочетаний между водородом и другими веществами — и, таким образом, находим основание для объяснения ее кислотных свойств.

«слишком мелочного расследования» отвергают обобщения уже сделанные, не будучи в состоянии заменить их другими (VI, 639): так общая теория химии Лавуазье, если бы она оказалась истинной, сделала бы эту науку более удовлетворяющей «инстинктивным склонностям нашего ума», нежели теперь. Эти умственные особенности Конта объясняются тем, что он не находил или даже и не искал логического критерия доказательств; но они едва ли совместны с его застарелой враждой к гипотезе светового эфира, которая, конечно, в высшей степени удовлетворяет нашему «предрасположению к порядку и гармонии», не говоря уже о «besoin d'idéalité». Такое понятие о «назначении» изучения законов природы для нас представляется полным отрицанием существенных начал, которые образуют положительное понимание науки; и в нем, вероятно, заключалось зерно того превращения с философией Конта, которое ознаменовало собою его последние годы. Было бы интересно, но едва ли стоит того, — проникнуть в настоящую мысль, которая привела Конта к этому; потому что в заблуждениях ума оригинального и мощного почти всегда бывает доля истины.

Другое важное уклонение в Контовом взгляде на метод положительной науки, хотя отличается более философским характером, чем упомянутое выше, но имеет и большее практическое значение. Он вовсе отвергает, как ни к чему не ведущий процесс, собственно, так называемое психологическое наблюдение или, другими словами, внутреннее сознание — по крайней мере по отношению к нашим умственным операциям. В своем линейном ряду — он не дает места психологии и повсюду говорит об ней с пренебрежением. Изучение умственных явлений или, как он выражается, интеллектуальных и нравственных отправления, помещено у него под рубрику биологии, но и то, как ветвь физиологии. Наши познания об уме человеческом, полагает Конт, должны приобретаться чрез наблюдение других людей. Но каким образом мы будем в состоянии наблюдать умственные операции у других людей и объяснять их проявления, если знание самих себя не покажет нам, что означают эти проявления, — он не определяет. Ему казалось, что самонаблюдение может дать нам весьма немного относительно чувств и ничего не дает касательно разума. Он полагал, что наш ум в состоянии наблюдать все другое, кроме себя самого, что мы не в силах наблюдать свое наблюдение и рассуждение во время самих процессов; и, если бы захотели сделать это, то внимание к самому рефлексу уничтожило бы его объект, остановив собою наблюдаемый процесс.

Нет надобности в опровержении ложного воззрения, относительно которого остается только удивляться, как оно в состоянии было ввести кого-либо в заблуждение. Два ответа могло быть дано Конту. Прежде всего — ему можно было посоветовать обратиться к опыту и к сочинениям некоторых его соотечественников и нашего соотечественника В. Гамильтона — за доказательством того, что ум в силах не только сознавать, но и активно воспринимать в одно и то же время значительное число впечатлений. Правда, внимание ослабляется распадением и это составляет специальное затруднение при психологических наблюдениях, которое вполне признается психологами (в частности В. Гамильтоном), но трудность не есть

невозможность. Во-вторых, вероятно самому Конту было известно, что факт может быть изучаем при посредстве памяти и не в тот самый момент, когда мы его замечаем, а после: этим-то путем действительно и приобретаются наши познания об умственных актах вообще. Мы рассуждаем о том, что делали, когда самое действие прошло, но когда в памяти еще свежо его впечатление. Вне этих путей мы не могли бы приобрести знаний о том, что происходит в нашем уме, — знаний, которых у нас никто не отрицает. Сам Конт едва ли бы стал утверждать, что мы невежды относительно наших умственных действий. Как бы мы ни изучали процессы наших наблюдений и рассуждений, в то ли самое время, когда они совершаются, или же после при содействии памяти, — в том и другом случае мы изучаем их — непосредственно в них самих, а не только в их результатах (как то, что мы делаем в состоянии сомнамбулизма). Этот простой факт разрушает всю Конткову аргументацию. То, что узнается нами непосредственно, мы можем и наблюдать непосредственно.

Но какое же средство для исследования «интеллектуальных и нравственных отправления» предлагает Конт на место непосредственного умственного наблюдения, которое он отвергает? Стыдно сказать: — френологию! Правда, говорит он, это — наука не сложившаяся, но еще развивающаяся. Он отвергает почти все специальные органы, придуманные френологами, и принимает только их общее деление мозга на три области склонностей, чувств и ума¹² и подразделение последней области на органы рассуждения и наблюдения. Во всяком случае в этом очерке распределения умственных отправлений между различными органами он видит попытку вывести изучение ума человеческого из метафизического состояния и поднять на положительную ступень. Грустно было бы положение науки духа, если б только в этом заключались все шансы ее положительности; потому что новейшие физиологические наблюдения и умозрения ведут не к тому, чтоб подтвердить, но чтоб уронить френологическую гипотезу. Даже если б эта гипотеза была верна, — и тогда бы все-таки было необходимо психологическое наблюдение; потому что нельзя определить соотношение между двумя вещами при наблюдении только одной из них. Чтобы установить соотношение между умственными отправлениями и формами мозга — требуется не только параллельная система наблюдений над теми и другими, но и (как признает с некоторою непоследовательностью сам Конт) анализ умственных способностей — «различных элементарных способностей» (III, 573), который бы вестен был без всякой ссылки на физические условия: доказательство теории могло бы заключаться в соответствии между делением мозга на органы и делением ума на способности, из коих каждое найдено бы было отдельным путем. Для этого анализа необходимо непосредственное изучение духа, доведенное до высокой степени совершенства: между прочим, нужно исследовать, в какой мере обстоятельства служат к образованию умственного характера, потому что никто не предположит, чтобы все делалось формами мозга, а обстоятельствами — ничего. Таким образом френологическое изучение ума предполагает, как необходимое условие для своего

---

¹² Или, как он поправил после, на три области желаний и душевных движений, деятельных склонностей, интеллектуальных способностей — «le coeur», «le caractère» и «l'esprit».

развития, полный союз с психологией. Поэтому, не отрицая той помощи, какую изучение мозга и нервов в состоянии оказать психологии (а оно принесло и принесет еще большую помощь), мы можем утверждать, что Конт не сделал ничего для установки положительного метода в науке духа. Он отказался воспользоваться весьма важными попытками своих предшественников, в особенности: Гартли, Броуна и Джемса Милля (если только эти мыслители были известны ему), и оставил на долю своих преемников — Бэна и Спенсера, отнесшихся к предмету с двоякой точки зрения: психологической и физиологической — развитие психологической ветви положительного метода, равно как и самой психологии. Эта ошибка является уже не простым пробелом в системе Конта: она служит источником серьезных заблуждений в его попытке создать социальную науку. Правда, он обладал особенною способностью оценивать влияние обстоятельств на образование общего характера человеческой расы (и, не будь этого, его историческая теория имела бы мало значения), но, определяя воздействие, которое обстоятельства оказывают при посредстве психологических законов на происхождение разностей характера — коллективного или личного, — он крайне заблуждается.

После этого краткого обзора Контовой концепции положительной философии, остается дать некоторое понятие о более специальной и столь же отважной попытке Конта — создать науку Социологии или, как он сам выражается, поднять изучение социальных явлений на положительную ступень.

Все люди, имеющие какие-либо политические мнения, делятся, на его взгляд, на приверженцев теологического или метафизического вида мышления; потому что одни выводят все свои теории из божественных велений, другие — из абстракций. Это положение, однако же, не может быть понимаемо в том же самом смысле, как если бы данные термины были приложены к наукам неорганического мира; так как не невозможно, чтобы действия, очевидно производимые человеческой волей, могли быть приписываемы влиянию (по крайней мере непосредственному) божеств или абстракций. Никто никогда не смотрел на себя или на подобного себе как на простую машину, которая приводится в дело богом, или как на жилище сущности, которая и есть настоящий творец того, что человек, по-видимому, делает сам. Правда, верили, что боги или бог возбуждают и видоизменяют человеческие желания, равно как и направляют их последствия. Самые молитвы в этом случае приносились им скорее, как существам, могущим регулировать самобытный ход вещей, нежели, как божествам, которые могут каждую минуту создавать новый порядок. В целом, однако же, теологические и метафизические понятия, в их приложении к социологии, касались не воспроизведения явлений, а только правил долга и поведения в жизни. Это-то и было обосновано или на божественной воле, или на абстрактных понятиях ума, которым, вследствие заблуждения рассудка, придана была объективная действительность. С одной стороны, установившиеся правила нравственности везде признавались божественными по происхождению. В большинстве стран целое гражданское и уголовное законодательство почиталось откровением свыше, и только незначительным воинственным общинам, избежавшим этого обольщения, обязан

человек тем, что в настоящее время он является существом прогрессивным. Почти везде верили, что основные учреждения государства установлены божеством и сохраняют в себе божественный авторитет. Божественное право известных королевских династий еще недавно составляло верование преобладающей партии в большинстве стран Европы; тогда как божественное право духовенства предписывать людям верования (не только относительно мира невидимого) старается еще и теперь управлять человечеством. Когда эти мнения начали приходить в упадок, их место стали занимать теории противоположного направления. Много было таких теорий, и к некоторым из них не может быть приложен во всей точности термин «метафизический» в том смысле, как понимает его Конт. Все теории, которые в благоденствии человечества видели крайнюю цель учреждений и правил деятельности, а в наблюдении и опыте — руководителей к тому (а такие теории существовали во все периоды свободного умозрения), — имеют право быть названы положительными, каковы бы ни были их несовершенства в других отношениях. Но они составляли незначительное меньшинство. Конт таким образом был прав, когда утверждал, что господствующие школы нравственной и политической философии имели, если не теологический, то метафизический характер. Они признавали, что нравственные предписания и даже политические учреждения суть не средства к достижению цели — общего блага, а заключения, выведенные из понятий естественного права. Это имело место особенно в тех странах, где идеи публицистов представляли собою плод римского права. Законодателями мнений по этим предметам были, если не богословы, то юристы. На континенте — юристы следовали римским юристам, которые в свою очередь шли по стопам греческих метафизиков, признавая за конечный источник правды и неправды, в нравственности и, следовательно, в учреждениях, мнимый закон воображаемого существа — природы. Писатели по части международного права, первые взявшиеся систематизировать нравственность не на богословском основании, в своих рассуждениях вполне выходили из этих посылок и передали их своим преемникам. Этот строй мышления достиг высшей точки своего развития у Руссо, в руках которого это было орудие столь же могущественное для разрушения прошедшего, как и бессильное для того, чтоб дать направление будущему. Полнейшая победа, какую в области умозрения эта философия одержала над старыми теориями, временно сопровождалась и одинаково полным практическим триумфом — французской революцией: ибо, если в первое время эта философия имела удобный случай развить свои положения и указать то, чего не нужно делать, то, так же очевидно, была она не способна определить характер частной реакции против учений феодализма и католицизма. Общество с тех пор колебалось между этими учениями и политической метафизикой (метapolитикой, как называет ее Кольридж) революции. В этом процессе выдвинулась на сцену разнородная посредствующая партия, обозначаемая словом «консервативная», или партия порядка. Она не имеет своих собственных теорий, а старается только поддерживать равновесие между двумя другими партиями, пользуясь на выбор аргументами каждой из них против той из двух, которая в данный момент кажется преобладающей.

Таково — в самой сжатой форме — Контово толкование европейских мнений касательно политики и общества. Английская критика найдет, быть может, что оно довольно хорошо изображает общее состояние политических мнений во Франции и в странах, подражающих ей, но не в Англии, и не в обществах английского происхождения. В последних божественное право исчезло вместе с якобитами. Что же касается закона природы и естественных прав, то они никогда не пользовались особенной благосклонностью даже у крайней народной партии, которая предпочитала основывать свои требования на исторических преданиях собственной страны и на положениях, заимствованных из ее законов. Таким образом эти страны стоят выше метафизического взгляда и почти всегда основывают свои законы на общей пользе. В Англии, предпочтение, отдаваемое одной форме правления пред другой, редко имеет в виду что-либо иное кроме практических результатов, какие она приносит или каких от нее ожидают. Конт может указать слишком мало метафизического в английской политике, исключая разве «*metaphysique constitutionnelle*» (название, это он подобрал для условной фикции), в силу которой обладатель короны предполагается источником, дающим начало всякой власти. Между тем ничего подобного нет в действительности. Кроме этого случая, где дело идет о формах и словах и где нет связи с каким-либо верованием за исключением верования в свойства, — самая строгая критика не в состоянии найти в строе мышления наших партий, как консервативной, так и либеральной, ничего кроме позитивизма, хотя правда несколько поверхностного и узкого. Рабочий класс — или некоторая часть его — еще и теперь опирается, быть может, в своих требованиях всеобщей подачи голосов (вдобавок к более существенным основаниям) на абстрактном праве; но только в этих пределах и преобладает в английской политике метафизика. Но политика не обхватывает собой всех сторон социальной жизни: этика представляет одну из них — еще более глубокую и более жизненную. Относительно ее в Англии, как и везде, ходячие мнения еще и теперь делятся между теологическим и метафизическим видом мышления. Что такое теория интуитивной нравственности, господствующая повсюду, где устарелое отношение к священным преданиям уничтожено, но еще не проникло влияние философии Бентама? Что она такое, как не метафизическое состояние этической науки? Что такое вся *априорная* философия — в морали, юриспруденции, психологии, логике и даже в естественных науках? Ведь и последние не всегда далеки от этой древнейшей области наблюдения и опыта. Всеобщий признак метафизического вида мышления, в том смысле слова, какой дает ему Конт, состоит в привычке пробою или нормою внешней истины ставить чистое произведение ума, а в абстрактном выражении признанных верований — видеть основание и доказательство, оправдывающие их. Нет надобности говорить о людях, еще в наше время придерживающихся старых мнений. Но если один из самых мощных и отважных деятелей, каких только производила до сих пор английская мысль, человек, исполненный научного духа — м-р Герберт Спенсер, и тот, во главе своей философии, выставляет учение, что высший критерий истинности известного положения заключается в непостижимости его отрицания; если, следуя по стопам м-ра Спенсера, такой искусный толкователь положительной философии, как м-р Льюис, и он в своем почтенном труде об Аристотеле, относя весьма справедливо

причину большей части заблуждений древних мыслителей к тому обстоятельству, что они пренебрегали проверкой своих мнений, объявляет о существовании двух видов проверки — идеального и реального, причем идеальный критерий известной истины видит в немыслимости ее отрицания, и, прилагая этот критерий на деле, находит, что всеобщность тяготения даже в звездных пространствах должна быть принята, так как, при отсутствии доказательства в пользу противного, «идея о материи без тяжести — немыслима»; одним словом, если даже те, от кого менее всего можно было ожидать этого, могли признать за реально необходимое для вселенной то, что представлялось реально необходимым умам одного или двух поколений, — мы имеем полное право допустить, что метафизический вид мышления еще и в настоящее время определяет направление высшей философии даже в отношении неорганической природы и, разумеется, гораздо более в отношении ко всему тому, что касается человека, как существа нравственного, разумного и общежительного.

Но, если с этой стороны Конт совершенно прав в своем воззрении, то мы все-таки находим, что он употребляет термин «метафизический» для обозначения известных практических заключений, вместо того, чтобы пользоваться им для названия особенного вида теоретических посылок. Что бы там ни скрывалось под различными именами: *революционная, радикальная, демократическая, либеральная, независимая, скептическая* или *отрицательная* и *критическая* школа или партия в религии, политике или философии, — все это сливалось у него в один термин: «метафизический»; что бы он ни говорил обо всем этом, оно составляет часть его изображения метафизической школы в социальной науке. Одну за другою перебирает он все главные, на его взгляд, доктрины революционной школы в политике и оставляет каждую из них, как простое орудие для нападения на старую социальную систему, не имеющее прочного значения, как истина социальная.

Только эту скромную роль назначает он и самому первому члену либерального «credo»: «абсолютному праву свободного исследования или учению о неограниченной свободе совести». Насколько эта доктрина имеет только то значение, что мнения и выражение их должны быть изъяты от всякого легального принуждения — в форме ли предупредительной или карательной системы, Конт — непоколебимый приверженец ее; но что касается морального права каждого человека, как бы дурно ни был он подготовлен необходимым образованием и дисциплиной ставить самого себя судьей в высшей степени запутанных и важных вопросов, какими только в состоянии заниматься ум человеческий, то он решительно отрицает его. «Нет, — говорил он в одном из ранних произведений, — свободы совести в деле астрономии, физики, химии и даже физиологии: так как всякий счел бы безрассудным не принимать на веру принципы, установленные в этих науках людьми компетентными. Если же в политике замечается другое, то это единственно на том основании, что в ней, — так как старые теории рушились, а новые еще не успели образоваться, — в течение некоторого времени не существует собственно каких-либо установившихся мнений». На первых порах, когда человечество только что поднялось выше старых теорий, воззвание учителей и проповедников к массе, стоявшей вне этого движения, было необходимо и неизбежно:

потому что, не пользуясь исследованием и критика терпимостью и одобрением со всех сторон, ни для одного учения не было бы возможности развиваться. Но само в себе обыкновение обращаться с вопросами, требующими, сравнительно со всеми другими, более специальных знаний и подготовки, к некомпетентному трибуналу общественного мнения, не рационально в самом корне и должно прекратиться, лишь только человечество раз примирилось с системой нового учения. Конт думает, что продление этого временного состояния, сказывающегося все более и более возрастающей разрозненностью мнений, угрожает уже крайней опасностью: потому что только при существовании некоторого согласия относительно основных правил жизни может быть установлен действительно-нравственный контроль над частным интересом и страстями личностей. Если же этого нет, если каждый человек беспрепятственно может считать себя компетентным судьей в самых трудных социальных вопросах, — то что же мешает ему признать себя способным к самым важным публичным официальным должностям охватывает все более и более низшую сферу интеллектуального развития. По мнению Конта, особенная сложность и запутанность социологических исследований, большой запас предварительных знаний и высокая степень умственного такта, каких требуют эти исследования, — все это вместе с серьезностью последствий, могущих произойти даже от временных заблуждений касательно таких предметов, делает неизбежным для этики и политики более, чем для математики и физики, то обстоятельство, чтобы — какова бы там ни была легальная свобода исследования и критики — только крайне незначительное число умов высшего разряда, шедших к своей задаче путем всесторонней и трудной подготовки, действительно устанавливало мнения человечества относительно означенных предметов. В силу тех же соображений сомнение в их заключениях со стороны людей, не обладающих такой же степенью умственных способностей и образования, должно считаться дерзким и более предосудительным, нежели попытки опровергнуть Ньютонову астрономию, какие случайно делаются людьми полуучеными. Все это, в известной мере, справедливо; но мы, признаем, питаем сочувствие к людям, ведущим себя в таких случаях подобно человеку в сказке, который, когда его спросили: признает ли он, что шесть и пять будет одиннадцать, — отказался дать ответ, пока не узнает, какое употребление можно сделать из этого. Данная теория есть одна из тех, которые без дополнения другими истинами до того подвержены извращению, что мы можем смело отклонить от себя труд осведомляться о них, если они не находятся в связи с каким-либо применением. В оправдание Конта может быть сказано, что он не желает распространять этого умственного гнета на людей необразованных. Он совершенно далек от мысли подчинить массу авторитету науки, скрывая от нее научное знание. Напротив, он считает обязанностью общества доставить каждому мужчине и каждой женщине, достигавшим зрелого возраста, возможность получить общее по всем отделам науки, от математики до социологии, образование. Его мысли о пределах возможного в этом отношении идут так далеко, что немногие готовы следовать за ним до конца. В его взгляде на объем положительного знания, какой, при хороших методах обучения, может стать общим достоянием всех людей с обыкновенными способностями, есть нечто поражающее, но ничего такого, —

если всмотреться ближе, — что бы отзывалось утопией или химерой. Так, он требует для каждого человека не только знания результатов, которому Конт, за исключением относительно практических искусств, придает второстепенное значение, но также и знания тех способов, какими получены эти результаты, и доказательств, на которые они опираются: — все это в той мере, насколько возможно узнать и понять эти предметы тому, кто не посвящает своей жизни на изучение их.

Мы так полно передали мнение Конта касательно основной доктрины либерализма потому, что это — руководящая нить ко многому в его общем воззрении на политику. Если задачей Конта было показать чисто отрицательный характер главных либеральных и революционных школ, для этого не нужно было заходить так далеко: достаточно было бы сказать, что простая свобода признавать и выражать какое бы то ни было верование — сама не может быть этим верованием. Каждый волен думать и говорить, что два и два будет десять, но для нас важно знать, что они равны четырем. Конт не затрудняется произнести столь же суровый приговор и относительно других положений того, что он называет революционной школой; так как все они вертятся только на одном, именно: чего-то не должно быть. Это, конечно, не может представлять полной истины, а Конт вообще не признает в нем даже доли правды. Возьмем, например, теорию, отрицающую у правительства всякую инициативу в социальном прогрессе и ограничивающую его роль поддержанием порядка или, другими словами, сохранением мира: это мнение, насколько оно основывается на так называемых правах личности, Конт справедливо считает метафизическим; но он не обращает внимания на то, что оно так же весьма многими признавалось, как вывод из законов человеческой природы и деятельности, а следовательно — правильно или ложно — как доктрина положительная. Допуская вместе с Контом, что в политике, как и во всяком другом искусстве, нет абсолютных истин, мы согласны с ним и касательно того, что теория *laissez faire*, в ее чистом виде, не практична и не научна: но отсюда никак не следует, чтобы люди, признающие это учение, были на практике гораздо дальше от истины, нежели те, которые его отрицают. Не лучшей участи подверглась в руках Конта и теория равенства. Он видит в ней возведение на степень безусловной истины простого протеста против неравенства, идущего из средних веков и отвечающего законным целям новейшего общества. Он замечает, что человечество, лишь только заходит дело о совместной деятельности, на практике непременно организуется и располагается в классы в некотором соответствии с неравенством способностей — природных или приобретенных; а это требует, чтоб одни находились под управлением других. Но так как в то же самое время устремлен пристальный взгляд на исполнение почти каждого из *«требований, неразлучных с достоинством человека, то совокупность их, еще весьма недостаточно оцененная, все более и более устанавливает принцип всеобщей нравственности в ее приложении к обыденной жизни... великую нравственную обязательность, которую никогда прямо не отрицали по уничтожению рабства»* (IV. 54). Нет слова против этих положений, но Конт упустил из виду практический вопрос, а именно: если предоставить людям, воспитанным как должно, найти свое место, не расположатся ли они самостоятельно в большом соответствии с неравенством их

способностей, нежели в состоянии сделать для них правительство и социальные учреждения? Далее, верховная власть народа — эта метафизическая аксиома, которая во Франции и остальных частях континента так долго служила теоретическим основанием радикальной и демократической политики, — насколько она обозначает право народа, путем восстаний, избавлять себя от стеснительного социального строя, — представляется Конту вещью с чисто отрицательным характером. Но, если она ставится как положительный принцип правительства, осуждающий без разбора всех начальствующих на «произвол толпы подчиненных», он видит в этом нечто вроде «перенесения на народ божественного права, которое так порицали в королях» (IV. 55, 56). Этот приговор справедлив, если смотреть на данную теорию как на метафизическое положение или как на абсолютный принцип; но тут есть также и положительное учение, которое, без всякой претензии на абсолютность, требует непосредственного участия управляемых в их собственном управлении, не как естественного права, а как средства к важным целям, — под условиями и с ограничениями, какие определяются этими целями. Общий результат критики Конта о революционной философии тот, что он считает ее не только неспособной помочь необходимой реорганизации общества, но видит в ней даже серьезное препятствие к тому; так как впереди всех высших интересов человечества она выдвигает простое отрицание авторитета, управления или организации, как состояние в высшей степени совершенное и как решение всех проблем. Крайний пункт этого уклонения достигнут Руссо и его последователями, когда они признали дикое состояние за идеал, более или менее выдающимся и полным искажением которого является цивилизация.

При таком состоянии социологического умозрения, в каком мы его представили, т. е. при его распределении между бесплодной феодальной и теологической школой с одной стороны и не имеющей иного значения, как служить к уничтожению первой, демократической и метафизической школой с другой, великим умам естественно должна была более или менее отчетливо представляться задача, как социальную науку сделать положительной. Конт исследует и критикует, большей частью справедливо, некоторые из главных попыток, какие делались в этом отношении отдельными мыслителями. Но слабая сторона его философии особенно выступает на вид в его суждениях о стараниях целого разряда мыслителей установить науку, правда, не социальных явлений вообще, но значительного класса или отдела этих явлений. Мы разумеем политическую экономию, которую (за исключением умозрений Адама Смита, как драгоценных предварительных работ для науки) он считает не научной и не положительной отраслью метафизики — обширное выражение, которым он клеймит всякую попытку к положительной науке, которая, по его мнению, не ведется правильным научным методом. Всякому знакомому с сочинениями по политической экономии, стоит только прочитать немногие страницы его нападок (IV, 193—205), чтоб понять, как поверхностен мог быть иногда Конт. Он утверждает, будто эти сочинения не прибавили ничего действительно нового к первоначальным *aperçus* Адама Смита: между тем каждый, кто читал их, знает, что они не только прибавили многое, но даже изменили весь вид науки, помимо того, что исправили и разъяснили в существеннейших пунктах самые *aperçus*. С целью унизить заслугу политико-

экономов, он допускает почти ребяческие придирки к рассуждениям о значении слов, рассуждениям, встречающимся в лучших сочинениях по политической экономии, как будто бы они не были непререкаемыми спутниками прогресса мысли и как будто бы их мало в истории каждой естественной науки. На вопрос же в его целом он сделал только одно важное, но вместе с тем и ошибочное, замечание — именно, что изучение условий народного богатства, как изолированный предмет, не имеет философского характера; так как социальные явления, при их действии и реакции друг на друга, не могут быть правильно поняты порознь. Но это вовсе не доказывает, чтобы материальные и промышленные явления общества, сами по себе, не допускали полезных обобщений: это значит только, что обобщения эти непременно должны иметь отношение к данной форме цивилизации и данной степени социального развития. Мы думаем, что этого не отрицают и политико-экономы. Ни один из них не претендует на то, чтобы законы задельной платы, прибыли, ценности, цены и т. п., определенные в их трактатах, были строго верны или верны для всех условий — например в диком состоянии или в обществе, составленном из рабов и господ. Но они основательно думают, что понимающий политическую экономию страны со сложной и разветвленной цивилизацией в состоянии, при равном знакомстве с частными обстоятельствами, без затруднения вывести политико-экономическую теорию для всякого другого состояния общества.¹³ Мы не говорим, чтобы политическая экономия всегда шла в этом направлении. Всякий раз, когда исследование производится узким умом, получаются и узкие выводы. Если политико-эконом имеет мало общих знаний, он склонен преувеличивать важность и общность того ограниченного класса истин, с которым знаком. В каждом разряде ученых есть такие люди, и Конт никогда не упускал случая произнести против них осуждение. Он упрекал их в узкости ума, в мелочности мысли, в неспособности к более широким воззрениям и в нелепости взглядов этих людей на предметы, лежащие вне их сферы. Политико-экономы заслуживают этих упреков не более, как и другие классы исследователей-позитивистов, и даже менее, чем большая часть их. Главное заблуждение, в котором их часто обвиняют, состоит в том, что они придают — не какой-либо экономической теории, а их нынешним данным опытом над человечеством — всеобщую важность; в том, что временные и местные черты человеческого характера они приняли за самую природу человека; в том, что они не постигают гибкости ума человеческого. Их упрекали, наконец, в том, что вопреки ясной очевидности они считали невозможным появление человеческих существ иного типа, отличного от того, какой они видели в свой век или даже, быть может, только в своей стране. Единственное обеспечение против этой узкости представляется в свободном умственном развитии, и все сказанное доказывает только, что нельзя быть хорошим политико-экономом не будучи в то же время чем-нибудь кроме того.

---

¹³ Литтре, горячий поклонник Конта, ставящий себя в положение его ученика, но свободный от его заблуждений, делает остроумное и справедливое замечание, что политическая экономия в социальной науке соответствует теории питательных отправлений в биологии. Между тем, Конт вместе с физиологами считает не только позволительным, но даже в высшей степени основательным и полезным разрабатывать эту теорию отдельно, как необходимый базис для высших отраслей науки; хотя питательные отправления на факте так же легко могут быть изолированы от влияния свойств животного и человека, как и экономические явления общества от влияния его политических и моральных особенностей.

До сих пор мы занимались Контом, как социологом, только по отношению к его критической способности. Теперь посмотрим на него как на автора социологической системы. Первое место занимает вопрос о методе, свойственном социальному исследованию. Взгляд Конта на этот предмет в высшей степени поучителен.

Метод, свойственный науке об обществе, в сущности, должен быть тот же самый, как и во всех других науках: исследование и толкование опыта путем двоякого процесса — индукции и дедукции. Но способ применения этих операций в социологии имеет свои особенности. Вообще, индукция доставляет науке законы элементарных факторов, а из них уже дедуктивно получаются законы сложных комбинаций. Специфическое наблюдение сложных явлений не дает общих законов или же дает только эмпирические; его научная роль состоит в проверке законов, добытых путем дедукции. Этот способ философствования не отвечает требованиям социологического исследования. В социальных явлениях элементарные факты суть чувства и действия, а их законы — законы человеческой природы, так как социальные факты являются результатами человеческих деяний и положений. Таким образом, в силу того что явления в человеке вытекают из его природы, как существа индивидуального, — можно было подумать, что настоящий способ построить положительную социальную науку должен состоять в дедукции ее из общих законов человеческой природы, — причем исторические факты служили бы только для проверки. Так понимали социальную науку многие из людей, старавшихся сделать ее положительной, особенно школа Бентама. Конт видит в этом заблуждение. Мы можем, говорит он, вывести некоторые (и то, прибавим мы, ненадежные) заключения из всеобщих законов природы человеческой, заключения касательно самых ранних ступеней человеческого прогресса, относительно которых мы не имеем исторических воспоминаний или же имеем самые недостаточные. Но по мере того, как общество подвигается вперед в своем развитии, его явления определяются все более и более не простыми наклонностями всеобщей человеческой природы, а накопившимся влиянием предыдущих поколений на последующее. Человеческие существа с их природой, от законов которой зависят факты истории, это — существа не абстрактные или всеобщие, а исторические, существа, образующиеся и делающиеся такими, каковы они на самом деле, под влиянием человеческого общества. При таком положении дела, из одного понятия о человеке на земле в том ее виде, в каком она могла быть до начала человеческой деятельности, — дедукция не в силах дать нам возможность предсказать и рассчитать явления человеческого развития так, как они были в действительности. Если б факты истории, рассматриваемые эмпирически, не давали каких-либо обобщений, изучение истории никогда бы не поднялось выше более или менее вероятной догадки. К счастью (потому что легко могло быть иначе) история человечества, если смотреть на нее как на обширное целое, обнаруживает определенный ход, известный порядок развития; однако же история сама по себе не может доказать, чтоб это было непременно закон, отличный от временной случайности. Здесь начинается задача биологии (мы бы сказали психологии) в социальной науке. Всеобщие законы человеческой природы составляют часть данных социологии; но, употребляя их в дело, мы должны обернуть метод дедуктивных естественных наук: потому что, тогда как в последних частные

опыты обыкновенно служат для поверки законов, добытых посредством дедукции, — в социологии, напротив, отдельный опыт открывает законы, а дедукция поверяет их. Если социологическая теория, составленная на основании исторической очевидности, противоречит установленным общим законам человеческой природы; если (употребляем пример Конта) она заставляет подозревать в массе человечества какую-либо решительную природную склонность — в хорошем, или дурном направлении, если она предполагает, что средним числом у людей рассудок берет перевес над желаниями, а бескорыстные желания преобладают над личными, то мы уже можем заключить, что история худо истолкована, а теория — ложна. С другой стороны, если законы социальных явлений, эмпирически обобщенные из данных истории и раз открытые, могут быть поставлены в связь с известными уже законами человеческой природы, если может быть доказано, что направление, в каком совершались развитие и изменения человеческого общества, было таково, как наперед предполагалось свойствами человека и его местопребывания, то эмпирические обобщения поднимаются на степень положительных законов, а социология становится наукой.

В течение минувших столетий практической и эмпирической школой политиков много было говорено и писано в осуждение теорий, основанных на началах человеческой природы без всякого исторического базиса; теоретики же, в свою очередь, с успехом отплачивали практикам. Но мы не знаем ни одного мыслителя, который бы прежде Конта проник так глубоко в философию данного предмета и поставил на настоящую ногу необходимость исторических исследований как основания социологических умозрений. С этого времени всякий мыслитель-политик, считающий возможным обойтись без связного взгляда на великие факты истории, как на ряд причин и следствий, должен считаться стоящим ниже уровня века; но зато и обыкновенный способ обращаться с историей, — искание параллельных случаев, как будто какие-либо параллельные случаи и множество примеров без сравнения и анализа в состоянии обнаружить закон, — этот способ более, чем когда-либо, и безвозвратно потерял свой кредит.

Обратное отношение между индукцией и дедукцией представляет не единственный пункт, в котором, по мнению Конта, метод, свойственный социологии, расходится с методом наук о неорганической природе. Обыкновенный порядок науки ведет от частей к целому: метод социологии должен бы идти от целого к частям. Для порядка исследования нет впрочем всеобщего начала, кроме того, чтоб идти от известного к неизвестному, подходить к фактам с той стороны, которая более всего открыта для нашего наблюдения. В явлениях социального строя сложное (коллективное) явление доступно для нас более, нежели части, из которых оно состоит. Оно в значительной степени верно уже относительно простого тела животного и существенно связано с идеей об организме, и по отношению к социальному организму гораздо вернее, чем по отношению к индивиду. Состояние каждой части социального целого в известное время находится в непосредственной связи с современным состоянием всех других. Религиозное верование, философия, наука, искусства, ремесла, торговля, мореплавание, правление — все это находится в тесной зависимости друг от

друга; так что, если в одном произошла какая-либо значительная перемена, мы можем сказать, что ей предшествовало или за ней последует параллельное же изменение во всем остальном. Прогресс общества от одного состояния к другому представляет собой не совокупность частных перемен, а продукт единичного импульса, проходящего через все отдельные действия, и потому может быть всего удобнее прослежен при совместном изучении их. Если бы даже была возможность обнаружить прогресс в этих действиях, взятых порознь, то и тогда настоящий его характер нельзя было бы понять иначе, как исследуя их ensemble. Итак, при построении теории об обществе все различные стороны социальной организации должны быть взяты во внимание одновременно.

Место не позволяет нам входить в рассмотрение всех ограничений, каким подлежит это воззрение. Это требует много такого, что Контова теория оставила без внимания. Так, в частности — одно ограничение зависит от научного приема знакомого людям, занимающимся наукой, в особенности же применениями математики к изучению природы. Если результат зависит от многих разнообразных условий, из коих одни подвержены более или менее медленному изменению, нежели другие, то мы часто в состоянии определить или посредством умозаключения или помощью опыта, каков бы должен быть закон колебаний результата, если бы его изменения зависели только от некоторых из данных условий, предположив все остальные постоянными. Полученный таким путем закон будет достаточно близок к истине всегда и повсюду, где последний ряд условий не обнаруживает больших уклонений, и закон этот может служить точкой отправления, когда понадобится определить изменения условий. Большая часть выводов социальной науки, приложимых к практике, принадлежит к этой категории. Между тем для них нет места в системе Конта. Мы уже видели, как он обращается с той их частью, которая более всего отличается научным характером: мы разумеем обобщения политической экономии.

Есть еще один пункт в общей философии социологии, который требует замечания. Социальные явления — наравне со всеми другими — представляют две стороны: статическую и динамическую, распадаются на явления равновесия и движения. Статическая сторона представляет нам законы социального существования, рассматриваемого в отвлечении от прогресса, и ограничивает наш кругозор только тем, что обще и прогрессивному и неподвижному состоянию. Динамическая же сторона развешивает пред нами картину социального прогресса. Статика общества представляет собою исследование условий существования и продолжительности социального строя. Динамика, в свою очередь, изучает законы его развития. Первая есть теория consensus'a или взаимной зависимости социальных явлений. Вторая составляет теорию их филиации.

Первый отдел Конта, в своем великом труде, рассматривает гораздо сокращеннее, нежели второй. Это составляет, по нашему мнению, слабейшую часть трактата. Даже

сам Конт, кажется, едва ли мог приписать себе что-либо новое в статике общества,¹⁴ за исключением разве его попытки восстановить католическую идею духовной власти. Остальное же, помимо отдельных мыслей, которыми всегда богаты даже самые слабые его произведения, — крайне обыкновенно и в то же время, на наш взгляд, далеко не всегда истинно.

Конт начинает обзором общих свойств человеческой природы, делающих возможным социальное существование. Человек имеет самобытную склонность к обществу себе подобных и инстинктивно ищет его для него самого, а не из выгод, какие оно может доставить, выгод, которые во многих случаях должны представляться весьма сомнительными. Человек обладает также известной, хотя незначительной степенью природной доброты. С другой стороны, эти общежительные склонности слабее эгоистических; и социальный строй, опирающийся в своем существовании главным образом на первые, обыкновенно обнимает собою антагонизм между теми и другими. Далее, наши потребности всякого рода, начиная с обыкновенных потребностей организма, — все могут быть удовлетворены только при посредстве труда, причем телесный труд недостаточен без руководства ума. Но труд, особенно если он продолжителен и однообразен, естественно неприятен; умственная же работа — самая скучная. Отсюда — второго рода антагонизм, который должен существовать в каждом обществе, каково бы оно ни было. Характер общества определяется главным образом степенью, в какой лучшее побуждение в обоих этих случаях противодействует худшему. В том и другом отношении природа человеческая доступна значительному улучшению. Социальные инстинкты могут в силе близко подойти к личным, хотя никогда не в состоянии вполне сравниться с ними: отвращение к труду вообще и к умственному в особенности может быть значительно ослаблено, а преобладание склонностей над рассудком в большой степени уменьшено; но во всяком случае никогда не может быть окончательно уничтожено. Дух усовершенствования является результатом возрастающей силы социальных инстинктов в связи с развитием умственной деятельности, которая, руководя личными склонностями, внушает каждому индивиду обдуманное желание улучшить свое положение. Личные инстинкты, предоставленные самим себе, лень и апатия, свойственные человечеству, — все это суть источники, из коих главным образом берет начало дух консерватизма. Борьба между этими двумя направлениями представляет собою всеобщий элемент социального строя.

Следующий затем всеобщий элемент человеческого общества есть семейная жизнь. Конт видит в ней единственный вначале и затем всегда главный источник социальных чувств. Он смотрит на нее как на единственную школу, открытую для всего человечества, — школу, в которой только и могли люди научиться бескорыстию, а

---

¹⁴ В сущности его притязания быть творцом социологии не простираются на эту отрасль науки; напротив, в одном из последующих сочинений, он решительно объявляет, что настоящий основатель ее — Аристотель, который довел теорию условий социального существования до той степени совершенства, какая только возможна была при отсутствии всякой теории прогресса. Не заходя так далеко, мы думаем, что едва ли можно оценить достаточно заслугу тех ранних попыток, за пределы которых до самого недавнего времени почти не выходили как в этике, так и политике.

чувства и поведение, требуемые социальными отношениями, — вестись в обыкновенный порядок вещей. Конт пользуется этим случаем, чтобы высказать свои мнения о надлежащем устройстве семьи и в частности — брачного института. Эти мнения отличаются самым ортодоксальным и консервативным характером. Конт придерживается относительно брака не только обыкновенного христианского, но чисто католического взгляда во всей его строгости и упрекает протестантские народы в том, что они ослабили неразрывность обета, дозволив развод. Он допускает, что брачный институт во многих отношениях благотельно изменился с развитием общества и что мы еще не достигли в этом направлении крайнего предела, но при этом упорно держится мнения, что такие перемены не должны касаться существенных начал учреждения; за существенные же начала он принимает непреложность обета и полное подчинение жены мужу и женщины мужчине вообще. Между тем это-то и составляет самую слабую сторону существующего строя общества в этом важном деле. Неприятно сказать подобную вещь о философе, но обстоятельства его жизни, выведенные на свет его биографами, дают объяснение одному из этих двух мнений: он был в ссоре с женой.¹⁵ Позднее, под влиянием столь же личных обстоятельств, его мнения и чувства относительно женщин значительно изменились, не сделавшись, впрочем, рациональнее. В последнем своем плане общественного устройства, вместо того, чтоб смотреть на них как на детей, Конт делает из них богинь: почести, привилегии и льготы — все сыпаться на них; одного только не достает — простой справедливости. Касательно второго вопроса — нерасторжимости брака — нельзя сомневаться в беспристрастии Конта; так как противоположное учение скорее шло бы к его личному удобству: но, кроме этого, мы не можем признать за его взглядом какого-либо другого достоинства; потому что его доказательство не только недостаточно, но и опровергает само себя. Он говорит, что, при свободе развода, жизнь проходила бы в постоянных попытках и неудачах, и в то же самое время изъясляет удовольствие, что новейшие нравы и чувства большей частью предотвратили пагубные следствия, каких можно было ожидать в протестантских странах от допущения развода. Он не замечает, что, если новейшие обычаи и чувства с успехом противодействуют тому, что он считает стремлением к менее строгому закону о браке, то это, конечно, потому, что новейшие нравы и чувства ничуть не склонны к порождению вереницы новых процессов, которых он так боится. Если в природе человеческой есть стремления, которые ищут перемены и разнообразия, — зато существуют и другие наклонности, которые требуют постоянства относительно предметов, касающихся ежедневного источника благополучия. Тот, кто изучал историю как Конт, должен знать, что, с того времени как жизнь кочевников изменилась в земледельческую, последние стремления постоянно одерживали верх над первыми. Опыт свидетельствует, что правильность семейных отношений находится почти в прямом отношении к промышленной цивилизации. Праздная жизнь и жизнь военная с ее долгими промежутками праздности

---

¹⁵ Им следовало бы также сказать, что Конт в письмах, которые были изданы, постоянно выражал высокое мнение о своей жене, как в нравственном, так и умственном отношении: ее же сильное и теплое сочувствие к его интересам и его славе засвидетельствовано как Литтре, так и собственной корреспонденцией Конта.

представляют собою условия, которым присущи или половой разврат, или продолжительные мечтания об этом предмете. Люди занятые не имеют на это времени; у них слишком много других занятий. Они требуют, чтобы дом был местом отдыха, а не беспрестанно возобновляющегося возбуждения и беспокойства. Таким образом, при условиях, в которые вступило новейшее общество, нет вероятности, чтобы браки могли часто заключаться без искреннего желания прочности с той и другой стороны. Что таково положение дел в странах, где дозволен развод, это мы видели у самого Конта. Все заставляет нас думать, что власть употреблялась бы вообще только для ее законной цели, т. е. для того, чтоб доставить людям, которым не удалась первая попытка устроить семейное благополучие, возможность освободиться от тягостного ига (с должным вниманием к интересам всех участвующих) и попытать счастья при более благоприятных обстоятельствах. Всякое дальнейшее рассмотрение этих великих социальных вопросов, очевидно, было бы не совместно с назначением и пределами настоящего сочинения.

Наконец, явление общее всем обществам и постоянно расширяющееся по мере того, как они подвигаются в своем прогрессе, представляется в содействии людей друг другу при посредстве разделения занятий и обмена товаров и услуг. Этого рода общение распространяется на народы точно так же, как и на отдельные личности. Экономическая важность самобытной организации человечества, в силу которой люди являются совместными работниками друг подле друга и друг для друга, часто была выясняема. Столь же благотельно и нравственное влияние, которое она обнаруживает, связывая людей их интересами и, в более отдаленном результате, их симпатиями. Остается только сказать кое-что о другой стороне дела. Возрастающая специализация занятий, т. е. разделение рода человеческого на бесчисленное множество незначительных групп, из коих каждая имеет дело с самой маленькой долей всей работы общества, имеет свои неудобства как в умственном, так и нравственном отношении, неудобства, которые, если не будут исправлены, могут повести к серьезному сокращению выгод развивающейся цивилизации. Интересы целого — направление всего к целям общественного союза — все менее и менее становятся доступными умам людей, которые имеют столь ограниченную, столь тесную сферу деятельности. Незначительная частность, составляющая все их занятие, бесконечно малое колесо, которое они помогают вертеть в машине общества, — не в состоянии возбудить или удовлетворить какое-либо чувство общности или сознание своего единства с себе подобными. Работа для этих людей есть простая дань физической потребности, а не приятное исполнение социальной должности. Это унижающее действие крайнего разделения труда более всего сказывается на тех, кого считают светильниками и учителями других. Ум человека становится ограниченнее, его сознание великих целей человечества тускнеет все более и более при сосредоточении всех мыслей, положим, на классификации нескольких насекомых или на решении нескольких уравнений, точно так же, как и при сосредоточении их на точении булавок или насаживании на них головок. «Разрозненная специальность» нынешних ученых, которые имеют положительное отвращение к широким воззрениям и редко занимаются интересами человечества, лежащими вне тесных пределов их задачи,

составляет, по мнению Конта, одно из величайших и все более и более возрастающих зол нашего времени, зол, которые в высшей степени замедляют нравственное и умственное возрождение. Борьба против этого — вот одна из главных целей, к которым должны быть направлены силы общества. Лучшее средство против узкости есть обширное и либеральное воспитание, которое могло бы служить подготовкой ко всем специальным занятиям; таково мнение и Конта, но воспитания юношества, по его понятию, недостаточно. Он настаивает на необходимости особого деятеля, который бы во всех классах людей в течение целой жизни поддерживал сознание главных требований общего интереса и ясные понятия о том, какой образ деятельности человека благоприятствует этому интересу и какой нарушает его. Другими словами, Конт хочет создать авторитет в умственной и нравственной сфере с целью руководить мнениями людей, просвещать и охранять их совесть: он требует существования особой духовной власти, суждения которой по всем предметам высшей важности заслуживали бы и пользовались таким же точно почтением и уважением, с каким относятся например к общему мнению астрономов касательно предметов их специальности. Самая мысль о подобном авторитете предполагает, что между моралистами и политиками установилось согласие — по крайней мере в существенном, согласие, соответствующее или же близкое к тому, какое уже существует между представителями других наук. Такое единодушие невозможно до тех пор, пока к исследованию всех предметов не будут применены настоящие методы положительной науки в том же объеме, как они приложены к изучению наук естественных. К этому применению нет действительного препятствия, и раз достигнутое оно естественно поведет к такой же степени соглашения. Неоспоримый авторитет, каким пользуются астрономы в деле их специальности, будет так же составлять достояние философов-позитивистов в важных социальных вопросах. Духовное управление обществом будет принадлежать им под двумя условиями: что в собственной сфере своей они останутся вполне независимы от светской власти и будут решительно устранены от всякого участия в ней, пользуясь зато совершенной свободой в деле воспитания.

Вот общий очерк Контовой концепции возрожденного общества. Как бы сильно ни различился этот идеал от того, который более или менее смутно представляется в отрицательной философии последних трех столетий, — мы утверждаем, что доля правды в обоих почти та же самая. Конту принадлежит одна половина истины, а так называемая либеральная или революционная школа владеет другой. Каждая из сторон видит то, чего не замечает противная, и, сосредоточившись исключительно на своем, выводит следствия, которые для другой представляются опасно нелепыми. Таково неизбежное положение дел человечества, что большая часть мнений принимается в силу авторитета от людей, специально занимавшихся изучением предметов, которых касаются эти мнения. Самый образованный человек не может действовать иначе в вещах, с которыми он не вполне знаком. Масса же, со своей стороны, всегда находилась в подобном отношении к великим вопросам мысли и образа деятельности, с полной верой полагаясь в своих поступках на мнения, основания которых она не знает и часто не в силах понять, но на которые она смело опирается до тех пор, пока проводники их

согласны между собой, и к которым становится подозрительна и недоверчива тогда только, когда люди, одинаково, по-видимому, компетентные в известных вопросах, начинают проповедовать противоположные взгляды. Воззрения, в пользу которых состоится, так сказать, общий приговор людей образованных, впоследствии точно так же, как до настоящего времени, будут, вне всякого сомнения, приниматься массой без дальнейшего рассуждения. Разница та, что с большим распространением научного воспитания между народом, как того требует Конт, доверенность эта, при всей ее безусловности, не будет доверенностью невежества. То будет не слепая покорность неучей пред людьми знания; но разумное уважение людей, знающих многое, пред теми, кто знает еще больше. Человек, несколько знакомый с астрономией, в состоянии, конечно, гораздо лучше, нежели тот, кто не имеет в ней ни малейшего понятия, оценить, как громадна разница между его знанием и знанием Лагранжа или Лапласа. Вот что можно сказать в пользу Конта. Но, с другой стороны, следует заметить, что для того, чтоб лучшие мыслители действительно могли оказывать такое благодетельное влияние на общепринятое мнение, нет надобности в особой ассоциации и организации. Это влияние придет само собою, лишь только установится единодушие, без которого оно не представляется ни желательным, ни возможным. Если астрономы пользуются доверенностью, то это, конечно, потому, что они согласны в своих учениях, а ничуть не в силу того, что существует какая-нибудь Академия Наук или какое-нибудь Королевское общество, которыми даются определения и постановляются решения. Организованной моральной власти можно требовать единственно в том случае, когда дело идет не просто только о проведении и распространении тех или других начал деятельности, но и о направлении малейших подробностей их применения; когда хотят провозглашать и внушать не обязанности нравственные вообще, а долг того или другого лица, как это пыталась сделать духовная власть в средние века. Конт не устраняет этого крайнего вывода из его начала. Должность подобного рода, без сомнения, часто с большею пользой может быть отправляема отдельными членами философствующего класса людей, но, доверенная какому-либо организованному обществу или сословию, она не заключала бы в себе ничего, кроме духовного деспотизма. Это, однако же, именно и была мысль Конта, хотя на практике она уничтожила бы то резкое отделение духовной власти от светской, которое он справедливо считает существенно необходимым для благосостояния общества. Люди, которых непреодолимое общественное мнение облекло правом определять и контролировать действия правителей — хотя бы без средств подкреплять свои советы силой, эти люди держали бы в своих руках всю настоящую суть светской власти, не неся на себе ни ее трудов, ни ее ответственности. Конт, вероятно, возразил бы, что светские правители, имея в своем распоряжении всю легальную силу, относились бы к духовной власти в пределах самой ограниченной покорности. А это значит сказать, что идеал общества, выставляемый Контом, может только остаться идеалом, так как осуществиться ему нет возможности.

Что при существовании философствующего класса людей, который бы успел стать в общественном мнении на место, занимавшееся до сих пор духовенством, такому классу на практике может принадлежать руководство в деле воспитания, — это

естественно и неизбежно. Но чтобы все дело воспитания находилось в руках одной централизованной власти, будет ли она состоять из духовенства или из философов; чтоб все, следовательно, в нем было скроено по одной и той же мерке и клонилось бы к поддержанию одного и того же типа, — такое положение вещей, с каждым новым шагом прогресса человечества к более и более свободному употреблению своих высших способностей, вместо того, чтоб становиться нужнее и полезнее, будет, без сомнения, становиться все менее и менее желательным. Во второй части мы увидим пагубные следствия, порождаемые этой идеей новой духовной власти и обнаружившиеся во всем их цвете при более полном развитии, которое дал этой мысли Конт в позднейшее время.

От этой неудовлетворительной попытки дать очерк социальной статики Конт переходит к исследованию, в котором он гораздо более у себя дома, к предмету самых лучших его умозрений: мы разумеем социальную динамику или законы развития человеческого общества.

Два вопроса встречаются нас в самом начале: существует ли естественное развитие в делах человечества и представляет ли это развитие усовершенствование? Оба эти вопроса Конт решает утвердительно одним и тем же ответом. Естественный прогресс общества состоит в развитии наших человеческих свойств преимущественно пред животными и чисто органическими атрибутами нашей природы; причем прогресс нашей человечности к преобладанию над животностью подвигается все ближе и ближе к цели, хотя и не в состоянии вполне осуществиться. Таков характер и направление человеческого развития или того, что называют цивилизацией. Обязанность поддерживать движение, действовать в его направлении — вот одно из положений Конта, которым он ближе всего подошел к общему началу нравственности.

Но так как наши высшие и чисто человеческие способности разнородны и бывают — нравственные, умственные и эстетические, то представляется вопрос: нет ли между ними такой, расширение которой являлось бы преобладающим деятелем в развитии нашего вида. На взгляд Конта, главным деятелем в прогрессе человечества представляется его умственное развитие. Это не потому, чтоб интеллектуальность составляла собою самую сильную сторону нашей природы; напротив, взятая сама в себе, она является в высшей степени слабой; но потому, что она исполняет роль руководительницы и действует не одними своими средствами, а совокупной силой всех сторон нашей природы, какие она в состоянии увлечь за собой. В социальном состоянии, чувства и склонности не могут с полной своей силой действовать в определенном направлении до тех пор, пока во главе их не станет философствующий разум. У отдельных лиц страсти сказываются энергичнее, нежели простое убеждение ума: но страсти стремятся разъединить, а не соединить человечество; только при посредстве общего для всех верования страсти приводятся к согласному действию и становятся коллективной силой, вместо того, чтоб быть силами нейтрализующими одна другую. Наша разумность пробуждается прежде всего под влиянием наших животных потребностей и более грубых желаний. Направление, в котором должен

работать наш разум, определяется долгое время исключительно этими потребностями и желаниями. Но раз возбужденный к деятельности он приобретает все больший и больший навык заправлять занятиями, на которые представляется запрос, и ведет за собой эти операции — не особенной своей силой, а тем, что, в разгаре антагонизирующих усилий, путь, указываемый разумом, есть (говоря научным языком) направление наименьшего сопротивления. В социальном состоянии, личные интересы и чувства могут достигнуть maximum'a удовлетворения только посредством совокупной деятельности, а необходимое условие совокупной деятельности — общее для всех участников верование. Всякое человеческое общество, следовательно, опирается на известную систему основных мнений, которая может быть добыта только умозрением и, раз добытая, определяет направление и способ, в каких все наши побуждения должны искать своего удовлетворения. Вот почему история мнений и умозрительной способности всегда составляла главный элемент в истории человечества.

Это воззрение оспаривал Герберт Спенсер в брошюре, на которую мы уже имели случай указать. Мы приведем здесь — его собственными словами — теорию, какую он предлагает в противоположность учению Конта:

«Не идеи управляют миром и ниспровергают его; мир управляется и ниспровергается чувствами, которым идеи служат только руководителями. Социальный механизм покоится в окончательном результате не на мнениях, а исключительно на характерах. Не умственная анархия, а нравственный антагонизм составляет причину политических кризисов. Все социальные явления порождаются общим строем человеческих ощущений и верований, из которых первые определены почти всегда наперед, а вторые определяются почти всегда впоследствии. Большинство желаний человеческих унаследовано, между тем как большинство верований приобретается и зависит от окружающих условий; а важнейшие из окружающих условий зависят от того состояния общества, какое породили наиболее сильно господствующие желания. Социальное состояние всякой данной эпохи есть равнодействующая всех честолюбий, своекорыстий, опасений, поклонений, негодований и проч. граждан предков и граждан современников. Общепринятые идеи такого социального состояния должны, в среднем выводе, быть вполне соответственны чувствам граждан и, следовательно, в уровень с тем социальным состоянием, какое породили эти чувства. Идеи вполне чуждые этому состоянию не могут в нем развиваться, а если вводятся извне, не принимаются или же, если и принимаются, то вымирают, как только кончается временный фазис чувств, допустивших их принятие. Поэтому, хотя передовые идеи, установившись раз, влияют на общество и содействуют дальнейшему его прогрессу, но установление таких идей зависит все-таки от подготовленности общества к их восприятию. На деле выходит так: народный характер и социальное состояние определяют, какие идеи должны получить ход в обществе; а не идеи эти определяют социальное состояние и народный характер. Поэтому изменение нравственной природы человека, производимое

бесперывным влиянием социальной дисциплины, все более и более приспособляющей эту природу к социальным отношениям, — есть главная ближайшая причина общественного прогресса».¹⁶

Большая часть этих положений была бы признана верной самим Контом — и принадлежит столько же его учению, как и теории Спенсера. Воздействие всех прочих умственных и социальных элементов на элемент интеллектуальный вполне допускается Контом: он указывает, что главные интеллектуальные перемены не могли бы иметь места, если бы им не предшествовали изменения в других элементах общества, а последние в свою очередь сами были следствиями предыдущих интеллектуальных перемен. При добросовестном исследовании всего, написанного Контом, нельзя найти, чтобы он хоть отчасти упустил из виду истину, которая заключается в теории Спенсера. Правда, он не сказал бы (как очевидно желает сказать Спенсер), что факты, какие можно исторически проследить — например в религии, произведены были не верованием в бога, а чувством страха и благоговения к нему. Он сказал бы, что благоговение и страх предполагают верование, что должно верить в бога прежде, чем можно бояться и почитать его. Влияние верования на общество и цивилизацию во всем зависит от силы человеческих чувств, готовых примкнуть к верованию; но чувства становятся вполне социальной силой только тогда, когда им дано определенное направление тем или другим интеллектуальным убеждением. Чувства самобытно не порождают верования в бога: так как, сами по себе, они одинаково способны сосредоточиться на всяком другом предмете. Правда, людские страсти и интересы часто подсказывают мнения или скорее решают выбор между двумя, тремя формами мнения, какие делает возможным данное состояние человеческого понимания: но это возмущающее обстоятельство ограничивается только областью нравственности, политики и религии; в прочих же сферах в корне всех великих перемен в делах человечества лежит интеллектуальное движение. Не людские волнения и страсти открыли движение земли или обнаружили очевидность ее древности; не они изгнали схоластику и выдвинули вперед исследование природы; не они также изобрели книгопечатание, бумагу и компас. Однако же реформация, английская и французская революция и еще более важные нравственные и социальные перемены, стоящие на очереди, суть прямые следствия этих и тому подобных открытий. Даже в алхимию и астрологию верили не потому, что народ был падок до золота и старался заглянуть в будущее: эти желания и в наше время так же сильны, как они были тогда, — а потому, что алхимия и астрология составляли собою концепции, свойственные известной ступени развития человеческого знания, и следовательно, пока продолжалось это состояние, определяли частные средства, какими страсти, существующие постоянно, должны были тогда искать своего удовлетворения. Сказать, что интеллектуальные верования людей не обуславливают их поведения — почти то же самое, что сказать, будто корабль приводится в движение паром, а не рулевым. Пар, в самом деле, движущая сила, и рулевой, предоставленный самому себе, не мог бы подвинуть судно ни на один дюйм; но во всяком случае

---

¹⁶ «Классификация наук», стр. 48,49 и 50.

направление, в каком должно произойти движение, определяется волей и знанием рулевого.

Исследуя далее, каков должен быть естественный порядок интеллектуального прогресса в человечестве, Конт замечает, что так как общий склад понимания вселенной необходимо сообщить свой характер и всем частным концепциям, то ориентирующим фактом в истории интеллектуального развития должна быть — естественная последовательность теорий о вселенной. Эта последовательность, как мы видели, состоит из трех ступеней — теологической, метафизической и положительной. Переход человечества по этим ступеням, включая сюда и видоизменения теологического понимания под возрастающим влиянием двух других видов мышления, составляет, по мнению Конта, решительно несомненный факт в развитии человечества. Одновременно с этим, через всю историю проходит параллельное движение в сфере чисто житейской, движение, представляющее собой постепенный упадок военного образа жизни (первоначально главного занятия всех свободных людей) и замену его промышленным. Конт утверждает, что между той и другой исторической последовательностью существуют связь и взаимная зависимость. Он говорит, что прогресс промышленности и прогресс положительной науки соотносительны: потому что власть человека видоизменять факты природы явно зависит от степени знакомства с их законами. Мы не считаем, чтобы Конт так же успешно очертил естественную связь между теологическим строем мышления и военной организацией общества. Но так как то и другое принадлежит к одному и тому же времени; так как каждое из них само в себе естественно и неизбежно и оба видоизменяются и разрушаются вместе одной и той же причиной — прогрессом науки и промышленности: то мы находим оправдание Конту в том, что он считает их связанными вместе, а движение, каким человечество выходит из них, рассматривает как одно целое развитие.

Поставив эти положения основными началами социальной динамики, Конт приступает к проверке и применению их к фактам посредством связного взгляда на всеобщую историю. Это обозрение наполняет собою два обширных тома или почти треть всего труда. В обоих томах едва ли найдется хоть одно положение, которое бы не прибавляло какой-либо идеи. Мы видим в этом обозрении величайшее произведение Конта, после его обзора наук; в некоторых отношениях первое даже изумительнее последнего. Мы желаем — насколько это возможно в пределах настоящего труда — дать, по крайней мере, хоть слабое понятие о необыкновенных достоинствах этого исторического анализа. Его нужно прочитать, чтоб оценить. Кто не верит, что из философии истории можно сделать науку, тот вероятно отказался бы от своего взгляда прочитав эти два тома. Мы не утверждаем, чтобы они непременно произвели перемену в его мнении, но сильно убеждены, что они дадут к тому несколько шансов.

Мы не делаем тщетной попытки передать дело в сокращении. Несколько слов — вот все, что мы в состоянии сказать теперь о самом предмете. Конт ограничивается только главным течением, главным потоком человеческого прогресса, имея в виду

одни передовые расы и народы и считая преемниками народа не его действительных потомков, а тех, кто после него ухватил нить прогресса. Предмет Конта состоит в том, чтобы верно, хотя и в общих чертах, охарактеризовать последовательные состояния общества, через которые человечество проходило на пути к большему и большему обеспечению себя, — указать также филиацию этих состояний, т. е. обозначить, как каждое из них развилось из предыдущего и в свою очередь было источником последующего. Более подробное объяснение, которое бы брало в расчет мельчайшие различия и специальные и местные явления, Конт ставит вне своей цели; но не обходит этого, когда оно находится на пути. Здесь, как и во всех прочих его умозрениях, встречаются случайные промахи, — здесь, как и там, в маловажных предметах у него не всегда достает исторической точности. Но мы все-таки должны удивляться, что это случается здесь не чаще, принимая во внимание обширность поприща и замечание Конта в одном из его предисловий, где говорится, что он наскоро набрал материалы для своего великого предприятия (VI. 34). Это выражение в его устах ничуть не предполагает того, что оно могло бы значить у большинства людей, имея в виду его редкую способность к продолжительной и сосредоточенной умственной работе. Нас изумляет, что он так редко дает повод желать, чтоб его собирание материалов было более тщательно. Но (как он сам замечает) в исследовании подобного рода самые обыкновенные факты имеют больше всего важности. Движение, общее всему человечеству — по крайней мере всем передовым народам — должно зависеть от причин, влияющих на все человечество или на все те народы. Чтоб эти причины извлечь, так сказать, из их конкретного проявления, не требуется темного, запутанного исследования. Они не только представляются нам, но представляются в лучшем свете — в самых очевидных, самых всеобщих и неоспоримых явлениях. Сообразно этому Конт не претендует на новые взгляды относительно самых фактов истории. Он берет их, как они есть, полагается исключительно на те из них, касательно которых нет разногласия, и старается только выяснить, какие положительные результаты можно получить комбинируя их. В громадной массе исторических наблюдений, которые он сгруппировал и привел в порядок, если мы и нашли несколько погрешностей, то они, во всяком случае, не касаются его главных выводов. Цепь причинности, какую он связывает духовную и светскую жизнь каждой эпохи как между собой, так и в ряду эпох, — останется, вероятно, во всем существенном, прочной. Если в местных и временно возмущающих причинах захотят видеть условия, видоизменяющие общее движение, в таком случае критике, разумеется, откроется обширное поприще. Но это может получить важное значение только тогда, когда пытаются на началах Конта написать историю или очертить характер какого-либо данного общества.

Такие сомнительные положения или ошибочные понятия о состояниях общества ограничиваются, как мы заметили, случаями, стоящими более или менее вне главной линии развития передовых обществ. Так напр. Конт слишком много придавал значения тому, что он, вместе с другими мыслителями континента, называет теократическим состоянием. Он видит в нем естественную и одно время почти всеобщую ступень социального прогресса, допуская при этом, однако ж, что оно или вовсе не существовало или же рано прекратилось у двух древних народов, которым

человечество главным образом обязано тем, что оно постоянно прогрессировало. Мы сомневаемся, чтоб когда-либо существовало то, что Конт понимает под теократией. Правда, не было недостатка в обществах, в которых, в силу предположения, что законы гражданские и уголовные получены от бога путем откровения, жрецы становились их уполномоченными толкователями. Но совершенно то же самое мы видим в мусульманских странах — крайней противоположности теократии. Под теократией мы понимаем — а вероятно и Конт понимает то же самое — общество, основанное на кастах, в котором каста философская, непременно тождественная с жреческой, имеет в своих руках светскую власть или же контроль над ней. Мы полагаем, что подобного состояния вещей никогда не существовало в обществах, на которые обыкновенно указывают как на теократические. Нет основания думать, чтобы в каком-либо из них царь или глава правительства был когда-нибудь, кроме случаев узурпации, членом жреческой касты.¹⁷ Этого не было у израильтян даже во времена судей. Иеффай, например, был галаадянин, из колена Манассии и предводителем войска, каким принужден быть в такое время и в такой стране всякий правитель. Правителей из жрецов мы находим только в двух аномальных случаях, из которых последний весьма мало известен: мы говорим о Микадо в Японии и Великом Ламе в Тибете. В том и другом случае общий социальный строй — *кастовый*, и в последнем из них верховная власть жрецов так же номинальна, как она сделалась в первом. Индия есть типический образец кастового устройства, т. е. только относительно ее мы можем быть уверены, что оно действительно существовало когда-то: так как во всех других случаях существование этого института представляет собой предмет более или менее вероятной догадки касательно отдаленного прошлого. Но и в Индии, где жреческое сословие пользовалось большим, чем во всяком из достоверно известных обществ, значением, — и в Индии царь не только не был из жрецов, но, согласно с религиозным законом, не мог даже быть из них: он принадлежал к другой касте. Брамины облечены были возвышенным характером святости и осыпаны громадным количеством гражданских привилегий: король был обязан иметь совет из браминов; но на деле он принимал или отвергал их мнение совершенно по своему произволу. По замечанию историка, который впервые пролил свет на Индию¹⁸ — царь, несмотря на то, что по

---

¹⁷ Мы допускаем, что относительно Египта против нас можно поставить авторитет Платона. В его Политике говорится, что царь египетский должен был быть членом жреческой касты, а если посредством узурпации член какой-либо другой касты захватил верховную власть, то он должен был посвящаться в духовный сан. Но Платон писал о состоянии вещей, которое уже принадлежало прошедшему; а мы несколько не обеспечены в том, чтобы его сведения об учреждениях Египта были достоверны и точны. Если царь египетский долженствовал непременно быть членом жреческого сословия, то слишком невероятно, чтобы тщательный Геродот, посвятивший в своем обширном труде целую книгу подробнейшему рассмотрению Египта и его учреждений и собравший свои сведения от египетских жрецов на самом месте, не знал о столь важном деле. Оно слишком высоко ставит достоинство духовенства, так что духовенство имело больше интереса ложно уверять в этом Платона, чем скрывать от Геродота, если б то было верно. Мало того, Геродот не только умалчивает относительно какого-либо подобного закона или обычая, но даже счел нужным упомянуть, что в одном частном случае царь (по имени Сетос) был жрец, — что он вряд ли бы сделал, если б это было исключительное обстоятельство. Довольно правдоподобно, что царь египетский был знаком с иератическим письмом и не допускал, чтобы какая-либо из тайн закона и религии, находившихся в руках жрецов, была скрыта от него. Вот, по всей вероятности, единственное основание, на какое опиралось уверение Платона.

¹⁸ Mill, «History of British India», hook II, chap. III.

достоинству считался несравненно ниже браминов, всегда пользовался полной властью деспотического монарха: дело в том, что в его руках всегда находились командование армией и заведование государственной казной. В истории нет случая, когда бы какой-либо из этих царей принадлежал к касте жрецов. Даже в обстоятельствах самых благоприятных жрецы имели в светских делах только «совещательный» голос, который теория Конта предоставляет всякой духовной власти. В этом случае материалы должны были собираться действительно наскоро, потому что Конт считает теократическими почти все общества древности, исключая греческого и римского, — даже Галлию при друидах и Персию при Дарии (допуская, однако, что в этих двух странах, когда они вышли на поприще истории, теократия была уже сильно поколеблена военной узурпацией). Каким путем он мог бы доказать, что это когда-либо существовало, — мы, признаемся, не в силах угадать.

Единственный недостаток, на который стоит указать здесь еще во взгляде Конта на историю, — это то, что он не совсем понял частные явления развития Англии, хотя признает и в целом правильно оценивает его исключительный характер по отношению к общеевропейскому движению. Ошибка Конта состоит главным образом в недостаточной оценке протестантизма. Как все мыслители, даже неверующие, которые жили и мыслили исключительно в католической атмосфере, Конт видит протестантизм и знает его только с отрицательной стороны, рассматривая реформацию как простое разрушительное движение, внезапно остановившееся на слишком ранней ступени. Он, кажется, не подозревает, чтобы протестантизм имел какое-либо положительное влияние, кроме того, какое принадлежит ему как религии христианской вообще. Он упускает из виду один из самых важных фактов, связанных с протестантизмом — его замечательное действие на развитие ума и совести верующих, — действие, противоположное действию католицизма. Протестантизм — не просто признанный, но действительно усвоенный умом — требует понимания; при его принятии от ума ожидают действия, а не страдательного повиновения. Чувство прямой ответственности каждого человека непосредственно пред Богом представляет собой почти исключительно дело протестантизма. Даже в то время, когда протестанты были почти так же нетерпимы, как католики (совершенно сходны они в этом отношении никогда не были), когда они так же настоятельно, как католики, утверждали, что спасение зависит от обладания истинной верой, — даже и тогда они признавали, что вера не может быть принята от священника, а сам верующий должен искать и найти ее под страхом вечной гибели, если не будет иметь ее, — признавали, что за человека никто не может отвечать пред Богом, кроме самого человека. Избежание рокового заблуждения становилось таким образом в значительной мере вопросом образования. Это было в высшей степени сильное побуждение для всякого верующего — как бы низко ни было его положение — искать образования и пользоваться им. В тех протестантских странах, в которых церкви не представляли собой, как это всегда было с церковью английской, политических учреждений, например в Шотландии и Новых Английских Штатах, — между самым бедным классом народа распространено было такое количество образования, какого не встречается нигде. Каждый крестьянин объяснял Библию своему семейству (многие даже своим соседям) и обладал навыком в

размышлении и споре по всем пунктам своего религиозного верования. Пища эта оказывалась, правда, не слишком питательной, но мы не должны быть слепы к тому обстоятельству, что эти возвышенные предметы дали пониманию возможность изошряться и окрепнуть, — что такого рода умственная работа сообщила самому последнему мирянину известный навык к отвлечению и рассуждению. Одним из следствий этого была привилегия, которой Шотландия долго пользовалась, — доставлять профессоров для университетов большей части Европы и посылать туда воспитанных и сведущих мастеровых по части практических искусств.

Все это, однако же, несмотря на свою важность, представляет, при широком взгляде на всеобщую историю, только частность. В общем понимании истории мы не находим у Конта коренных заблуждений. Он один свободен от множества хитросплетений и преувеличений, которые мы привыкли находить почти у всех мыслителей, касающихся умозрений подобного рода. Едва ли кто-либо из них был настолько же далек, например, от двух противоположных заблуждений — приписывать случаю и индивидуальным качествам слишком много или слишком мало влияния. Никто полнее его не избегнул и не обличил столь распространенной повсюду ошибки — предполагать, что ход истории не имеет своего собственного направления, что великие события обыкновенно происходят от незначительных причин, что властитель, завоеватель или основатель философской или религиозной школы в состоянии сделать из общества, что им угодно. Равным образом он был свободен и от заблуждения тех, которые все приписывают общим причинам и воображают, что ни случайные обстоятельства, ни действия правительств, ни мысли людей гениальных — существенно не ускоряют и не замедляют прогресса человеческого. Этой ошибкой проникнуто, между прочим, поучительное произведение мыслителя, который в наше время в Англии представлял ближайшее, хотя все-таки весьма отдаленное, сходство с Контом: мы говорим об оплакиваемом нами Бокле. Если б, по несчастью, смерть не похитила его на ранней ступени трудов и прежде полной зрелости его способностей, он, вероятно, покинул бы это заблуждение, о котором тем более нужно сожалеть, что оно дает опору предрассудку, видящему в учении о неизменности законов природы нечто тождественное с фатализмом. Бокль впадает также в другую ошибку, которой избегнул Конт, — именно: только интеллектуальный элемент в человеке он считает прогрессивным, нравственный же до того неподвижным, что он почти не влияет на среднее число преступлений из года в год. Конт, напротив, обнаруживает в высшей степени тонкое понимание причин, которые поднимают или понижают уровень нравственности. Интеллектуальный прогресс считает он столь благодетельным только потому, что он вырабатывает руководящее начало для нравственных чувств человечества и способ для проведения этих чувств в жизнь.

Конт одинаково свободен и от заблуждения, видящего в каком-либо правиле или доктрине, которые могут быть положены в основании политики, нечто всеобщее и абсолютное. Всякую политическую истину он считает относительной в строгом смысле слова, предполагающей для себя соотносительные данные в известном состоянии или положении общества. Это убеждение принадлежит теперь ему сообща со всеми

мыслителями, идущими в уровень с веком, и естественно бросается в глаза всякому понимающему историю, так что остается только удивляться, как люди не могли понять этого раньше. Оно составляет одно из главных различий между политической философией настоящего и прошедшего. Но Конт усвоил его еще тогда, когда противоположный вид мысли был общим. Мало есть мыслителей, которым этот принцип был бы больше обязан своим толкованием и разъяснением.

Впрочем, выставляя на вид историческую последовательность систем верования и форм политического общества, — показывая в полном свете те несовершенства их, которые делают невозможным, чтоб какая-либо из них могла быть окончательной, — Конт ни на минуту не перестает быть справедливым по отношению к людям и мнениям прошлого времени. С благородной признательностью отдает он благодарность всякому, кто — каковы бы ни были недостатки его учения или образа действий — существенно способствовал делу человеческого совершенствования. За всеми прошедшими видами мышления и формами общества он признает полезное и, во многих случаях, даже необходимое, назначение: вести человечество от одной ступени совершенствования к другой более высокой. Теологическое направление в его последовательных формах и метафизическое — в его главных видах — почтены Контом за услуги, оказанные тем, что они привели человечество из первобытной дикости к состоянию, в котором становились возможными дальнейшие виды мышления. Его перечень героев и благодетелей рода человеческого заключает в себе не только каждое замечательное имя в научном движении от Фалеса Милетского до математика Фурье и биолога Бленвиля, в эстетике от Гомера до Манцони, но и самые знаменитые имена в летописях разных религий и философий, равно как и имена великих политиков во всех состояниях общества.¹⁹ Сверх всего этого Конт питал глубочайшее уважение к услугам, которые оказали христианство вообще и церковь средних веков. Его оценка католического периода могла бы показаться большинству англичан (с которыми мы имеем полное право не согласиться) преувеличенной, если не бессмысленной. С горячим уважением относится он к великим людям христианства от апостола Павла до Франциска Ассизского; не забывает даже тех, которые жили и мыслили в века, когда католическая церковь — внезапно остановившись в своем развитии, между тем как мир двинулся вперед — стала препятствием к прогрессу вместо того, чтоб быть его покровительницей — людей, подобных Фенелону и Сен-Венсен-де-Полю, Боссюэ и Жозеф-де-Местру. Ни у одного мыслителя мы не встречаем более широкой, более чуждой односторонности, так сказать более католической — в первоначальном значении этого слова — симпатии и уважения ко всякому действительному достоинству, ко всякой услуге человечеству, какого бы рода она ни была. Люди, которые бы разорвали друг друга на части, которые даже пытались делать это, все эти

---

¹⁹ Несколько позже Конт написал то, что он назвал: «Положительный Календарь», в котором каждый день посвящен какому-либо благодетелю человечества. Здесь не опущена ни одна знаменитость, действительно полезная, за исключением тех, которые только отрицали и разрушали. В силу этого начала (оно ясно высказано) были исключены французские *philosophes* и приняты только те из них, которые — как например Вольтер и Дидро — имели право на занесение в календарь по другим основаниям. Протестантские религиозные реформаторы пропущены совершенно со странным исключением в пользу Георга Фокса, который включен, мы думаем, во внимание к его мирным стремлениям.

люди, коль скоро каждый из них в своем роде полезно служил интересам человечества, священны для Конта.

Нельзя также сказать, чтобы понятие Конта о человеческом совершенствовании было односторонне и имело в виду только некоторые формы развития. Он не только ценит, но превозносит нравственное значение произведений поэтов и художников во всех отраслях, считая их — в силу того, что они совокупно действуют и на чувство, и на ум — удивительно способными развить чувство у абстрактных мыслителей и расширить интеллектуальный горизонт массы людей.²⁰ Закон прогресса он считает применимым к поэзии и искусству точно так же, как к науке и политике. Обыкновенное же стремление к противоположному мнению Конт приписывает единственно тому факту, что совершенство эстетического произведения требует гармонии в чувствах человечества, которая в своем существовании зависит от прочного и установившегося состояния мнений: между тем последние пять столетий представляют эпоху колебания и разложения самых общих верований и чувств человечества. Многочисленные памятники, какие произвел поэтический и художественный гений новейших времен, даже и при этом неблагоприятном обстоятельстве, представляют (по уверению Конта) достаточное доказательство того, к каким великим произведениям будет способен этот гений, лишь только одно гармоническое настроение чувства пройдет через все общество — как было во времена Гомера, Эсхила, Фидия и даже Данте.

После столь глубокого и широкого взгляда на прогресс человеческого общества в прошедшем — прогресс, которого будущее может быть только продолжением — естественно спросить, что делает Конт из этого обзора, взяв его за основание практических выводов? Такие выводы у него, конечно, есть, хотя в настоящем трактате они имеют гораздо менее определенный характер, нежели в его позднейших сочинениях. Нам не достает чего-то; мы замечаем здесь некоторый перерыв в строгой — относительно других случаев — последовательности умозрений Конта. Мы не видим никакой научной связи между его объяснением прошедшего прогресса общества и планами будущего совершенствования. Эти планы не показывают (как мы имели бы право ожидать), чтобы к ним стремилось и для них работало человеческое общество в течение всей истории, что старались обыкновенно доказать мыслители, составлявшие теории для будущего, обоснованные на историческом анализе прошлого. Токвиль, например, и другие, видя в течении всей истории постоянный прогресс в направлении социального и политического равенства, доказывали, что настоящий долг политической прозорливости — облегчать этот переход и пользоваться как можно лучше тем, что уже сделано. Мы не видим, чтобы Конт поддерживал свои выводы подобными аргументами. Каждый из них опирается у него на свое особое основание предполагаемой полезности совершенно так же, как у философов, подобных *Бентаму*, строящих политические теории вовсе без исторического фундамента. Единственный связующий пункт, который ведет нас от исторических умозрений Конта к его

---

²⁰ В одном из последующих сочинений Конт идет дальше и глубже: «Искусство мягко возвращает к реальности слишком абстрактные размышления теоретика, в то время как оно благородно побуждает практика к бескорыстным умозрениям» — «Système de Politique Positive», I. 287.

практическим выводам, представляется в том соображении, что — так как старая социальная власть в сфере мысли и деятельности клонится к упадку и рано или поздно должна исчезнуть, уступив место усиливающейся власти положительных мыслителей с одной стороны и предводителей промышленности с другой, — то будущее принадлежит им: духовная власть составит достояние первых, а светская будет находиться в руках последних. Как образчик исторического предвидения, такое положение негодно. Почему здесь нет речи о промышленных массах, точно так же как о предводителях; разве власть первых не возрастает так же? Понятия Конта о том, каким образом должна быть организована и употребляема эта возрастающая власть, очевидно, основаны скорее на чем-нибудь другом, нежели на истории. Мы не можем не заметить этой странной аномалии в мыслителе подобного разряда. После всестороннего доказательства, какое он представил в пользу медленного развития наук, которые все — за исключением математико-астрономических — еще и теперь находятся на весьма ранней ступени, — практические выводы Конта заставляют предполагать, как будто бы, по его понятию, одна постановка социальной науки равносильна уже ее завершению, как будто бы разница мнений об этом предмете, ставящая людей в несогласие между собой, обуславливается единственно тем обстоятельством, что до сих пор отрасль эту изучали теологическим и метафизическим способом; как будто бы, наконец, — стоит только применить сюда положительный метод в том виде, как он приложен к другим предметам знания — и разногласие тотчас же прекратится, все до одного положительные исследователи в области социологии обнаружат такое же единодушие в своих теориях, какое существует между людьми, разрабатывающими какую-либо из наук неорганического мира. Хороша была бы перспектива человечества, если бы это было действительно так. Время, на которое рассчитывает Конт, может наступить; если что-либо не остановит прогресса человеческого совершенствования, даже несомненно, что оно наступит; но это будет только после долгого периода трудной работы мысли и жестокой борьбы. Эпоха разложения, продолжавшаяся, по собственному указанию Конта, от начала XIV века до настоящего столетия, еще не закончилась. Сруб старого здания останется стоять до тех пор, пока другой не будет готов занять его место. Новый синтез только что начат, даже предварительный анализ еще не совсем кончен. В других случаях Конт очень хорошо понимает, что метод науки не есть еще самая наука и что, если преодолели затруднения к открытию верных процессов, то остается еще гораздо больше затруднений при применении их к делу. Это справедливо по отношению ко всем наукам, а тем более ко всему, что касается социологии. — При большей, нежели в какой-либо другой науке, сложности фактов, при зависимости их от большего стечения сил, увеличивается и трудность разрабатывать эти факты путем дедукции, — тогда как смутное различие между одним и другим случаем смотря по обстоятельству, имеющему влияние на результат, дает для непосредственной индукции основание обыкновенно не лучше того, какое представляет эмпиризм. Таким образом здесь менее, чем в какой-либо другой науке, можно ожидать, чтоб два исследователя, одинаково компетентные и одинаково беспристрастные, имели один и тот же взгляд на доказательность и пришли бы к одному и тому же заключению. Если же к этому

существенному затруднению прибавить еще то обстоятельство, что здесь представляется несравненно более широкое поприще для личных и сословных интересов и предрасположений препятствовать беспристрастному суждению, — то надежда видеть между социологами столь полное единодушие во взглядах, чтобы их мнение, единственно из уважения к истине, пользовалось всеобщим признанием, которого требует Контова схема общества, — эта надежда должна считаться неосуществимой в течение неопределенного времени.

Собственная теория Конта представляет прекрасное разъяснение этих затруднений: так как при всей его подготовке к этим умозрениям, подготовке, какой едва ли достигал кто-нибудь прежде, его взгляды относительно социального возрождения даже в первоначальной форме, в какой они являются в разбираемом трактате (не говоря уже о странной форме, в которую он развил их впоследствии), — эти взгляды такого свойства, что вряд ли их примет кто-либо другой, обладающий одинаковым знанием и способностями. Положим даже, что эти взгляды были бы верны, — они все-таки не имели бы действительного, обязательного значения до тех пор, пока между положительными мыслителями не установилось бы согласие, на какое рассчитывает Конт: так как вся суть ее системы состоит в духовной власти, представляемой совокупностью философов-позитивистов, — власти, которую может вызвать к существованию только предварительное достижение единодушия, указанного нами. Нескольких слов достаточно будет, чтоб передать очерк его плана. Корпорация философов, пользующаяся самой незначительной поддержкой государства, окруженная почетом, но решительно устраненная не только от всякой власти или должности, но и от всяких богатств и занятий, за исключением своих собственных, будет вполне управлять делом воспитания. Вместе с этим на ней будет лежать право и обязанность не только давать советы и замечания относительно общественной и частной жизни каждого, но также и контролировать (не определено: будет ли то контроль власти или только нравственный) действия самого философствующего класса, предупреждая напрасную трату времени и сил на исследования и умозрения, не имеющие значения для человечества (Конт включает сюда много такого, чему теперь придают большую важность), и побуждая мыслителей направлять все свои способности на исследования, которые в известное время могут считаться настоятельно нужными для общего благосостояния. Светская власть, существующая наряду с духовной, состоит из аристократии капиталистов, достоинство и авторитет которых должны быть в соответствии со степенью общности их воззрений и операций, т. е. банкиры должны стоять во главе, затем купцы, далее фабриканты и в самом низу земледельцы-агрономы. Для противовеса этой правительственной власти не имелось в виду ни представительной системы, ни какой-либо другой народной организации. Средства предупреждения злоупотребления правительства заключаются в советах и предостережениях духовной власти и в неограниченной свободе критики и разъяснения со стороны всех подчиненных. Касательно того, каким образом та и другая власть будут отправлять свое назначение, в разбираемом трактате говорится мало. Но общая идея состоит в том, чтобы, регулируя как можно меньше законом, сделать влияние общественного мнения, направляемого духовной властью, столь сильным по

отношению ко всякому отдельному человеку от низшего до высшего, чтобы легальная обязательность в возможно большем числе случаев оказывалась ненужной. Свобода и самопроизвольность со стороны индивидов не находят места в системе Конта. Он смотрит на них с таким же недоверием, как школьный педагог или церковный проповедник. Всякая мелочь в общественном или частном поведении человека должна быть на глазах у всех и силой общего мнения удерживаться в том направлении, какое духовной властью будет признано самым верным.

Эта картина не может легко расположить в свою пользу, и возражения на весь план слишком очевидны, чтоб их нужно было приводить. В действительности только люди очень рассудительные в состоянии поверить, что умозрения, ведущие к этому результату, могут заслуживать того внимания, какое нужно, чтоб понять их. В следующем отделе мы рассмотрим их, как часть выработанной и связной системы учения, предложенной Контом впоследствии для реорганизации общества. Но и из того, что было сказано, читатель поймет уже, что мы не считаем Конта создателем социологии. Кроме исторического анализа, который во многом следует дополнить, но который, мы думаем, вряд ли может быть, вообще говоря, заменен чем-нибудь подобным, Конт в своей социологии не представил ничего такого, что не требовало бы переделки. Но он во всяком случае сильно подвинул вперед ее изучение. Помимо богатого запаса мыслей, каким он снабдил этот предмет, помимо разнообразных и часто великих услуг, какие он оказал социальному исследованию, его понимание метода, свойственного этому исследованию, до такой степени вернее и глубже понимания всех его предшественников в этом деле, что составляет эру в разработке социологии. Если о Конте нельзя сказать, что он создал эту науку, то по всей справедливости надо признать, что он первый сделал возможным ее создание. Это — великий подвиг; вместе с необычайным достоинством исторического анализа и философии естественных наук его достаточно, чтоб обессмертить имя Конта. Но слава Конта, вероятно, была бы больше, если б он, указав путь, каким может быть образована социальная наука, не ласкал себя мыслью, что он создал ее и что она установилась уже довольно прочно, чтобы на ее основании начать постройку всей фабрики политического искусства.

Отдел II.

Позднейшие воззрения Конта

Предлагаемый в выноске список изданий,²¹ содержит в себе перечень материалов для изучения и оценки того, что Конт назвал своей второй карьерой, в которой *savant*, историк и философ основного трактата преобразуется в верховного жреца религии человечества. Сюда входят все сочинения Конта, исключая его «Cours de Philosophie Positive». Первые произведения его и случайные издания позднейшего времени перепечатаны в виде прелюдий и приложений в трактатах, указанных в нашем перечне, или в сочинении д-ра Робине, которое, вместе с книгой Литтре, содержит также богатые извлечения из переписки великого мыслителя.

На последних страницах своего великого систематического труда Конт заявил, что он уже тогда обдумывал четыре других трактата: о политике, о философии математики, о воспитании — проект, впоследствии расширенный до того, что сюда имелось в виду включить систематизацию морали, и наконец, о промышленности или о действии человека на внешнюю природу. Из этих предположенных трактатов Конт успел обработать только два, помещенные в нашем перечне. Далее список указывает на краткое изложение окончательных воззрений Конта в форме разговора или катехизиса, как он сам называет его. Английский перевод этого сочинения был издан наиболее ревностным приверженцем Конта в Англии м-ром Конгривом. Весьма недавно появился также под заглавием «A General View of Positivism», перевод рассуждения, предпосланного Контовой «Système de Politique Positive»; перевод состоит из шести глав и сделан д-ром Бриджесом. Остальные три книги, приведенные в нашем списке, суть произведения учеников Конта, учеников различных оттенков. Литтре, единственный мыслитель с установившейся репутацией, который открыто признает себя учеником Конта, — есть собственно ученик одного только «Cours de Philosophie Positive»; он видит слабые стороны даже и в этом произведении. Некоторые из недостатков великого трактата выставлены и разобраны им с замечательным тактом и основательностью. Книга Литтре — и как очерк жизни великого мыслителя, и как критика его воззрений — заслуживает более полного отчета, нежели какой мы в состоянии дать о ней здесь. Г. де Блиньер является приверженцем Конта в гораздо большей мере. Читающему это в высшей степени хорошо и увлекательно написанное

---

²¹ 1. «Système de Politique Positive, ou Traité de Sociologie, instituant la Religion de l'Humanité.» 4 vols. 8-vo. Paris. 1851—1854.

2. «Catéchisme Positiviste, ou Sommaire Exposition de la Religion Universelle en onze Entretiens Systématiques entre une Femme et un Prêtre de l'Humanité.» 1 vol. 12-mo. Paris. 1852.

3. «Appel aux Conservateurs.» Paris. 1855 (brochure).

4. Synthèse Subjective, ou Système Universel des Conceptions propres à l'Etat Normal de l'Humanité.» Tome premier, contenant le Système de Logique Positive, ou Traité de Philosophie Mathématique. 8-vo. Paris. 1856.

5. «Auguste Comte et la Philosophie Positive.» Par E. Littré. 1 vol. 8-vo. Paris. 1863.

6. «Exposition Abrégée et Populaire de la Philosophie et de la Religion Positives.» Par Célestin de Bagnières, ancien élève de l'Ecole Polytechnique. 1 vol. 12-mo. Paris. 1857.

7. «Notice sur l'Oeuvre et sur la Vie d'Auguste Comte.» Par le Docteur Robinet, son Médecin, et l'un de ses treize Exécuteurs Testamentaires. 1 vol. 8-vo. Paris. 1860.

сокращение и популяризацию воззрений Конта, нелегко даже открыть в авторе недостаток неразборчивой доверенности, которая, по-видимому, одна пользовалась благосклонностью Конта. Великий мыслитель кончил тем, что отрекся от Блиньера, точно так же как пред этим разошелся с Литтре, точно так же как покидал всякого, кто, пройдя с ним известное расстояние, отказывался следовать за ним до конца. Автор последнего из сочинений в нашем перечне, д-р Робине, — ученик Конта по собственному признанию философа, ученик, которого ни затруднение не останавливает, ни нелепость не пугает. Впрочем, мы далеки от того, чтоб говорить иначе, как с уважением о д-ре Робине и других лицах, поддерживающих вокруг гроба их учителя организованную деятельность для распространения воззрений, которым, по их убеждению, суждено возродить человечество. Их восторженное благоговение пред великим мыслителем, их преданность тем целям, которые он преследовал, делают честь как ученикам, так и наставнику, и служат доказательством того личного влияния, которое он оказывал на всякого, кто сблизился с ним. Это влияние увлекло — было одно время даже Литтре, (по его собственному признанию) далеко за пределы того, что может одобрить теперь его более спокойное рассуждение.

Эти разнообразные сочинения выдвигают вперед много интересных сторон, относящихся к личной истории Конта, и несколько не лишенных философского смысла черт, касающихся его мыслительных приемов. От всех этих подробностей мы удержимся и укажем только на два обстоятельства, которые сам Конт выставлял на вид с особенным старанием и знание которые почти необходимо для того, чтобы понять характерную разницу между его первой и второй карьерой. Надо знать, что в течение позднейшего периода своей жизни и даже еще прежде окончания своего великого трактата, Конт принял себе за правило, от которого отступал весьма редко: удерживаться не только от газет и периодических изданий — даже научных, но и вообще от чтения чего бы то ни было, за исключением немногих любимых поэтов на древних и новейших языках. Таковую воздержность Конт наблюдал для того, чтобы, как он выражался, посредством «умственной гигиены» сохранить ум в здоровом состоянии. Мы далеки от мысли, чтобы в этом не было ничего такого, что бы говорило в его пользу. Конечно, у большинства мыслителей подобный образ действия был бы безрассуден в высшей степени: но мы не станем утверждать, что он не в состоянии принести иногда выгоду для человека, обладающего умом той особенной категории, к какой принадлежал ум Конта, — для человека, который с пользой может посвятить себя задаче проследить до отдаленнейших выводов какую-либо одну нить умозрений того трудного рода, где полное сосредоточение ума на собственных мыслях представляется почти неизменно условием успеха. Старательно и добросовестно заготовив наперед, как это сделал Конт, богатый запас материалов, человек с подобным умом может найти себе оправдание для мысли, что он гораздо больше принесет пользы умственному благосостоянию человечества, если исключительно займется разработкой этих материалов, не отвлекая своего внимания постоянным расширением сферы или открытым сношением с другими независимыми мыслителями. Итак, образ действия, о котором идет речь, может быть законным; но никто не должен прибегать к нему иначе, как с ясным сознанием того, что он теряет

через это. Здесь следует отказаться от претензии достигнуть полной истины в предмете своих умозрений, — каков бы он ни был. Даже в предмете ограниченном дойти до нее единственно силой своего собственного ума, опираясь на основания, положенные предшественниками, без помощи и поправки со стороны современников, невозможно. Мы в состоянии оказать замечательную услугу разработкой некоторых сторон истины, но должны всегда ожидать, что найдутся другие стороны, которые совершенно ускользнули от нашего внимания. Как бы ни были велики наши способности, все, что мы в силах сделать без постоянных напоминаний со стороны других мыслителей, будет иметь значение только предварительной работы и потребует полнейшего пересмотра. Мы обязаны всегда иметь это в виду и смотреть на свою работу как на расчистку местности, а не постройку здания. Предполагая, что мы в состоянии оказать гораздо большее содействие разработке элементов окончательного синтеза, если проследим свои собственные, оригинальные мысли до крайних пределов их развития, предоставляя другим или же самим себе впоследствии заняться приспособлением их к мыслям, которыми они должны быть сопровождаемы, — мы имеем полное право поступать подобным образом. Но это значит обманывать себя, если мы вообразим, что выводы, каких мы в силах достигнуть при соблюдении Контова правила о *hygiène cérebrale*, могут быть решительными.

Подобный образ действия, с гигиенической точки зрения, не лишен также серьезных опасностей и для самого ума философа. Раз убедив себя в том, что он в состоянии исключительно из своих собственных источников выработать окончательную истину по какому-либо предмету, философ способен потерять всякий критерий, который бы указывал ему, когда он удаляется от здравого смысла. Живя только своими собственными мыслями, человек, мало-помалу забывает, под каким видом они представляются умам иного склада; он смотрит на свои выводы с точки зрения, которая внушила их и с которой естественно они должны казаться совершенными. Всякое соображение, которое могло бы представиться с другой точки зрения, или как возражение на полученные таким образом выводы, или как видоизменение их, для подобного мыслителя имеет такое же значение, как будто бы оно совсем не существовало. Если же начнут признавать и ценить заслуги такого философа и особенно если его учение станет приобретать адептов, умственная несостоятельность в скором времени усложняется нравственной. Естественным следствием подобного положения является непомерная самоуверенность, чтоб не сказать надменность. У Конта это свойство имеет колоссальные размеры. Ни у кого, за исключением разве нескольких мыслителей-самоучек, которые не находят с чем сравнить себя, — мы не встречаем чего-либо подобного. По мере того, как мысли Конта принимали все более и более странный характер, его самоуверенность становилась наглее и наглее. Нужно заглянуть в его сочинения, чтобы поверить тому, какой степени она достигла напоследок.

Другое обстоятельство, касающееся личности Конта, на которое нельзя не указать по той причине, что он сам постоянно ссылается на него, как на источник превосходства, приписываемого им позднейшим умозрениям сравнительно с

умозрениями более раннего периода, — это обстоятельство есть «нравственное перерождение», которое совершилось в нем вследствие «ангельскому влиянию» и «беспримерной личной страсти». Конт питал страстную привязанность к одной даме, которую он изображает как существо, соединяющее в себе все, что есть восхитительного в нравственном и умственном отношениях. Отношения к этой даме, помимо непосредственного влияния ее характера на характер философа, познакомили его с истинными источниками благополучия человеческого, что совершенно изменило его взгляд на жизнь. Эта привязанность, всегда остававшаяся чистой, доставила Конту только один год страстного наслаждения; в конце этого короткого периода смерть прервала дни любимой женщины. Но обожание ее пережило даже смерть и сделалось, как мы увидим, типом Контова понятия о воспитании и образовании человечества на началах симпатии. Перемена, произведенная таким образом в личном характере и чувствах Конта, тотчас же сказалась и на его умозрениях. Перестав быть исключительно философией, они стремятся теперь стать религией; из чисто и строго научных, опирающихся на начала разума, — насколько то было совместно с характером всегда восторженным в своих удивлениях и в своем усердии к совершенствованию, — они становятся тем, что, по недостатку лучшего эпитета, можно бы назвать сентиментальным, но сентиментальным в своем собственном роде, весьма интересным для наблюдения. При рассмотрении той системы религии, политики и нравственности, какую Конт построил в своих позднейших сочинениях, — необходимо помнить характер того личного опыта и влияния, которым он сам постоянно приписывал этот фазис своей философии. Хотя мы будем говорить гораздо больше против, нежели в пользу выводов, к каким он был приведен этим путем, во всяком случае справедливость требует сказать, что мы действительно верим, что нравственное влияние Клотильды де Во на характер философа имело облагораживающее и смягчающее свойство, какое он сам признает за ним. Оставив в стороне результаты непомерной надменности мыслителя, мы замечаем, что его чувства усовершенствовались почти в той же степени, в какой упали его умозрения, если сравнивать то и другое с эпохой «Philosophie Positive». С некоторых второстепенных сторон даже умозрения его усовершенствовались вследствие благодетельного действия облагороженных чувств. Таким путем можно было достигнуть еще большего, если бы — что редко случается — предмет, к которому Конт питал привязанность, был способен оказывать на него улучшающее влияние как в нравственном, так и в умственном отношении; если бы далее Конт сам довольствовался чем-нибудь более скромным, нежели претензия быть верховным законодателем нравственности и первосвященником для всего человечества.

Если мы говорим, что Конт свою философию свел на религию, то при этом слово «религия» не следует понимать в его обыкновенном значении. Он нисколько не изменил того чисто-отрицательного отношения, в каком находился к теологии: в его религии нет бога. Сказав это, мы сделали достаточно, чтоб заставить девять-десятых из наших читателей, по крайней мере в Англии, закрыть глаза и заткнуть уши. Не иметь религии, как бы то ни казалось позорным, все-таки составляет мысль, с которой мы свыклись; но не иметь бога и толковать о религии — это представляется в одно и то же

время и нелепостью, и нечестием. Большая часть остальных, быть может, отвернется от всего, что только носит название религии. В той и другой партии трудно найти людей, которых бы можно было склонить на то, чтоб выслушать Конта без непреодолимого предубеждения. Но, если хотят быть справедливыми относительно какого-либо мнения, то его следует рассматривать не с одной только точки зрения противника, но и с точки зрения того, кто предлагает это мнение. Надо допустить, что хоть для крайне ничтожного меньшинства может существовать религия без верования в бога и что размышление о таком предмете может быть не лишенным интереса и для христиан.

В чем состоят условия, необходимые для образования религии? Прежде всего должно существовать воззрение или убеждение, которое бы присваивало себе власть над жизнью человека в ее целостности; необходимо верование или даже ряд верований, разумно усвоенных, относительно назначения человека и его долга, — верований, которым, по внутреннему признанию самого верующего, должны подчиняться все его действия. Сверх того, нужно существование чувства, которое было бы связано с таким верованием или могло бы быть им вызвано, — чувства, достаточно сильного для того, чтоб на деле доставить ему власть над действиями человека, которой оно требует себе в теории. Очень важно (однакож ничуть не абсолютно необходимо), чтоб это чувство было сосредоточено на каком-либо конкретном объекте, если возможно действительно существующем, хотя во всех более важных случаях представляющемся только идеально. Такой объект верующий находит в теизме и христианстве; но это условие может быть выполнено, хотя и не в такой степени, другим объектом. Ведь говорили же, что тот, кто верует в «бесконечную природу долга», есть человек религиозный, даже если он не верит ни во что другое. Конт верит в то, что разумеют под бесконечной природой долга, но обязанности, вытекающие отсюда, так же как и все чувства преданности, он относит к конкретному предмету, в одно и то же время идеальному и действительному. Этот предмет — род человеческий, понимаемый как непрерывное целое, включающее в себе прошедшее, настоящее и будущее. Это великое коллективное существо, это «Grand Etre», как называет его Конт, — несмотря на то, что чувства, какие оно может возбудить, по необходимости весьма отличны от тех, которые стремятся к существу идеально совершенному, — это «Grand Etre» имеет для нас (на чем он особенно сильно настаивает) то отличительное свойство, что оно действительно нуждается в наших умах, чего нельзя сказать относительно существа всемогущего в настоящем значении слова. При этом Конт говорит, что если и допустить существование Верховного Промысла (он одинаково далек как от того, чтоб отрицать, так и от того, чтоб утверждать это), то и тогда самое лучшее и даже единственное средство достойно поклоняться и служить ему должно состоять в стремлении сделать возможно большее с нашей стороны в деле любви и служения другому Великому Существу, провидение которого — хотя и менее верховное — даровало нам все блага, какими мы обязаны трудам и усилиям предшествовавших поколений. Нельзя согласиться, чтоб это можно было назвать религией; но термин, приложенный таким образом, во всяком случае имеет известный смысл и притом смысл, который не в состоянии быть равносильно выражен каким-либо другим словом. Люди искренние —

какого бы верования они ни придерживались — легко могут допустить, что человек, имеющий какой-либо идеальный предмет, к которому он питает привязанность и чувство долга, достаточно сильные, чтобы контролировать и направлять все прочие его чувства и склонности и предписать ему известное правило жизни, — что такой человек имеет религию. Далее, хотя человек естественно предпочитает свою собственную религию какой-либо другой, однако всякий должен согласиться, что, если объект указанной нами привязанности и чувства долга есть совокупность людей, то такая нехристианская религия не может быть названа порочной по существу своему. Многие, в самом деле, не могут поверить, чтоб этот объект был способен сосредоточить вокруг себя чувства достаточно сильные; но это-то именно и есть пункт, относительно которого едва ли должно остаться сомнение для того, кто с толком читает Конта. Мы вместе с ним осуждаем то нерациональное и унижительное понятие о человеческой природе, которое не допускает, чтобы она была в состоянии отдать свою любовь и посвятить свою жизнь предмету, который не в силах даровать взамен этого вечное личное наслаждение.

Многие замечали власть, которую, в обоих отношениях, и как источник чувства, и как двигатель поступков, может приобрести над умом мысль об общем интересе всего человечества. Но мы не знаем, чтобы кто-либо прежде Конта выставил так полно все величие, какого способна достигнуть эта идея. Она восходит до неведомых пределов прошлого, обнимает собой многостороннее настоящее и проникает в неопределимое и непредвидимое будущее. Представляя нашему уму коллективное существо, начало и конец которого нельзя обозначить, — эта идея напоминает о чувстве бесконечного, которое глубоко коренится в природе человека и является необходимым элементом всех наших высших понятий. В великой развертывающейся ткани человеческой жизни часть лучше всего известная нам есть, бесспорно, прошлое. Мы не в состоянии служить ему и можем только любить его. Большинство найдет там громадное число людей, которые любили нас и благодеяниями которых мы пользуемся; мы увидим там длинный список лиц, которые своими трудами и жертвами заслужили того, чтоб об них навсегда сохранилось благодарное воспоминание. Высочайшие умы, как верно замечает Конт, даже в наше время живут гораздо больше с умершими, нежели с живыми, а вслед за умершими с теми идеальными человеческими существами, которые появятся на мировой сцене в будущем и которых им никогда не суждено увидеть. Если мы почитаем тех, кто оказал человечеству услуги в прошедшем, то, действуя для блага того, чему была посвящена их жизнь, мы трудимся также и для этих благодетелей рода человеческого. Если же размышление, руководимое историей, укажет нам тесную связь, какая существует между одним веком и другим, заставляя нас в судьбе человечества видеть развитие великой драмы, — тогда все поколения рода человеческого неразрывно сольются в один образ, соединяющий в себе мысль о потомстве и ее неотразимое влияние на ум с лучшими чувствами к людям, окружающим нас, и к предшественникам, которые сделали нас тем, чем мы оказываемся теперь. Чтобы облагораживающее влияние этой великой идеи могло иметь всю свою силу и действительность, нам следовало бы вместе с Контом смотреть на это «Grand Etre» или человечество так, как будто бы в прошедшем оно состояло

только из лиц, которые все в свое время и в своем положении достойно выполнили свою роль в жизни. Только при подобном ограничении совокупность человеческого рода становится предметом, заслуживающим нашего уважения. Мы должны исключить из наших обычных рассуждений недостойных членов человечества; даже несовершенства, неизбежные в жизни тех из умерших, которые заслуживают почтительного воспоминания, нужно бы держать в уме не больше, нежели необходимо, чтоб не составить ложного понятия о фактах. Зато, с другой стороны, Контово «Grand Etre» должно включать в себя не только всех, кого мы уважаем, но и всякое чувствующее существо, которому мы обязаны услугами и которое имеет право на нашу привязанность. Конт, таким образом, вводит в этот идеальный объект, назначение которого — быть законом нашей жизни, не одних только людей, но, в известной степени, и их скромных помощников — те породы животных, которые являются в настоящем обществе рядом с человеком, привязываются к нему и охотно разделяют его труды, как например благородная собака, отдающая жизнь свою за ее друга и благодетеля — человека. За это Конт подвергся незаслуженному осмеянию, между тем в целой системе его воззрений нет ничего более искреннего и почтенного. Строгое понятие, какое он всегда обнаруживал о достоинстве низших животных и об обязанностях человека в отношении к ним, составляет одну из тончайших черт его характера.

Итак, мы утверждаем не только то, что Конт был прав, когда пытался развить свою философию в религию, и что он выполнил существенные условия религии, — но и то, что религия тем лучше, чем ближе она, в своих практических результатах, подходит к той, построить которую он имел притязание. Но, к сожалению, мы обязаны сделать Конту упрек за то, что он допустил громадную ошибку в самом начале своих рассуждений, состоящую в том, что он в основании ложно понял настоящее назначение правил жизни. Он сделал ошибку, в которой часто, но несправедливо, упрекали целый класс утилитарных моралистов: он требовал, чтоб одобрение поступка было исключительным побуждением к нему. Так как благо человечества есть высший критерий справедливого и несправедливого, так как нравственное развитие состоит в достижении возможно большего отвращения ко всякому поступку вредному для общего блага, то Конт заключает, что благо других есть единственное побуждение, на которое бы нам следовало опираться в своих действиях, — что нам нужно бы стараться умерщвлять все желания, которые имеют в виду нашу личность, отказывать им во всяком удовлетворении, коль скоро это не составляет настоятельной физической потребности. Золотое нравственное правило в Контовой религии — жить для других, «vivre pour autrui». Поступать так, как бы нам хотелось, чтоб поступали по отношению к нам, любить ближнего своего как самого себя, — недостаточно для Конта: ему кажется, что это все-таки имеет характер личных расчетов. Нам следовало бы стараться не любить себя вовсе. Мы не достигнем полного успеха в этом, но должны все-таки стремиться подойти к цели возможно близко. По отношению к человечеству он ничем не хотел довольствоваться, кроме чувства, какое один из его любимых писателей, Фома Кемпийский, обращает к Богу: *Amem te plus quam me, nec me nisi propter te* («Да люблю я Тебя более, чем себя, и себя — лишь ради Тебя»). Воспитание и нравственная дисциплина

должны иметь в виду одно: доставить альтруизму (слово Контова изобретения: от латинского alter, другой) преобладание над эгоизмом. Если бы этим говорилось, что эгоизм всегда обязан уступать хорошо понятым интересам широкого альтруизма, то никто из признающих какую-либо нравственность не возражал бы на такое предложение. Но Конт, опираясь на тот биологический факт, что органы укрепляются от упражнения и атрофируются от бездействия, и будучи твердо убежден в существовании отдельных мозговых органов для каждой из наших основных склонностей, считает важной задачей жизни не только укреплять в нас социальные стремления постоянной практикой и направлением к тому всех наших действий, но и ослаблять насколько возможно личные страсти и склонности путем сдерживания их. Даже и ум, в своих операциях, должен подчиняться, как неременному условию, господству социальных чувств над рассудком (du coeur sur l'esprit). Физические и прочие личные инстинкты следует умерщвлять больше, нежели того требует физическое здоровье, на котором нравственность будущего не хочет особенно настаивать из опасения поощрить «les calculs personnels» (личные расчёты). Конт осуждает только такого рода суровость в жизни, которая, ослабляя организм, делает нас менее способными быть полезными для других. Малейшее послабление себе, даже в пище, — не нужное для здоровья и сил, — он порицает, как безнравственное. Все удовольствия, исключая наслаждения душевной страстью, должны быть терпимы только как «неизбежные слабости». Новалис говорил о Спинозе, что это был богом пропитанный человек: Конт — человек пропитанный нравственностью. Всякий вопрос — для него вопрос нравственности, и побуждений он не допускает никаких, кроме нравственных.

Объяснение этому мы находим в том особенном умственном разладе, который столь обыкновенен у французских мыслителей и которым Конт отличался более всех других. Он не мог бы управиться с тем, что называл «единством». Ради этого-то единства и была, в его глазах, желательна религия — не просто только в смысле единодушия, но в гораздо обширнейшем значении. Религия должна представлять собою нечто такое, посредством чего бы можно было «систематизировать» жизнь человеческую. Вот определение религии в Контовом «Catéchisme»: *«состояние полного единства, которое замечается в нашем существовании, личном и социальном, когда все его стороны, как нравственные, так и физические, сходятся в общем назначении... При невозможности полного осуществления подобной гармонии, индивидуальной и коллективной, в существовании столь сложном, как наше, это определение религии характеризует только тот неизменный и подвижный тип, к которому все больше и больше стремится совокупность усилий человеческих. Наше благоденствие и наши заслуги должны состоять в возможно большем приближении к этому единству, постепенное усиление которого представляет самое лучшее мерило действительного совершенствования, личного или социального»*. Конт постоянно возвращается к этой теме и доказывает, что единство или гармония между всеми элементами нашей жизни не совместна с преобладанием личных склонностей, так как они увлекают нас в разные направления. Это единство может быть только следствием подчинения всех

наших личных наклонностей социальным чувствам, которые дают возможность общей системе убеждений заставить их действовать в одном и том же направлении и отличаются от первых тем, что все мы естественно поощряем личные наклонности один в другом, тогда как социальная жизнь, напротив, есть непрерывное ограничение своекорыстных побуждений.

Fons errorum (Ошибка) позднейших умозрений Конта заключается в этом непомерном требовании «единства» и «систематизации». Вот причина, по которой он не довольствуется тем, чтобы всякий, в случае нужды, был готов поставить свои личные интересы и склонности на второй план перед требованиями общего блага: он настаивает, чтобы каждый видел нечто преступное в малейшей заботе о своих личных интересах, кроме разве случаев, когда это может служить для выгоды других; чтобы каждый совестился подобной заботы и старался бы отделаться от нее, — так как существование человека представляется не «систематизированным», не имеющим «полного единства» до тех пор, пока он стремится более нежели к одной цели. Страннее всего то, что это положение кажется Конту аксиомой. Что всякое совершенство состоит в единстве, — это, по-видимому, он считал за истину, в которой человек со здравым рассудком не может сомневаться. Кажется, ему ни разу не приходило на мысль, чтобы кто-либо мог возразить ab initio и спросить: к чему же это всеобщее систематизирование, систематизирование и систематизирование? Откуда вытекает необходимость, чтобы вся жизнь человеческая направлялась только к одному предмету и слагалась в известную систему средств к одной и той же цели? Не могло ли бы человечество, состоящее все-таки из единичных человеческих существ, достигнуть большей степени благополучия в том случае, если бы всякий стал искать своего собственного счастья под условиями, каких требует благо остальных, — нежели тогда, когда каждый сделает единственной своей задачей благо остальных и не будет позволять себе личных удовлетворений, в которых нет самой крайней необходимости для поддержания своих способностей? Бедствия города, находящегося в блокаде, должны быть безропотно переносимы, если их требуют высшие цели и соображения; но разве это — идеальное совершенство человеческого существования? Конт не видит ни одного из этих возражений. Истинное счастье, утверждает он, состоит единственно в удовлетворении душевной страсти. Целый год он пользовался таким наслаждением, и этого было для него достаточно, чтоб исчерпать предмет до основания и решить, что можно обойтись без всего иного. Отсюда естественно происходит стремление не обращать внимания на то, чего бы могло потребовать какое-либо другое лицо или что могло бы быть лучше, но чему Конт не придает значения. «Единство» и «систематизация» безусловно требуют, чтобы все люди сообразовались с примером Конта. Это не оставляет возможности предположить, что существует более одной дороги к счастью, что в нем может быть больше, нежели одна составная часть.

Самый предубежденный человек должен согласиться, что эту религию без теологии нельзя упрекнуть в ослаблении нравственных ограничений. Напротив, она страшно преувеличивает их. Она делает ту же этическую ошибку, как и теория кальвинизма, — что всякое действие в жизни должно быть совершаемо во славу Божию

и что все то, что не составляет обязанности и долга, составляет грех. Она не замечает, что между сферами долга и греха находится промежуток — область положительного достоинства. Не годится принуждать людей делать из-за мнения других лиц то, за что они могли бы заслужить похвалу. Есть известная степень альтруизма обязательная для всех, но есть также и границы, вне которых он становится не обязательным, а только похвальным. Так, обязательно для всякого ограничивать преследование своих личных целей пределами, в которых они совместны с существенными интересами других. Что это за пределы — определит этика, а удерживать индивидов и агрегации индивидов в этих границах есть дело наказания и нравственного порицания. Если же вдобавок к этому люди делают благо других прямым предметом своих бескорыстных стараний, неглижируя для него даже невинными личными удовлетворениями, — то они заслуживают признательности и уважения и являются предметами нравственного возвеличения. Правда, до тех пор, пока какая-либо внешняя сила не побудит людей к такому поведению, его не слишком часто можно встретить, но во всяком случае необходимое условие его есть самопроизвольность: так как понятие о благополучии всех, достигаемом путем самопожертвований каждого, является противоречием самому себе, если только самоотвержение действительно теряет значение жертвы. Подобная самопроизвольность несколько не исключает возможности симпатического поощрения, но это поощрение должно бы состоять в том, чтобы сделать самопожертвование приятным, а ничуть не в том, чтобы представлять все другое достойным наказания. Услуги человечеству следует стимулировать их естественными наградами, а не делать преследование нашего блага невозможным — путем упреков со стороны и от собственной совести. Настоящее назначение этих мер состоит в том, чтобы принудить каждого к образу деятельности, необходимому для обеспечения всех других лиц, — образу деятельности, который преимущественно состоит в том, чтобы не делать другим людям вреда и не препятствовать им, если бы они, не нарушая интереса остальных, захотели устроить свое собственное благо. К этому естественно должно добавить, что если мы взяли на себя сделать для других нечто большее, то мы обязаны сдержать свое обещание. Коль скоро человек, пользующийся удобствами общества, заставляет нас ожидать от него всех тех положительно полезных услуг и действий, какие, при данной степени нравственного совершенствования, сделались уже обыкновенными, — то подобный человек, если он без уважительной причины не оправдывает этих надежд, заслуживает нравственного порицания. Посредством этого начала область морального долга постоянно расширяется. Если то, что некогда было необыкновенной добродетелью, становится в разряд обыкновенного, то оно может быть внесено в число обязанностей; между тем все, выходящее из пределов обыкновенного, должно оставаться только похвальным.

Большую часть своих идей о нравственном воспитании Конт заимствовал из дисциплины римско-католической церкви. Если бы он и в настоящем случае следовал этому руководству, он не допустил бы подобной ошибки: потому что разграничение, на которое мы указали, вполне признавалось осмотрительными и дальновидными людьми, трудившимися над составлением католической этики. Католицизм даже упрекают в том, что он принимает два идеала нравственности и не

делает обязательным для каждого христианина высшее правило христианского совершенства. Один идеал, точно выполненный, достаточен для спасения; другой более высокий, осуществленный верующим, дает святость. Конт, вероятно бессознательно (так как сознательно он ни за что бы не мог сделать подобную вещь), вырвал в настоящем случае лист из книги презренного протестантизма. Наравне с крайними кальвинистами, он требует, чтобы все верующие были святými, и предаёт их (по-своему) проклятию, если они не оказываются такими.

Наше понятие о жизни совершенно иное. Мы не считаем жизнь столь богатой удовольствиями, чтоб нужно было упреждать пользование всеми теми из них, которые Конт относит к разряду эгоистических. Напротив, мы думаем, что достаточное удовлетворение наших склонностей, без излишества, но в той мере, какая делает удовольствие более полным, — почти всегда благотворно действует и на бескорыстные стремления. Облагороживание личных удовольствий состоит, по нашему мнению, не в ограничении их численности, а в развитии желания разделять их с другими, со всеми другими, и в пренебрежении всего того, чем мы не в состоянии поделиться. Одна только страсть или склонность совершенно не совместна с этим условием — любовь к владычеству или превосходству ради него самого: так как оно предполагает в своем основании соразмерное угнетение других людей. Из правил жизни, внушающихся путем нравственных освящений, мы думаем, должно быть проводимо только то, которое имеет целью удерживать людей от причинения вреда другим или от уклонения исполнять то хорошее, что они взяли на себя. Не заходя далее этого в своих требованиях, общество, при мало-мальски сносных обстоятельствах, может получить гораздо больше: так как естественная деятельность человеческой природы, освобожденная от вредных направлений, должна будет расширяться в направлениях полезных. Таково наше понятие о нравственном законе, предписываемом религией человечества. Но за пределами этого мерилы лежит неограниченная область нравственного достоинства, достигающего до самого возвышенного героизма; это нравственное достоинство, этот высший героизм должны быть поддерживаемы положительным поощрением, но отнюдь не могут быть обращаемы во что-либо обязательное. Мы вполне согласны с Контом, что непосредственное развитие альтруизма и подчинение ему эгоизма за пределы абсолютного нравственного долга должны быть одной из главных задач воспитания, как индивидуального, так и коллективного. Для этой цели мы признаем даже значение аскетической дисциплины, понимая ее в первоначальном смысле греческого слова. Мы думаем вместе с д-ром Джонсоном, что от того, кто никогда не отказывался от чего-либо, принадлежащего ему по праву, не всегда можно ожидать, чтоб он отказался от всего, на что он не имеет права. Мы не сомневаемся, что наступит время, когда дети и молодые люди снова будут систематически приучаемы к некоторому подавлению своей личности, когда, по примеру древности, управлять своими желаниями, побеждать опасности и переносить труд будет считаться необходимым упражнением воспитания. Много было потеряно, равно как и выиграно тем, что в наше время уже не дают более каждому гражданину воспитания, какое необходимо для солдата. Никакие труды нельзя считать слишком тягостными для того, чтобы образовать навык и развить

желание быть (независимо от награды и всяких личных соображений) полезным людям путем положительной добродетели, стоящей вне пределов предписанного долга. Не должно также щадить усилий связать в воспитаннике чувство уважения к самому себе и желание быть уважаемому другими с служением человечеству, если можно, в его целом, и уж во всяком случае в лице его отдельных членов. В сочинениях Конта есть относительно этого много замечаний и наставлений, которые мы вполне принимаем; потому что они так же хорошо идут к нашему взгляду на жизнь, как и к воззрению Конта. Так например: не принимая его положения, будто бы иметь «*calculs personnels*» противно нравственности, мы согласны с ним, что основные предписания гигиены должны внушаться не только как правила благоразумия, но и как предмет нашего долга по отношению к другим, потому что, расстраивая наше здоровье, мы делаем себя неспособными оказать нашим ближним те услуги, на которые они имеют право. По верному замечанию Конта, — побуждения, основанного на благоразумии, недостаточно для этой цели: сами медики часто не соблюдают того, что предписывают другим. Последствия пренебрежения здоровьем обыкновенно бывают отдаленны и более или менее неопределенны: поэтому необходимо установить добавочный и более непосредственный стимул нравственной ответственности. Таким образом принцип Конта кажется нам тут вполне основательным; хотя нет ни малейшего сомнения, что он на деле довел бы до крайнего преувеличения и совершенно устранил бы законную свободу индивида распоряжаться собой, индивида, имеющего в виду условия своей собственной телесной организации, насколько он понимает их и может предвидеть последствия своих мер.

В связи с этими соображениями находится другая идея Конта, которая заключает в себе много прелести и величия, и осуществление которой в пределах возможного повело бы за собой развитие социальных чувств в их самом существенном пункте. Эта идея состоит в том, что всякий живущий каким-либо полезным трудом должен быть приучен смотреть на себя не как на индивида, работающего для своей частной выгоды, но как на общественного деятеля; на свой заработок — в чем бы он ни заключался — не как на вознаграждение или плату за труд, но как на пособие, делаемое обществом для того, чтоб поставить его в состояние продолжать свой труд и заменить материалы и продукты, которые были потреблены во время производства. Конт замечает, что в новейшей промышленности на деле всякий работает гораздо больше для других, нежели для себя: так как его произведения должны быть потреблены другими; значит, в этом случае необходимо только, чтобы мысли и воображение человека применились к действительному положению дела. Практическая проблема, однако же, не совсем так проста, потому что твердое убеждение в том, что я работаю для других, может не привести ни к чему лучшему, как к сознанию того, что я необходим людям; а подобное сознание, вместо того, чтоб заставить человека пустить товар дешево, может только побудить его поднять цену. Собственно говоря, Конт хочет сказать, что труд для других мы должны рассматривать как благо в нем самом; что нам следует желать этого труда ради его самого, а не ради вознаграждения, которого по справедливости нельзя требовать — что бы мы там ни сделали; что истинное вознаграждение за услуги обществу нужно видеть в признательности общества, и что, наконец, нравственное

право какого-либо лица на вспомоществование для его личных потребностей должно представляться не вопросом *quid pro quo* по отношению к его деятельности, а вопросом о том, сколько при известных обстоятельствах общество в состоянии уделить ему, не пренебрегая справедливыми требованиями других. Мы вполне согласны с этим мнением. Грубый метод определения того, какая доля продукта принадлежит рабочему, посредством конкуренции на рынке, может представлять собой практическую необходимость, но никак не нравственный идеал. Метод этот имеет только то оправдание, что до сих пор цивилизация еще не в состоянии была организовать что-либо лучше этого первобытного средства к равномерному распределению богатства. Но во всяком случае, как бы ни неудовлетворителен ни был этот метод, в настоящее время предоставить делу установиться самому собой будет менее несправедливо, нежели пытаться установить его посредством каких-либо искусственных мер, к которым уже прибегали прежде. И как бы ни решился впоследствии этот вопрос, он никаким образом не коснется истинно нравственной и социальной идеи о труде. Пока рабочие и хозяева их будут вести дело промышленности в том же духе, как солдаты отправляют свою службу в армии, до тех пор промышленность никогда не допустит в себя нравственных начал; и одна военная жизнь останется тем, чем она — несмотря на антисоциальный характер ее непосредственного предмета — была до настоящего времени: главной школой морального содействия.

До сих пор мы рассуждали об общей идее Контовой этики и религии. Теперь нам следует сказать кое-что касательно частных. Мы приближаемся к смешной стороне предмета и, к несчастью, должны указать некоторые вещи, крайне смешные.

Религии без *культы* быть не может. Мы употребляем этот термин за недостатком другого: так как его ближайший синоним — «боготворение» предполагает иной порядок идей. Под культом мы разумеем систематический ряд *обрядов*, имеющих целью развитие и поддержание религиозного чувства. Вполне понимая преимущество дела пред словом во всем, что касается поддержания и усиления чувств, которые внушают известное стремление, — Конт в настоящем случае все-таки берет на себя труд организовать внешние формы до мельчайших подробностей. Как относительно частной набожности, так и касательно общественных церемоний он создает для своей религии нечто равносильное тому, что существует в других. Читатель изумится, когда узнает, что частная набожность состоит в молитве. Но молитва, как ее понимает Конт, не значит — просьба: она есть простое изливание чувства. С этой целью призывается христианская мистика. С молитвой следует обращаться не к «Grand Etre», не к коллективному человечеству — хотя иногда Конт доводит метафору до того, что называет свой «Grand Etre» богиней. Чествования коллективного человечества отнесены к общественным обрядам; частное же поклонение должно быть обращено к нему в лице его достойных индивидуальных представителей. То могут быть люди живые или умершие, но во всяком случае женщины: потому что женщины, как *sexe aimant*, воплощают в себе самый лучший атрибут человеческой природы, атрибут, который должен регулировать всю нашу жизнь; с другой стороны, само человечество

нет возможности символически представить иначе, как в виде женщины. Предметами частного поклонения служат мать, жена и дочь, в отдельности выражающие собой прошедшее, настоящее и будущее и вызывающие к деятельному проявлению три социальных чувства: почтение, привязанность и доброту. Мы должны видеть в этих существах — живых или умерших — наших ангелов хранителей, «les vrais anges gardiens». Если два последних женских типа иногда не существуют для нас или же если, в частном случае, какой-либо из этих трех типов оказывается неспособным к своему назначению, то их место может быть занято каким-нибудь другим видом женственности — хотя бы даже историческим. Жив ли или умер предмет боготворения, оно, сколько мы понимаем, должно относиться только к идее. Молитва состоит из двух частей: из воспоминания и сопровождающего его излияния чувств. Под воспоминанием Конт понимает усилие памяти и воображения вызвать с возможно большей ясностью образ предмета. Всякие искусственные средства могут быть употреблены с целью сделать образ столь живым, столь близким к действительности, столь подходящим к настоящей галлюцинации, сколько позволяет здоровое состояние рассудка. По достижении, насколько возможно, этой степени умственного направления, является излияние чувства. Каждый составляет для себя свой собственный образец молитвы, которую следует повторять не только в уме, но и устами, которую также можно дополнять или видоизменять — но в силу достаточного основания, а никак не произвольно. Молитва может быть перемешана отрывками из лучших поэтов, коль скоро эти отрывки представляются сами собой, как счастливое выражение для собственных чувств молящегося. Такого рода обряды Конт совершал в память своей Клотильды и предписывает соблюдение их всем истинным адептам его религии. Обряды должны занимать ежедневно два часа, разделенные на три части: при вставании, в середине рабочих часов и пред сном. Первая часть, совершаемая на коленях, будет обыкновенно самой продолжительной, а вторая самой краткой. Вечерняя же молитва должна быть доводима по возможности до того самого момента, когда сон сомкнет наши глаза, — так чтобы ее влияние могло отразиться на наших грезах.

Общественный культ состоит из ряда торжеств или праздников — числом восемьдесят четыре в году, расположенных таким образом, чтобы на каждую неделю приходилось, по крайней мере, по одному. Эти торжества должны быть в известном порядке посвящаемы прославлению человечества в нем самом, различных политических и семейных союзов между людьми, воспоминанию последовательных ступеней прошедшего развития нашей расы и, наконец, отдельных классов, на которые Контова организация государства дробит род человеческий. Сверх того, Контова религия имеет девять таинств. Они заключаются в торжественном освящении всех великих перемен в жизни человека. Освящение с приличным данному случаю увещанием совершается жрецами Человечества. Великие события для людей суть вступление в жизнь и последовательные переходы от одного состояния к другому — как например воспитание, женитьба, выбор профессии и т. д. Сюда относится также и смерть, которая носит имя превращения и на которую должно смотреть как на переход от объективного существования к субъективному, т. е. к жизни в памяти себе подобных.

Не имея возможности обещать нам вечность объективного существования, Контова религия дает нам все, что она в силах дать: поддерживая в нас надежду на бессмертие субъективное, т. е. на существование в воспоминании и в посмертном почитании со стороны человечества вообще, если мы чем-нибудь заслужили это, или хоть со стороны тех людей, которых мы любили при жизни. По смерти же этих людей мы найдем свое бессмертие в коллективном почитании, которое будут воздавать человечеству в совокупности, как единому «Grand Etre». Нужно приучить людей видеть в этом достаточное вознаграждение за то, что вся жизнь их была посвящена на служение человечеству. Сем лет спустя после смерти — совершается последнее таинство: жрецы произносят публичный суд о памяти умершего. Это имеет своею целью не осуждение, а почесть, и каждый, заявлением при жизни, может освободить себя от этого обряда. Если же над человеком произвели суд и он оказался достойным, то его торжественно причисляют к «Grand Etre», а останки его переносятся с гражданского места погребения на религиозное: «le bois sacré qui doit entourer chaque temple de l'Humanité!» (священная роща, которая должна окружать каждый храм Человечества!).

Этот краткий очерк не дает полного понятия о мелочности предписаний Конта и о той необычайной степени, до какой он довел манию к регламентации, манию, которой французы отличаются между европейцами, а Конт — между французами. Все это неизбежно бросает невыгодную тень на весь предмет. В сущности нет ничего смешного в тех благоговейных поклонениях, какие Конт советует соблюдать по отношению к памяти о дорогой личности или по отношению к прекрасному идеалу, коль скоро эти поклонения сами собой вытекают из глубины индивидуального чувства; но в высшей степени комично предписывать, чтобы каждый наблюдал их три раза в день, уделяя для этого два часа времени, не потому, чтобы этого требовали чувства человека, а единственно в силу преднамеренного желанья возбудить их. Со смешным же, в какой бы то ни было его форме, Конт, кажется, совсем был незнаком. В его сочинениях ничего нет такого, из чего бы можно было заключить, что он знал о существовании таких вещей, как остроумие и юмор. Единственный писатель замечательный в том и другом отношении — писатель, к которому он питал некоторое удивление, это Мольер, но и ему он удивлялся не за его остроумие, а за ум. Мы указываем на это ничуть не в осуждение Конта, потому что глубокое убеждение ставит человека вне возможности чувствовать смешное. Но в сочинениях Конта есть места, которые, кажется, не могли бы быть написаны человеком, который бы хоть раз в жизни смеялся. Мы представим одно из таких мест. Кроме обычных молитв, Контова религия, наравне с католической, нуждается в образцах, которые бы можно было приложить к случайным и непредвиденным обстоятельствам. Эти образцы, говорит Конт, вообще должно предоставить собственному выбору верующего; но он дает понять, что на его взгляд было бы весьма кстати повторять в таких случаях «основную формулу позитивизма»: «l'amour pour principe, l'ordre pour base et le progrès pour but» («Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель»). Не довольствуясь созданием для своей религии молитв, равносильных католическим «Pater» и «Ave», Конт счел необходимым изобрести также нечто соответствующее крестному знамени и выражается на этот

счет следующим образом:²² «Это расширение может быть усовершенствовано посредством универсальных знаков... Чтобы лучше развить необходимую способность позитивистской формулы всегда представлять человеческое состояние, обычно следует произносить её, последовательно касаясь основных органов, которые церебральная теория приписывает её трём элементам». Быть может это и действительно самый лучший и удобный способ для выражения нашего благоговения пред «Grand Etre»; но, если бы кому-либо случилось определить, какое действие может произвести подобная вещь на читателя, не посвященного в эти тайны, тот, вероятно, счел бы благоразумным держать это про себя до поры до времени, пока не наступит период значительно большего распространения положительной религии.

Как в религии Конта есть культ, так в ней есть и духовенство, составляющее основу всей его социальной и политической системы. Характер и назначение этого духовенства лучше всего можно видеть из описания Контова идеала политического общества в его нормальном состоянии, с различными классами, из которых оно складывается.

Необходимость духовной власти, отличной и независимой от светского правительства, есть существенное начало политической схемы Конта; так как духовная власть представляет собой единственное средство, какое он предлагает или допускает для уравнивания неограниченного господства гражданских правителей. Ничто не может превзойти ненависти и презрения, какое Конт питал к управлению совещательных собраний и к парламентским или представительным учреждениям — в какой бы то ни было форме. Все это, по его мнению, средства, годные только при переходном состоянии и то разве в одной Англии. На попытку привить их ко Франции или к какой-либо другой континентальной нации он смотрит как на вещь положительно вредную. Таким образом он оправдывает узурпацию Людовика Наполеона, считает ее даже похвальной: так как она ниспровергла представительное правление. В избрании начальников подчиненными, если им пользуются не как революционной мерой, Конт видит нечто отвратительное. Общественные деятели всех родов должны сами назначать себе преемников, имея в виду согласие своих собственных начальников и наперед заявляя о назначении во всеобщее сведение с тем, чтоб можно было выслушать суждение со стороны и вовремя уничтожить ошибочный выбор. Но рядом со светскими правителями Конт ставит другую власть с правом не повелевать, а только советовать и увещевать. Так как семья, на его взгляд, как и вообще на взгляд французов, представляет собой основу и существенный тип всякого общества, то разделение власти должно начинаться уже здесь. Духовная или моральная и религиозная власть в семье представляется женщиной. Позитивное семейство складывается из «основной четы», ее детей и родителей мужа, если они живы. Все управление домом принадлежит мужу, за исключением воспитания детей; хотя и в последнем ему предоставляется полная власть, но он должен, по возможности, менее пользоваться ею. Роль женщины состоит в том, чтобы действовать на мужчину

---

²² «Système de Politique Positive», IV, 100.

облагораживающим образом, употребляя для этого его душевные страсти, и воспитывать детей, которые до четырнадцати лет, когда начинается собственно-научное образование, находятся на полном попечении матери. Чтоб женщина могла удобнее исполнять эти обязанности, она решительно устранена от всяких других. Ей нет надобности трудиться для своего пропитания: она пользуется содержанием от своего мужа или от родственников мужского пола; если же их нет — от государства. Она не должна иметь никакой управляющей власти даже в домашнем быту, ни собственности. Ее законные права на наследство остаются за ней единственно для того, чтоб ее чувству долга мог представиться случай удовлетворить себя добровольной уступкой их. Приданого не должно быть, чтоб руки женщины нельзя было искать по корыстным побуждениям. Брак безусловно нерасторжим, за исключением единственной причины. Замечательно, что жесточайший враг развода между всеми философами допускает его в том случае, когда законы Англии и других стран, к которым он обращает упрек за дозволение развода, не разрешают его: именно в том случае, когда одна из сторон приговорена к позорному наказанию, сопряженному с лишением гражданских прав. Чудовищным кажется, что при осуждении к каторжному наказанию даже на всю жизнь несчастная жертва должна оставаться в союзе с преступником и находиться под его властью. В этом частном случае Конт был особенно чувствителен к несправедливости: потому что такое положение угрожало его Клотильде. Меньшие степени позора могут дать повод невинной стороне законно разойтись с другою, но без права вступать в новый брак. Вторичный брак не дозволяется положительной религией. В законах препятствия к этому не должно быть, но нравственность осуждает подобные браки. Каждая чета, обвенчанная религиозно и граждански, должна бы давать обет постоянного вдовства, «le veuvage éternel». Такая абсолютная моногамия, по мнению Конта, необходима для полного слияния двух существ, составляющего сущность брака. Сверх того, вечное постоянство требуется тем условием, что, по смерти одного из супругов, переживший должен непрерывно воздавать почитание тому, который, хотя «объективно» и умер, но живет еще «субъективно». Духовная власть в семействе, составляющая достояние женщин, сосредоточивается главным образом в лице наиболее почтенной из них, — матери мужа, если она жива. Влияние ее поддерживается старостью, представителем которой является отец мужа, причем он предполагается достигшим периода удаления от жизни деятельной, определяемого Контом (потому что он все определяет) в шестьдесят три года. В этом возрасте глава семейства сдает власть своему сыну, удерживая за собой только совещательный голос.

Семейная духовная власть, имея главным образом нравственный характер и ограничиваясь областью частной жизни, требует поддержки и руководства со стороны интеллектуальной власти, сфера которой, простираясь также и на жизнь общественную, естественно будет обширнее. Эта власть находится в руках клира или духовенства. Конт очень любит брать освященные термины католицизма для обозначения того, что в его системе представляется равносильным некоторым учреждениям католической церкви. Духовенство есть класс теоретиков или философов, получающий содержание от государства, пополняемый периодически

посредством выборов, но управляющийся сам собой. Духовные, наравне с женщинами, должны быть лишены права иметь богатства и участвовать в управлении (за исключением абсолютной власти каждого над своим собственным домом). Они не могут ни наследовать, ни получать доходов от какой-либо из своих должностей или от своих сочинений и уроков — какого бы рода они ни были, и должны жить единственно своим незначительным жалованьем. Конт считает это необходимым условием полной бескорыстности их советов. Чтобы пользоваться доверием масс, духовенство должно быть так же бедно, как самые массы. Устранение его от политических и всяких других практических занятий необходимо по той же самой причине, но есть и другие соображения столь же решительные. Эти занятия, доказывает Конт, несовместны с умственными приемами, неизбежными у философа. Практическое положение, частное или общественное, приковывает ум к частностям и подробностям; тогда как философ имеет дело с общими истинами и связными взглядами (*vues d'ensemble*). А это требует навыка к отвлечениям от подробностей, что делает ум неспособным хорошо и быстро судить об отдельных случаях. Одно и то же лицо не может быть и хорошим теоретиком и хорошим практиком или правителем, хотя практики и правители должны иметь прочное теоретическое воспитание. Эти два рода занятий должны непременно исключать друг друга и браться за тот и другой было бы несовместно со способностью к обоим. Но так как люди могут ошибаться в своем призвании, то до тридцати пяти лет им позволяется переменять свою карьеру.

На духовенстве лежит теоретическое или научное образование юношества. Медицина так же должна находиться в его руках: потому что тот не способен быть врачом, кто не изучал и не понимает целого человека, как с нравственной, так и с физической стороны. Конт имел невыгодное мнение о врачах нашего времени, которые, говорит он, не заслуживают лучшего названия, как коновалы, потому что они обращают в людях внимание только на их животную, а не человеческую природу. В последние годы (как мы узнаем из книги д-ра Робине) Конт вдавался в самые дикие рассуждения о медицине, считая все болезни за одно и то же — за возмущение или расстройство «*de l'unité cérébrale*». Другие обязанности духовенства имеют характер более моральный, нежели интеллектуальный. Его члены являются духовными руководителями и почетными советниками деловых практических сословий, включая сюда и класс политических людей. Они представляются посредниками во всех социальных раздорах, например, между рабочими и хозяевами. Они должны советом и убеждением предотвращать всякое важное нарушение нравственного закона. В особенности же на них лежит обязанность побуждать богатых и сильных мира сего к исполнению своего нравственного долга по отношению к их подчиненным. Если частного увещания недостаточно, может быть сделан публичный выговор; в крайних случаях допускается прибегать к отлучению. Последнее, хотя и действует только на мнения, может, однако же, увлекши за собой общее мнение, приобрести такую силу и значение, что страшнейший богач принужден будет собственным трудом добывать себе кусок хлеба за невозможностью заставить кого бы то ни было работать для него. В этом, как и во всех других случаях, власть и авторитет духовенства зависят от поддержки масс народа, т. е. тех, которые, не имея запасов, живут задельной платой за

дневной труд, тех, кого обыкновенно, но неправильно, называют рабочими классами, а французские писатели, пользуясь терминологией римского права, — пролетариями. Таким образом люди, которым не дано ни малейших политических прав, относятся к составу духовной власти, где они образуют, после женщин и духовенства, третий элемент.

Остается упомянуть о светской власти, состоящей из богачей и хозяев (предпринимателей работ) — двух классах, из которых система Конта делает только один, так как праздных богачей у него не допускается. Жизнь единственно для удовольствия и для угождения своим прихотям, хотя и не запрещается законом, должна, однако же, считаться столь бесчестной, что никто из имеющих малейшее чувство стыда не решится вести ее. Нам кажется, что Конт указал здесь на тот верный принцип, к которому общественное мнение новейшей Европы стремится все более и более и которому суждено быть одним из составных начал возрожденного общества. Вместе с ним мы полагаем, например, что в будущем невозможно существование класса поземельных лордов, живущих спокойно и в довольстве своей рентой, но что каждый землевладелец сделается капиталистом, занимающимся земледелием, лично заведующим и управляющим обработкой своего участка. Только тот, кто управляет работой, должен иметь надзор и за орудиями. По общему правилу Контовой системы богачи составляют класс «начальников или предводителей промышленности», но это правило не лишено исключений, потому что Конт допускает и другие полезные способы употребления богатства. Так, в частности, одной из любимых его мыслей было — организовать рыцарский орден, который бы состоял из самых великодушных и полных самоотвержения богачей, добровольно посвятивших себя, подобно странствующим рыцарям старого времени, заступничеству за оскорбляемых и покровительству слабым и угнетенным. Конт замечает, что в новейшее время притеснение редко может, да едва ли и осмелится коснуться жизни и свободы своей жертвы (он забывает о семейной тирании), а простирается только на денежные средства людей; следовательно, здесь полезное заступничество может проявляться главным образом помощью кошелька, подобно тому, как в прежнее время оно оказывалось помощью меча. Но главное занятие богачей должно состоять в управлении трудом и для этого дела должны они быть воспитаны. И наоборот, по мнению Конта, существенно необходимо, чтобы все заведующие трудом были богаты. Капиталы (он включает сюда и землю) должны быть сосредоточены в руках немногих владельцев, так чтобы капиталист в состоянии был расширить свои операции до той степени, до какой только один человек в силах сам наблюдать за ними. Этого не только требует здравая экономия, старающаяся извлечь возможно большую пользу из такой редкой вещи, как практическая способность и такт, — но оно необходимо вытекает из принципа Контова плана, в силу которого капиталист является общественным деятелем. Воззрение Конта на отношение капитала к обществу, в сущности, одно и то же с воззрением социалистов; но он хочет сделать посредством воспитания и общественного мнения то, чего другие думают достигнуть путем положительного учреждения. Владелец капитала никоим образом не должен считать себя неограниченным собственником. Правда, в употреблении капитала он не может подлежать легальному контролю, так как

власть должна быть соразмерна ответственности; но капитал принадлежит ему не для него лично: капиталисту доверяется только часть сбережений, сделанных предусмотрительностью людей, живших до нас, и доверяется с тем, чтобы он распорядился ею с пользой для настоящего поколения и для потомства, сохранил полученную часть сбережений и передал ее преемникам в более или менее увеличенном объеме. Собственник не имеет права расточать свое имущество и вместо того, чтобы обращать его на выгоды человечества, употреблять на свои собственные удовольствия. Он не имеет даже права издержать на себя всю свою прибыль. Совесть обязывает его, если прибыль превышает разумные его нужды, потребить излишек или на усовершенствование своих операций, или на улучшение физического и умственного состояния своих рабочих. Доля барышей, которую он может обратить в свою собственную пользу, должна быть определяема им самим под условием ответственности перед общественным мнением. Мнение же это не должно смотреть на дело слишком узко и требовать от владельца строгого отчета в каждом умеренном проявлении роскоши и тщеславия, так как, при подобных условиях, положение антрепренера для всякого, в ком инстинкты гордости и тщеславия не особенно сильны, будет представляться гораздо менее приятным, нежели «heureuse insouciance» простого рабочего; так что необходимо в некоторой степени делать послабления в пользу этих инстинктов, иначе никто не захотел бы взять на себя роль собственника. В этих пределах — каждый, антрепренер является простым администратором своей собственности для блага рабочих и общества вообще. Если же он живет расточительно, не обеспечивая полного вознаграждения всем, находящимся у него на работе, то становится нравственно виновным и получает увещание со стороны духовной власти. Такое положение вещей необходимо предполагает, что капитал должен быть сосредоточен в немногих руках, потому что без значительного богатства было бы невозможно выполнить обязательства, какие возлагает общество, не прибегая к таким подвигам самоотвержения, которых напрасно было бы ожидать. Если человек, очевидно способный вести какое-либо промышленное предприятие, не имеет необходимых для того средств, то Конт советует составлять подписку в его пользу, а в случаях достаточной важности само государство должно обеспечить его. На незначительных поземельных собственников и капиталистов вместе со средними классами Конт смотрит как на паразитное растение, которому суждено исчезнуть, — причем лучшая часть их сделается крупными капиталистами, а остальные обратятся в пролетариев. Общество будет, таким образом, состоять только из богачей и бедных — и дело богача будет устроить возможно лучше участь бедного. Вознаграждение за труд останется, как в наше время, предметом добровольной, любовной сделки между рабочими и хозяевами; с той и другой стороны последним средством влияния служит отказ в содействии, «refus de concours», другими словами, стачка или остановка работы. Для посредничества в таких обстоятельствах, в случае нужды, является духовенство. Но, хотя плата за работу остается предметом свободного соглашения, во всяком случае ее размер будет устанавливаться не конкуренцией на рынке, а надлежащим распределением продукта сообразно потребностям рабочих с одной стороны и потребностям и достоинствам антрепренера с другой. Один из принципов Конта

состоял в том, что нельзя с пользой предложить вопроса без попытки решить его, и вот почему он в самом начале сообщает мысли о том, в чем должен состоять нормальный доход рабочей семьи. Он принимает такое мерило, что до тех пор, пока не расширятся умственные ресурсы человечества, необходимо пришлось бы стремиться к ограничению, насколько возможно, числа людей, которые бы жили прибылью от производства. Прежде всего, жилище рабочего, которое должно состоять из семи комнат, со всем, что находится в нем, составляет его собственность: это есть единственная поземельная собственность, на которую Конт дает рабочему право владения. Каждая семья должна быть неограниченным хозяином всего, что назначается для ее исключительного пользования. Обеспеченный относительно помещения, получая безвозмездно воспитание и медицинское пособие в особых учреждениях общества, рабочий должен пользоваться платой, состоящей из двух частей. Одна выдается помесечно и в определенном количестве, другая же — понедельно и пропорционально произведениям его труда. Первую Конт определяет в 100 фр. за месяц в 28 дней; размер же недельной работы должен быть таков, чтобы вторая часть жалованья давала средним числом 7 фр. за рабочий день.

Согласно правилу Конта, что каждый общественный деятель должен сам назначать себе преемника, капиталист имеет неограниченное право передачи своего капитала посредством дарения или завещания после своей смерти или по удалении с делового поприща. Вообще было бы гораздо лучше, если б капитал в целостности поступал к одному лицу, кроме разве случаев, когда дело может выиграть от его раздробления. Владелец может оставить свой капитал одному или нескольким из своих сыновей, если они достаточно способны управлять им. Но какого-либо нравственного права на наследство на том только основании, что они сыновья, они не имеют. Здесь Конт снова указывает на один из принципов, которые, мы думаем, будут приняты в основу организации возрожденного общества. Он утверждает (это делают и другие мыслители настоящего поколения), что отец ничего не обязан давать сыну, исключая хорошего воспитания и денежной помощи, достаточной, чтобы в выгодных условиях начать жизнь. Отец семейства имеет право и даже нравственно обязан оставить большую часть имущества всякому другому лицу или лицам, которых он считает способными сделать из капитала более выгодное употребление. Это представляет собою первый из трех важных пунктов, в которых Контова теория семейства, ложная, по нашему мнению, в основаниях, стоит выше господствующих воззрений и существующих учреждений. Второй пункт заключается в восстановлении усыновления не только за неимением детей, но и для выполнения известных планов, и для удовлетворения симпатических потребностей, если б собственные дети оказались к тому неспособными. Третий и самый важный пункт представляет включение прислуги в число действительных членов семьи. Едва ли что-либо в настоящей организации общества может быть хуже и морально оскорбительнее для обеих заинтересованных сторон, как отношения, которые существуют между слугой и господином. Сделать эти отношения действительно человеческими и нравственными есть одно из главных desiderata социального обновления. В феодальные века молодые люди высшей знати считали для себя за честь отправлять то, что теперь называют лакейской должностью, около своих

начальников обоего пола, внушавших им уважение. Есть множество людей, которые, замечает Конт, никаким иным путем не могут служить Человечеству так полезно, как заботой о телесных потребностях тех семейств, которые призваны к занятиям, требующим посвящения всех их мыслей. В виде дополнения к Контовой теории, мы прибавим, что множество ежедневных физических работ по домашнему хозяйству даже в достаточных семействах, если б тому не мешали глупые понятия об унижении, свойственные всем классам, — могли бы с большей пользой исполняться самой семьей, по крайней мере в лице младших ее членов. Это доставило бы им здоровое упражнение телесных сил, которого в наше время ищут в занятиях далеко менее полезных. С другой стороны, это ознакомило бы молодых людей с действительным трудом и развило в них нравственную готовность принять в нем участие; а на возбуждение этой готовности в высших сословиях, в большинстве случаев, вовсе не обращают внимания.

Нам следует еще сказать о чисто-политических назначениях и обязанностях богачей или, как их называет Конт, патрициев. Все политическое управление должно находиться в их руках. Прежде всего, однако ж, существующие государства необходимо раздробить на большие республики, из которых самые крупные не превышали бы объемом Бельгии, Португалии или Тосканы: так как более обширное деление не совместимо с единством потребностей и чувств, какое нужно не только для того, чтоб сообщить должную силу патриотизму (он предполагается всегда сильнее в маленьких государствах), но и для того, чтобы предупредить злоупотребления власти: — территория, думает Конт, не может быть правомерно управляема из какого-нибудь отдаленного центра. Алжирия, таким образом, была бы отдана арабам, Корсика — ее обитателям; собственно же Франция до наступления конца нынешнего столетия должна быть разделена на семнадцать республик по числу значительных городов. Париж (нужно было говорить?!) наследует Риму, как религиозная метрополия мира. Ирландия, Шотландия и Валлис должны быть отделены от Англии, которая естественно принуждена будет расстаться со всеми своими внешними владениями. В каждом государстве, устроенном таким образом, правительственная власть должна быть сосредоточена в руках триумvirата из главных банкиров, из которых один будет заведовать иностранными делами, другой — внутренними, а третий — финансами. Как они могут заниматься управлением и оставаться банкирами, — этого не поясняется; но следует предположить, что они будут совмещать обе должности, так как за политическую им не назначается денежного вознаграждения. Их власть равняется диктаторству (собственное выражение автора). Едва ли Конт имеет право сказать, что он дает политическую власть богачам: потому что эту власть над богачами и над всеми прочими он отдает трем лицам, даже не выбранным остальными, а назначенным их предшественниками. В видах контроля над диктаторами должна существовать полная свобода для слова, письма, печати и добровольных ассоциаций. Все важные правительственные акты, за исключением непредвиденных случаев, будут обнародоваться сколь возможно заблаговременно, дабы можно было подвергнуть их всестороннему рассмотрению. Это и влияние духовной власти — вот все гарантии против дурного правления. Если мы сообразим, что полное господство над каждым из народов отдается, таким образом, в руки четырех человек (духовная власть будет

находиться под неограниченным и нераздельным контролем единого первосвященника для всего человечества), то ужаснемся картины всеобщего порабощения, которое нам хотят выдать за последний и высший результат развития человечества. Но мы содрогнемся, когда узнаем о способе, каким единый первосвященник человечества будет пользоваться своей властью. Мы получаем тут самый поразительный пример того, к каким страшным результатам может прийти мощный и обширный ум, исключительно преследуя одну мысль.

Эта мысль Конта — та, что ум должен быть всецело подчинен чувствам, или, переводя ее с языка этики на язык логики, что упражнение ума, как и всех прочих наших способностей, должно иметь единственной целью общее благо. Всякое другое употребление ума следует считать не только бесполезным и напрасным, но даже нравственно преступным. Вполне обязанные человечеству тем развитием, которое снабдило нас умственными силами, какие мы имеем теперь, мы должны всецело посвятить эти силы на служение ему. Задавшись мыслью, что так должно быть, Конту оставался только один шаг до заключения, что великий первосвященник человечества обязан заботиться, чтоб это было так: и на этом фундаменте Конт строит выработанную систему полного подавления всякой независимой мысли. Правда, он не взывает к строгости закона и не прибегает к запрещениям. Духовенство не имеет монополии. Всякий другой может разрабатывать науку, если он в состоянии это делать; может писать и издавать свои сочинения, если найдет читателей; может давать частные уроки, если кто-либо согласится брать их. Но так как духовное сословие будет поглощать в себе всех наставников, за исключением тех, которых оно признает умственно или нравственно неспособными к этому призванию, то соперники его в деле образования наперед уже будут, как рассчитывает Конт, лишены доверия, так что их конкуренция не представится опасной. Внутри же самого сословия первосвященник имеет полную возможность обеспечить себя насчет того, чтобы там не было мнений и занятий для ума кроме тех, какие он одобрит; потому что он один назначает должность и местопребывание всем членам духовенства и может даже каждого исключить из этого сословия. Прежде нежели мы согласимся принять это правило, мы чувствуем естественное любопытство знать, каким образом оно будет осуществляться. Человечество имело покуда только одного первосвященника, которого едва ли можно превзойти в умственной способности и подготовке к этой роли, — мы разумеем самого Конта. Интересно знать, каковы мысли этого первосвященника относительно нравственного и религиозного руководства умом человеческим.

Одна из доктрин Конта, которую он особенно тщательно проводит в своих позднейших сочинениях, состоит в том, что в течение предшествовавшего развития человечества, развития, закончившегося основанием положительной философии, свободное накопление наших сил всякого рода имело важное значение, но с этого времени главная потребность стала заключаться в регулировании этих сил. До сих пор, опасность заключалась в том, что их не достанет, в будущем нужно бояться, чтоб ими не злоупотребляли. Мы должны высказать полное несогласие с этим воззрением. Люди, которые полагают, что дурное воспитание, получаемое в наше время, возбуждает

умственные силы человека в достаточной степени, могут легко удовлетвориться: злоупотребление этими силами, вместо того, чтоб увеличиваться соразмерно с тем, как возрастают знание и мыслительная способность, быстро уменьшается, если только распространенность этого знания и этой способности находится в соответствии со степенью их внутреннего прогресса. Злоупотребления умственными силами можно опасаться тогда, когда общество резко делится на незначительную группу высоко образованных людей и на невежественную, бессмысленную массу. Но в развитии мыслительной силы Конт не видит нужды, или, пожалуй, видит нужду, но бесконечно меньшую, нежели в покорности и послушании. Он беспрестанно указывает, что, из всех составных атрибутов человеческой природы, ум требует больше всего управления и обуздания. Это самый буйный, «le plus perturbateur», из духовных элементов нашей природы, — более даже, нежели эгоистические инстинкты. В течение всего переходного периода, начавшегося со времен древней Греции (Конт говорит, что с тех пор мы постоянно находились в революционно-переходном состоянии) ум был в положении систематического восстания против «le coeur». Метафизики и литераторы (lettrés) содействовали ниспровержению старой религии и старого социального порядка, но вполне враждебно относятся к созданию чего-либо нового; они желают только продлить время существующего скептицизма и умственной анархии, которые доставляют им дешевое средство к социальному влиянию, избавляя их от труда приобретать его посредством прочной научной подготовки. Ученый класс, от которого можно было бы ожидать самых лучших проявлений, оказывается, если возможно, еще хуже. Чуждые обширных взглядов, пренебрегающие всем, что слишком широко для их понимания, посвятившиеся каждый исключительно своей специальности, презрительно равнодушные к нравственным и политическим интересам, — ученые имеют единственную цель: приобрести поскорей репутацию, а во Франции (путем состоящих на жаловании академий и профессорских кафедр) даже и личную выгоду, сводя свою науку на праздные и бесполезные исследования, не имеющие значения для действительных интересов человечества и стремящиеся отвлечь мысль от этих интересов. Одна из самых важных обязанностей общественного мнения и духовной власти состоит в том, чтобы клеймить как безнравственное и деятельно устранять такое бесполезное употребление умственных способностей. Надо удерживать всякое упражнение мысли, не имеющее какой-либо благодетельной цели и не приносящее какой-либо пользы человечеству. Конт, естественно, не такой человек, чтобы сказать, что польза эта должна быть материальная польза. Если умозрение, не имея доктринального значения, имеет значение логическое, т. е. если оно проливает какой-либо свет на общий метод, то оно заслуживает разработки еще больше, нежели в том случае, когда выгода от него является исключительно практической. Но со стороны ли метода или со стороны доктрины, оно должно приносить пользу человечеству, иначе оно будет не только достойно презрения, но и преступно.

Что в основании всего этого есть доля правды, этого мы не можем отрицать. Нельзя относиться с уважением к такому употреблению умственных способностей, которое не ведет ко благу человечества. Оно стоит наравне с праздной забавой и должно быть осуждаемо, как бесполезная трата времени, коль скоро вышло из пределов,

дозволенных для забавы. И всякий, кто умственные силы свои, которые бы могли быть обращены на действительно необходимые услуги человечеству, посвящает на умозрения и исследования, без которых можно было бы обойтись, достоин порицания, как человек, мало заботящийся о человечестве. Но кто в состоянии положительно сказать, чтобы умозрение, руководимое правильными научными методами и касающееся предметов действительно доступных человеческим способностям, могло не быть полезным? Никому неизвестно, какое знание окажется полезным и какому суждено остаться бесплодным. Самое большее и почти все, что можно сказать в этом случае, есть то, что некоторые роды знания представляются делом более верной или более близкой полезности, нежели другие. Как часто в высшей степени важные практические результаты оказывались отдельным следствием научных занятий, от которых едва ли можно было бы ожидать, чтоб они привели к этому! Могли ли математики, занимавшиеся в школах Александрии исследованием свойств эллипса, предвидеть, что почти две тысячи лет спустя их умозрения объяснят солнечную систему и затем дадут кораблям возможность безопасно плавать вокруг света? По мнению самого же Конта человечество извлекло пользу даже из того, что древние считали достойным искать знания ради самого знания. «Основание позитивизма», мы полагаем, далеко не изменило условий человеческого существования настолько, чтоб в настоящее время могло быть преступным приобретать путем наблюдения и умозаключений знание явлений вселенной, предоставляя потомству найти применение этого знания. Не дальше, как в течение последних 2–3 лет открытие, которое может оказаться весьма важным для практических искусств, было достигнуто путем одного из исследований, которые Конт весьма недвусмысленно осуждает, как бесполезные, именно: путем исследования внутреннего строения солнца. Сверх того, как мало открытий, изменивших вид мира, было и могло быть сделано посредством исследований, которые бы имели их прямой своей целью! Мог ли компас быть изобретен усилиями, направленными к усовершенствованию мореплавания? Могли ли бы мы всеми нашими стараниями устроить электрический телеграф, если б Франклин не показал тождества электричества с молнией, а Ампер — с магнетизмом. Самый, по-видимому, незначительный археологический или геологический факт часто проливает свет на историю человечества, к которой Конт меньше всех станет относиться с пренебрежением, так как она составляет основание для социальной философии. Направление входа в трех больших пирамидах Гизы, указывая положение полярных звезд в то время, когда эти пирамиды были строены, служит лучшим доказательством, какое мы имеем относительно древности египетской цивилизации.²³ Единственный пункт, касательно которого Контова теория имеет некоторый вид основательности, представляет собой звездная астрономия, так как знание ее весьма мало доступно для нас, а связь ее с какими-либо земными интересами является бесконечно малой. Трудно, конечно, себе вообразить, каким образом можно извлечь сколько-нибудь существенную пользу из знания движения двойных звезд. Если оно и станет когда-либо важным для нас, то это последует в страшно отдаленном будущем, так что мы можем позволить себе не знать их до тех пор, по крайней мере, пока не уладятся наши

---

²³ См. «Очерки астрономии» Джона Гершеля. § 319.

моральные, политические и социальные затруднения. Однако открытие, что тяготение распространяется и на эти отдаленные области мира, усиливает убеждение во всеобщности законов природы. Созерцание же таких громадных предметов и расстояний не лишено некоторой эстетической полезности: оно оживляет и возвышает воображение, а достоинство этой способности и ее воздействия на ум Конт вполне способен оценить. Но он возразил бы, что для этой цели есть лучшие средства. Он в том же духе осуждает изучение даже солнечной системы, если оно простирается на какие-либо планеты, кроме тех, которые видимы невооруженному глазу и одни только обнаруживают в деле тяготения на нашу землю влияние, доступное определению. Даже исследование возмущений в их движениях он считает напрасным, коль скоро оно идет далее общего понятия о них; он думает, что астрономия с пользой могла бы ограничить свою сферу движениями и взаимным действием друг на друга земли, солнца и луны. Подобным же образом Конт имеет в виду очистить и все другие науки. В одном месте он прямо говорит, что большая часть действительно доступных для нас исследований напрасна и бесполезна. Он хотел бы сузить, насколько возможно больше, пределы всех наук. Он постоянно повторяет, что всякая наука, как исследование абстрактное, не должна идти далее, чем сколько нужно для того, чтобы положить основание следующей за нею науке, а в окончательном результате социальной науке — главной цели всех их. Всякое дальнейшее расширение математических и естественных наук должно иметь значение чисто «эпизодическое», ограничиваться только тем, чего от времени до времени могут потребовать искусства и промышленность, и быть предоставлено промышленным классам, за исключением тех случаев, когда они найдут необходимым обратиться к духовному сословию за каким-либо добавочным развитием научной теории. Это, как полагает Конт, будет встречаться редко, так как большая часть физических истин, достаточно конкретных и реальных для практики, получается эмпирическим путем. Определяя, сообразно этому, число духовенства для Франции, Европы и для всей нашей планеты (так далеко простирается предусмотрительность Конта), он применяется единственно только к нравственным и религиозным занятиям духовенства (упустив из виду его медицинскую деятельность). Разработку же науки он предоставляет неудачным кандидатам на священническую должность, кандидатам, которым отказано было в приеме по недостаточности нравственного величия и твердости характера, но которые могут быть признаны достойными оставаться в числе «pensioners» духовного звания во внимание к их теоретическим способностям.

Мы не преувеличим дела, если скажем, что Конт таким образом постепенно приобрел ненависть к научным и всяким чисто умственным трудам и допускал их только в пределах строгой необходимости. Величайшей из его забот была та, чтоб люди не рассуждали и не старались знать больше того, что достаточно. Во всяком отвлечении и всяком рассуждении он видит нечто нравственно опасное: так как это развивает непомерную гордость (*orgueil*) и еще большую сухость (*sécheresse*). Отвлеченное мышление, говорит он, есть занятие здоровое только для незначительного числа людей, и то лишь тогда, когда на него идет мало времени. Искусство, — так как оно рядом с деятельностью рассудка вызывает и движения сердца и последние даже больше, нежели первую, — представляет собой единственное умственное занятие,

действительно соответствующее человеческой природе. Тем не менее необходимо, чтобы изучение главных теорий различных абстрактных наук и вместе с тем изучение способов, какими исторически и логически доходили до этих теорий, входило в круг всеобщего воспитания. Это необходимо, во-первых, потому, что только таким образом можно познать методы, какими достигаются результаты, которых ищут моральные и социальные науки (хотя мы впрочем не можем сказать, чтобы сам Конт шел подобными путями к своим моральным и социальным выводам); а во-вторых, главные истины соподчиненных наук необходимы для систематизации (опять систематизация!) наших концепций: соединяя наши понятия о мире в ряд положений, образующих нечто связанное, они дают представление о факте достаточно верное для наших практических нужд. Наконец, близкое знакомство с неизменными законами естественных явлений есть великий элементарный урок покорности, которая (как постоянно повторяет Конт) составляет первое условие как нравственности, так и счастья. В силу этих соображений, следовало бы каждого юношу — бедного и богатого, девицу и мальчика — в период от 14 до 21 года знакомить с целым рядом абстрактных наук в объеме, который в наше время доступен лишь передовым ученым, и в форме гораздо более систематической и философской, нежели та, какая принимается последними. [NB. — В течение тех же лет молодые люди должны изучить еще греческий и латинский языки, предварительно уже (между 7 и 14 годами) познакомившись с главными новейшими языками настолько, чтобы с толком читать важнейшие поэтические сочинения на каждом из них]. Дух пытливости и сомнения следует при этом не только не поощрять, но подавлять, насколько возможно. Поощрять должно только склонность принимать все на авторитет наставника. Положительная вера, даже с ее научной стороны, есть *la foi démontrable* (доказуемая вера), но никоим образом не обязана быть *la foi toujours démontrée* (вера, которая всегда доказана). Ученикам нет надобности быть слишком заботливыми относительно доказательств. Наставник не должен даже представлять воспитанникам доказательства в их полной форме. Задача образования состоит в том, чтобы дать молодым людям возможность усвоить самые воззрения, уловить их взаимную связь и, при таком посредстве, составить прочное и систематизированное понятие о природе. Что же касается доводов, то надо желать, чтоб об них забывали даже теоретики, удерживая в памяти только результаты. Из всех заблуждений ученых, Конт считает самым существенным педантическую заботливость, какую они обнаруживают относительно полноты доказательств и совершенной рациональности научных процессов. Достаточно, чтобы теория давала объяснение явлений, согласное с данным случаем и с установившимися уже фактами, чтобы процессы были оправданы их результатами. Излишняя же заботливость о доказательствах, говорит Конт, из-за пустой щепетильности ниспровергает знание, которого, казалось бы, уже достигли: пример — нынешнее состояние химии. Требовать доказательства тому, что принято человечеством, значит по крайней мере «не доверять духовному сословию, если не относиться к нему враждебно» (*naïveté*, которая могла бы быть прелестна, если б не была прискорбна), — значит восставать против традиций человеческого рода. Вот как рано Конт, этот новый первосвященник, усвоил себе чувства и вступил во владение наследством старого времени. Станным представляется один из его любимых

афоризмов, что живые все более и более управляются умершими. С Контom часто случается, что, дав выражению один смысл, он употребляет его в другом. Так, настоящее выражение прежде всего значит, что по мере того, как цивилизация подвигается вперед, сумма наших физических и умственных богатств становится произведением наших трудов в убывающей пропорции и, напротив, в возрастающей пропорции результатом усилий наших предков. В употреблении же, какое делает Конт из этого положения, оно имеет значение, что мы должны более и более безусловно подчиняться авторитету предыдущих поколений и все менее и менее позволять себе сомневаться в их суждениях или собственным рассудком поверять основательность их мнений. Нерасположенность человеческого ума и совести (в их теперешнем состоянии «анархии») подписать, так сказать, свое собственное отречение Конт называет «восстанием живых против умерших». Вот до чего доходит у него наконец положительная философия!

Однако же, худшее осталось еще впереди. Конт набирает до сотни книг научного, философского, поэтического, исторического и общего содержания, считая их достаточными для составления библиотеки любого позитивиста — даже теоретика, и предлагает систематическое сожжение почти всех книг, кроме указанных им. Даже поэзия, к которой он обнаруживает особенную снисходительность, и та, за исключением самых лучших произведений, должна подвергнуться подобной же участи с сохранением только избранных мест: — и это на том основании, что, так как поэзия имеет целью развить наш инстинкт к идеальному совершенству, то все, что в ней ниже совершенства, следует считать ниже, нежели ничто. [Вырезано цензурой, восполняем по англ. первоисточнику: - Это подражание заблуждению, которое мы назовем преступлением, ранних христиан — и в преувеличенной форме, ибо даже они уничтожали только те сочинения язычников или еретиков, которые были направлены против них самих], - это представляет единственную вещь, в предложениях Конта, которая вызывает действительное негодование. Если дело решил Конт, то всякое доказательство в пользу другой стороны, даже самое историческое доказательство, на котором он основывает свое решение, должно пасть. Ставя под его знамя, человечество должно сжечь свои корабли. То же самое надменное предположение, хотя в менее оскорбительной форме, высказывается и в том намеке Конта, что все бесполезные для человека виды животных и растений должны быть систематически искореняемы. Как будто бы кто-либо вправе утверждать, что при дальнейшем развитии знания в какой-либо ничтожнейшей травке не будет обнаружено того или другого свойства, пригодного человеку. Если мы сообразим, что соединенная сила всего рода человеческого не в состоянии воспроизвести вид, однажды искорененный, что все сделанное в этом отношении не может быть поправлено, — то нам останется только радоваться, что во всем, за что прежние правители народов подлежат ответственности, они никогда не заходили так далеко, как великий мыслитель, старавшийся возродить человечество. Род человеческий еще не находился под властью такого лица, которое бы предположило о себе, что оно знает все, что можно знать, что стоит только ему стать во главе человечества — и книга знания человеческого может быть закрыта.

Конечно, Конт не делает этого предложения во всей его последовательности. Он не говорит, чтобы он действительно обладал полным знанием; но считает себя непогрешимым судьей того, какое знание достойно приобретения. Он не думает, чтобы человечество достигло уже во всех направлениях крайних пределов полезного и похвального научного исследования. Он полагает, что в деле расширения нашей власти над внешним миром, а главным образом в деле усовершенствования нашей физической, умственной и нравственной природы — научному исследованию предстоит еще обширное поприще. Он утверждает, что наши умственные силы должны быть сберегаемы для достижения этой цели возможно прямым путем. Сообразно этому взгляду должна всегда быть выбрана какая-либо одна задача, решение которой представлялось бы для интересов человечества более важным, нежели решение всякой другой, и на которой следует сосредоточивать все усилия мысли до тех пор, пока она или будет решена или окажется неразрешимой, — после чего человечество может перейти к другой задаче и заняться ею так же исключительно. Выбор задачи естественно зависит от духовного сословия или, другими словами, от первосвященника. Мы увидели бы тогда, как, по указам свыше, все до последнего спекулятивные умы человечества одновременно работают над тем или другим вопросом. Так, некогда французский министр народного просвещения хвастался, что у него миллион ребятишек повторял один и тот же урок в течение того же самого получаса времени во всех городах и деревнях Франции. Читателю, вероятно, интересно знать, насколько будет лучше и благоразумнее прилагаться к делу ум человеческий при подобной абсолютной монархии и до какой степени эту систему правления можно предпочесть настоящей анархии, при которой каждый теоретик делает то, что, на его собственный взгляд, представляется законным в области мысли. Конт не оставляет нас в неведении и относительно этого пункта. На этот счет он дает богатый материал для рассуждения. Первосвященник позитивизма указывает также, в чем состоит задача, которая, по его мнению, должна быть прежде всех других выбрана предметом предлагаемого им соединенного усилия всех умов.

Людей, интересующихся вопросом о том, в чем заключается эта задача, мы должны отослать к самому трактату Конта. Там они будут в состоянии сами составить себе мнение о выгоде, которую человечество могло бы получить от замены настоящей «разрозненной специальности» и «умственной анархии» подчинением ума «au соеиг», подчинением, олицетворением которого является первосвященник, назначающий для совокупного занятия всех теоретических умов одну какую-либо задачу.

Мы дали достаточное общее понятие о Контовом плане возрождения человечества посредством прекращения умственной анархии и «систематизации» человеческой мысли и поведения под руководством чувства. Но, чтобы иметь полное представление о том, до какой степени доходила самонадеянность Конта, следует сообщить еще кое-что. Надо знать, что осуществление новой организации общества он нисколько не относит к отдаленному будущему. Полный план переходных мер уже готов, и Конт определяет даже год, в конце настоящего столетия, когда установится новая духовная и светская власть и начнется период нашей зрелости. Конт не рассчитывает, чтобы в

течение этого времени к позитивизму было обращено более тысячной части всех отцов семейств в Западной Европе и родственных ей землях, лежащих по ту сторону Атлантического океана. Но для полного политического установления позитивизма он определяет срок в тридцать три года. Срок этот разделяется на три периода — первый в семь, второй в пять лет и третий в двадцать один год. По истечении первых семи лет управление народным образованием во Франции будет передано в руки Конта. По прошествии второго, пятилетнего, периода император Наполеон или его преемник уступит свою власть временному триумvirату, составленному из трех замечательнейших пролетариев, придерживающихся положительных верований. Пролетарии хотя и неспособны управлять постоянно, но являются самыми лучшими деятелями переходного времени, так как они более всего свободны от предрассудков, служащих препятствием осуществлению Контова плана. Эти правители употребят остающиеся двадцать один год на то, чтоб приготовить общество к его окончательной организации. Когда же духовная власть установится надлежащим образом и последует указанное выше раздробление Франции на семнадцать республик, — триумvirат передаст светское правление каждой республике нормальному диктаторству трех банкиров. Можно считать счастливым, но едва ли скромным — человека, который имел такую непомерную самоуверенность в своей способности предвидения и так полно надеялся дожить до времени торжества своих идей касательно перерождения общества. Если бы я дожил, говорит Конт, до лет Фонтенеля, Гоббса или даже Вольтера, я увидел бы почти полное осуществление всех своих мыслей. Он умер на шестидесятом году своей жизни, не оставив после себя ученика, настолько усвоившего взгляды великого мыслителя, чтобы считаться его преемником. Теперь существует коллегия и директор позитивизма, но человечество не имеет уже более первосвященника.

То, что остается сказать еще, может быть передано более сокращенно. Оно представляет скорее философский, нежели практический интерес. В четырех томах своей «*Politique Positive*» Конт пересматривает и разрабатывает историческое и научное изложение своего первого трактата. Его цель есть систематизация (опять!) знания с общечеловеческой или субъективной точки зрения — единственной, настаивает он, точки, с которой действительный синтезис представляется возможным. Ибо (говорит Конт) знание, какого мы можем достигнуть о законах вселенной, в высшей степени отрывочно и не может быть приведено к действительному единству. Объективный синтезис, мечта Декарта и лучших мыслителей древности, невозможен. Законы реального мира слишком многочисленны, способ их воздействия друг на друга слишком запутан, чтобы наш рассудок в силах был верно очертить и представить их, как общее правило. Единственное связующее начало в нашем знании есть его отношение к нашим нуждам, и на этом-то отношении должны мы основывать нашу систематизацию. На это можно ответить, во-первых, что нет необходимости во всеобщем синтезисе, а во-вторых, что те же самые аргументы, какие приводятся против возможности вполне объективной систематизации, могут быть обращены и против совершенно субъективной. Субъективный синтезис должен состоять в распределении и сопоставлении всех полезных знаний на основании их отношения к человеческим нуждам и интересам. Но эти интересы и нужды, подобно законам вселенной, крайне

многообразны и выбор между ними на различных ступенях (на каждой из них он изменяется) не может войти в рамку точных общих положений. Субъективный же синтезис Конта состоит единственно только в исключении из наук всего того, что он не считает полезным, и в стремлении представить, насколько то возможно, всякое теоретическое исследование решением практической задачи. Но безусловно придерживаться этого нельзя, так как в каждой науке теоретические истины гораздо теснее связаны одна с другой, нежели с теми целями человека, которым они случайно служат. Образовать же из них в уме нечто связное можно только тогда, когда будем к ним относиться как к истинам чистого разума, независимо от какого-либо практического применения.

Много в высшей степени характеристического относительно второго периода философской карьеры Конта представляется в этом пересмотре результатов его прежней деятельности. В главе о биологии Конт находит, что для лучшей связи этой науки с социологией и этикой требуется новая система френологии, так как система Галля и его преемников оказывается неудовлетворительной. Сообразно этому Конт берется построить априористическую систему, основанную на лучшем, какое только он мог сделать, исчислении и классификации элементарных способностей нашей умственной, нравственной и животной природы. Каждой из этих способностей он гипотетически указывает место в черепе, как можно более сообразуясь с теми немногими фактами о предмете, какие он считал установившимися, и с тем общим предположением, что отправления, обнаруживающие сильную реакцию друг на друга, должны иметь и смежные органы. При этом Конт откровенно говорит, что многое требует еще проверки посредством анатомического и индуктивного исследования. Эта попытка представляет значительную заслугу, хотя и доступна возражениям того же самого свойства, как замечания Конта на систему Галля. Но характеристично то обстоятельство, что, признавая все это за гипотезу, требующую еще подтверждения, Конт относится к ней с доверием, на которое она имела бы право только при самом безусловном подтверждении. Во всем, что он писал позднее, частности его теории о мозге являются как нечто вполне достоверное и столь же прочное, как всякая другая основа научных теорий. Эта первая обширная попытка Конта применить к делу «субъективный метод», который первоначально состоял только в подчинении исследований истины человеческим нуждам, обратилась в попытку добывания самой истины из источников собственного разума. Конт сделался, с одной стороны, почти равнодушен к доказательствам, лишь бы только была достигнута теоретическая связь, а с другой — был наивно убежден, что его догадки окажутся вполне верными.

Есть, впрочем, одна сторона в позднейшем взгляде Конта на науки, которая кажется нам решительным шагом вперед относительно его прежнего воззрения. К шести основным наукам своего первоначального ряда он прибавляет еще седьмую под именем Науки Нравственности; она образует самую высшую ступень лестницы непосредственно вслед за социологией. При этом он замечает, что ее с большей основательностью можно назвать антропологией, так как эта наука об индивидуальной природе человека, если ее понимать правильно, гораздо более специальна и сложна,

нежели самая социология. Ибо тут должно принимать в соображение различия в организации и темпераменте и *la réaction cérébrale des viscères végétatifs* (реакция мозга на воздействие вегетативных внутренних органов), влияния которых, далеко еще не вполне понятые, в высшей степени важны в индивидууме, между тем как в теории об обществе могут быть оставлены без внимания, по той причине, что, разнообразясь у различных лиц, они в громадной пропорции нейтрализуют друг друга. Такое замечание достойно лучших дней деятельности Конта. Наука же, понимаемая таким образом, служит, как говорит он, истинно-научным основанием для житейского искусства, а следовательно, ставит жизнь — как философски, так и дидактически — в надлежащую связь с наукой. Свою философию всеобщей истории Конт перерабатывает, во многих отношениях изменяет, и мы не можем не сказать, что это делается к худшему. Он дает гораздо большее развитие периоду фетишизма и тому, который он называет теократическим. Ко взгляду фетишизма на природу Конт обнаруживает пристрастие, которое в философе-позитивисте кажется несколько странным. Но причина тут та, что фетишизм есть религия чувства, а ничуть не разума. Конт видит в фетишизме верование, развивающее всеобщую любовь; но на деле выходит, что оно гораздо более развивает всеобщий страх. Фетишизм представляет, на взгляд Конта, несравненно больше сходства с позитивизмом, нежели какая-либо другая из форм теологии, потому что последние рассматривают материю как нечто недействительное, инертное, как нечто приводимое в движение единственно только внешними силами — естественными или сверхъестественными; тогда как фетишизм, подобно позитивизму, видит в материи нечто самобытно-действительное и заблуждается только в том, что не делает разницы между деятельностью и жизнью. Можно бы подумать, что все суеверие фетишизма состоит только в том, что предметы, произвольно производящие явления, признаются производящими их произвольно. Верующий, в этом случае, думает не просто только то, что фетиш есть нечто живое, но и то, что он может помочь ему на войне, предохранить от болезней, может обеспечить ему благоденствие или послать на него все несчастья. В этом-то и состоят прискорбное влияние фетишизма, его унижающее и притупляющее влияние на чувства и образ жизни, его борьба с опытом и антагонизм против всякого действительного знания природы.

Не малую симпатию питает Конт и к восточным теократиям: так он называет жреческие касты, которые, действительно, часто заслуживают нашего сочувствия за их ранние труды на пользу умственного развития и цивилизации, за помощь, какую они оказали установлению стройного правления, за собранные ими ценные, хотя и эмпирические, факты и, наконец, за ту степень совершенства, на которую они подняли некоторые из полезных искусств. Конт сознается, что эти касты стали притеснительными и что продолжение их господства сделалось несовместным с дальнейшим совершенствованием человечества; но приписывает это тому обстоятельству, что они присвоили себе светскую власть, чего они (сколько видно из известных нам свидетельств) никогда не делали. Причина, почему жреческие корпорации стали притеснительными, заключалась в том, что они представляли собой известные организации; что они стремились к «единству» и «систематизации», столь дорогим для Конта; что они не допускали развития науки и умозрений иначе, как с их

позволения и под их руководством. Духовное сословие Конта обладающее, в его системе, такой же властью, какую некогда имели касты, так же точно сделалось бы притеснительным, с той только разницей, которая обуславливается изменившимся состоянием общества и ума человеческого.

Пристрастие Конта к теократии особенно резко бросается в глаза вследствие его отвращения к грекам, которых он, как народ, безусловно ненавидит за их неумеренную склонность к умозрению. Он видит в греках народ, которым неумолимый рок нравственно пожертвовал на то, чтобы образовать несколько великих умов — главным образом: Аристотеля, Архимеда, Аполлония и Гиппарха. Всякий, знающий греческую историю, насколько ее можно знать в настоящее время, изумится пародии, сделанной из нее Контом; самые грубые исторические предрассудки введены в дело, чтобы ярче выставить на вид все зло умственной культуры, когда она предоставлена собственному руководству.

Нет надобности анализировать дальше этот обзор всеобщей истории. Лучшая глава здесь — о римлянах, к которым, — так как это был народ великий более на практике, нежели в теории, народ, в течение нескольких столетий единодушно трудившийся под руководством социального чувства (впрочем, одного только стремления к расширению своей страны), — Конт настолько же благосклонен, насколько он враждебен ко всем грекам, за исключением незначительного числа замечательнейших мыслителей. Важнейший недостаток этой главы есть поклонение Юлию Цезарю, на которого Конт смотрит как на одну из самых светлых личностей в истории и как на одного из величайших практических благодетелей человечества. Цезарь обладал многими высокими качествами; но чем он заслужил обоготворения — мы решительно не в состоянии понять; разве только тем, что ниспровергнул свободное правление; у Конта такая заслуга получает большое значение. В первую пору своей жизни Конт не был бы доволен восстановлением Наполеона. На его славу и память он смотрел сначала с сожалением, которое делает честь философу, а в жизни его видел одно из величайших бедствий новейшей истории. Но в позднейших сочинениях Конта эти чувства значительно смягчены: он считает Наполеона «диктатором» достойным большего уважения, нежели Луи-Филипп, и думает, что самым большим заблуждением его было восстановление Академии наук! Одно то, что это сказано Контом и сказано о Наполеоне, свидетельствует уже о том, до какой степени понизился нравственный идеал великого мыслителя.

Последняя книга, изданная Контом — о философии математики, представляет в некоторых отношениях еще более грустную картину умственного упадка, нежели предыдущие сочинения. После удивительного *résumé* этого предмета, какое Конт сделал в первом томе своего первого труда, можно было ожидать чего-то в высшей степени замечательного, когда великий мыслитель снова обратился к этому предмету для более полной его разработки. Но, составляя начало «*Synthèse subjective*», означенное сочинение содержит в себе, как и следовало ожидать, громадный запас того, что представляется субъективным гораздо более, нежели математическим. Мы

нисколько не сожалели бы об этом; но мы не знали, какого свойства мог быть этот субъективный предмет. Конт соединяет здесь две идеи, которые более всего сказанного им стоят в противоречии с основными началами положительной философии. Одна, только что указанная нами, состоит в уподоблении позитивизма фетишизму. Другая, о которой мы замечали в первой части, заключается в «liberté facultative» направлять наши научные понятия к тому, чтобы они отвечали требованиям не только объективной истины, но также и интеллектуальной и эстетической пригодности. Благодетельно было бы, полагает Конт, если б наука освободилась от своей sécheresse и непосредственно слилась с чувством. В настоящее время нет возможности доказать, что внешний мир и тела, составляющие его, не одарены чувством и произвольной деятельностью. Поэтому в высшей степени желательно, чтобы мы воспитывались в убеждении, что они обладают этими атрибутами. Можно отказать им в уме, потому что должно быть удержано некоторое различие между простой деятельностью и жизнью. Но мы можем предположить, что предметы внешнего мира чувствуют то, что делают с ними, и желают того, что сами делают. Даже ум, который мы должны отрицать у них в настоящее время, может быть признан за ними в прошедшем. Прежде, нежели существовал человек, земля — разумное существо в то время — направляла свою «физико-химическую деятельность к тому, чтобы изменением своих главных коэффициентов усовершенствовать астрономический порядок. Наша планета, можно предположить, сделала свою орбиту менее эксцентрической и через то более удобной для обитания — путем длинного ряда взрывов, аналогических тем, от которых, согласно лучшим гипотезам, происходят кометы. Разумно воспроизведенные, подобные сотрясения могли дать земной оси наклонение, лучше приспособленное к будущим нуждам «Grand Etre». А fortiori (с тем большим основанием) земля могла изменить свой собственный вид, и это находится вне сферы нашего вмешательства единственно только по той причине, что наша духовная власть не имеет в своем распоряжении достаточной материальной силы». Можно предположить, что тоже было сделано и всеми другими планетами — может быть даже с землей и друг с другом. «В той мере, как планета совершенствовала свое состояние, ее жизнь истощалась от излишней иннервации, но ей доставлялось утешение в возможности сделать свое самопожертвование еще более действительным и целесообразным, когда прекращение ее специальных отправлений — сначала животных и, наконец, растительных — оставить за ней только всеобщие атрибуты чувства и деятельности».²⁴ Называя все это только фикцией, Конт, однако же, вслед затем говорит о ней как о веровании (croiance), достойном принятия за то, что оно одновременно и удовлетворяет нашей любознательности, и «совершенствует наше единство» (опять единство!), «восполняя поэтическими вымыслами недостаточность научных понятий и развивая симпатические движения сердца и эстетические вдохновения: мир стремится к новому человечеству, улучшая всеобщий порядок под импульсом «Grand Etre»». Конт, очевидно, хотел бы даже, чтобы эти фантастические вымыслы проникли все наши мысли до того, чтобы вне их мы не в силах были

---

²⁴ «Synthèse Subjective», pp. 10, 11.

представлять себе мир и природу; чтобы они получили значение равносильное действительным верованиям и даже на самом деле преобразовались бы в последние.

Как ни бессмысленно все это, оно представляет прекрасную характеристику позднейшего склада Контовой мысли. Можно было бы извинить писателя, если бы эту пляску планет и это представление о земле, как существе одушевленном, он ввел в произведение фантазии. Выдержанная с искусством, подобная фикция могла бы даже вызвать удивление. Никто не упрекает поэтов за то, что они приписывают положим хоть цветам чувства, намерения и склонности человеческие. Потому только, что идея могла бы быть интересной и даже поучительной в поэме, Конт хотел бы запечатлеть ее в нашем уме путем обыкновенной прозы. Но если бы воображение и рассудок не знали каждый своих ролей, где тогда было бы единство? *«Необходимо, чтобы область фикции была так же систематична, как и область доказательности, с тем, чтобы их взаимная гармония могла быть сообразна с назначением каждой из них, направленным к непрерывному усилению единства – личного и социального»*.²⁵

Но недостаточно было создать «Grand Fétiche» (так Конт действительно предлагает называть землю), недостаточно было сделать из этого «Grand Fétiche» и из всего конкретного существования – предмет нашего почитания наряду с «Grand Etre»: необходимо было расширить положительный фетишизм и на существование чисто-абстрактное; необходимо было «одушевить» законы и факты природы. Недовольно того, чтобы физика была проникнута чувством; надобно, чтобы и математика стала такою же. С первого взгляда кажется не легко сделать это; но Конт находит к тому средства. План его состоит в том, чтобы и пространство сделать предметом обожания – под именем «Grand Milieu», рассматривая его как представителя судьбы. *«Окончательное единство располагает нас поддерживать в себе чувство симпатии посредством обнаружения нашей признательности ко всему тому, что служит для «Grand Etre». Оно должно располагать нас к почитанию судьбы, на которую опирается вся совокупность нашего существования»*. В этой судьбе нам следует видеть нечто занимающее определенное место; местом же этим должно считать пространство, которое признается имеющим чувство, но без деятельности и разума. При абстрактных умозрениях, мы должны воображать все наши понятия помещенными в свободном пространстве. Наши образы всех родов – даже до геометрических чертежей, наши цифры и алгебраические символы должны всегда представляться нам написанными в пространстве, а не на бумаге или каком-либо другом материальном предмете. К этому Конт прибавляет, что их нужно воображать зелеными на белом фоне.

Мы не в состоянии долгие останавливаться на этом. Несмотря на все упомянутое, книга Конта о математике обильна глубокими мыслями и будет крайне полезна для всякого, кто возьмется за этот предмет после Конта. Какой глубокий смысл заключается, например, в той мысли, что теория бесконечно малых величин совершенно аналогична атомической гипотезе в физике. На последнюю Конт всегда

---

²⁵ «Synthèse Subjective», pp. 11, 12.

смотрел как на логическую уловку, а не как на мнение, имеющее дело с фактом. Это сравнение проливает, как нам кажется, свет на оба понятия, — на физическое еще более, нежели на математическое. Мы могли бы указать много мыслей подобной же, хотя быть может и не равной, важности. Но что за жалкие *piaiseries* примешаны к ним. Один из выдающихся вопросов для Конта представляется в важности «нравственных и умственных свойств чисел». Он обнаруживает суеверное благоговение к некоторым из них. Первые три он называет священными, *les nombres sacrés*. Единица представляет собой тип всякого синтезиса, два — всякого сочетания, которое — говорит Конт — всегда парное (в своем первом трактате он говорил только, что с пользой можно представлять себе дело в таком виде), а три — тип всякой прогрессии, которая не только требует трех членов, но, как утверждает Конт, никогда не допускает более трех. К этим священным числам должны быть, по возможности, приспособляемы все наши умственные операции. Затем Конт питает большую склонность к числу семь — вот на каких странных основаниях: *«состоящее из двух прогрессий, сопровождаемых синтезисом, или из одной прогрессии между двумя парами, число семь, следуя непосредственно за суммой трех священных чисел, определяет обширнейшую группу, какую только мы в силах отчетливо вообразить. С другой стороны, оно указывает предел делений, какие мы непосредственно можем себе представить в величине какого бы то ни было рода»*. Числу семь, таким образом, должна быть дана роль всюду, где только возможно, и, между прочим, его следовало бы принять за основание нумерации, которая таким образом стала бы седьмичной, а не десятичной, — причем сверх всех невыгод перемены системы она не только не устранит неудобств существующей, но значительно увеличит их. По мнению Конта, безусловно необходимо, чтоб основанием нумерации было первое число. Все же прочие люди признают, напротив, абсолютно необходимым, чтоб этого не было, и настоящее основание считают неудобным только потому, что оно недостаточно делимо. Но ребяческая привязанность Конта к первым числам почти невероятна. Причина этого та, что они представляют собой тип несводимости на что-либо другое: каждое из них есть род конечного арифметического факта. Этого достаточно для всех, кто знает позднейшие взгляды Конта. Ничто не в силах превзойти радость, которую испытывал Конт, когда находил что-либо такое, что говорит человеку: *«до этого дойдешь ты, и не дальше»*. Если первые числа дороги, то двойные первые вдвое дороже, особенно же те, которые не только сами первые, но в которых и число, определяющее их место в ряду первых чисел, — есть также первое. Еще выше достоинство тройных чисел, если число, указывающее их место в ряду первых чисел, есть также первое. Число тринадцать выполняет эти условия: оно есть первое число, стоит седьмым в ряду, а семь в свою очередь есть пятое первое число. Сообразно этому Конт питает непомерное пристрастие к числу тринадцать. Несмотря на то, что оно одно из самых неудобных между всеми малыми числами, он хотел бы ввести его всюду.

Эти странные фантазии находятся в связи с одной, в высшей степени характеристической чертой мании Конта к регулированию. Конт не в состоянии допустить, чтоб что-либо оставалось без регулирования: ни в чем не должно

существовать чего-либо подобного колебанию, нигде не должно быть чего-либо произвольного, так как l'arbitraire всегда благоприятствует эгоизму. Подчинение искусственным предписаниям так же необходимо, как и покорность законам природы. Конт полагает, что, под руководством чувства, жизнь человеческая может сделаться столь же, и даже более правильной, нежели течения звезд. Лучшее же средство для более точного регулирования подробностей жизни — это числа: определенные числа должны, поэтому, входить в каждый наш поступок. Первое применение этой системы сделано Контом в исправлении его литературного слога. Жаловались — и не без основания, что в его большом трактате, особенно в последней части, встречались фразы и параграфы слишком длинные, не обработанные и запутанные. Чтоб поправить эту ошибку, которую он сознавал, Конт поставил себе следующие правила. Ни одна фраза не должна превышать двух строк его рукописи, что равнялось пяти печатным строчкам. Каждый параграф должен состоять не более, как из семи фраз. Далее к своему прозаическому сочинению он применяет правило французской версификации, которым не допускается hiatus (стечение двух гласных), причем не решался нарушить этого правила даже между двумя фразами или двумя параграфами. Он не позволял себе употребить когда-либо одно слово дважды в той же самой фразе или в двух последующих, хотя бы это влекло за собой необходимость нового параграфа: исключение сделано только в пользу односложных вспомогательных.²⁶ Все это прекрасно — особенно два первых правила — и представляет хорошее средство искоренить дурную привычку. Но Конт убедил себя, что всякое добровольное ограничение, — хотя бы оно не вытекало из естественного порядка и соразмерности мыслей, хотя бы оно, следовательно, нарушало этот порядок и соразмерность, — само по себе составляет уже выгоду и ведет к улучшению слога. Если подобная вещь делает составление сочинений неимоверно трудным, то Конт радуется этому, как обстоятельству, которое делает это занятие доступным только умам наиболее развитым. Согласно сказанному, в «Synthèse Subjective», Конт строит следующий «план для всех значительных сочинений». *«Всякая книга действительно способная образовать отдельный трактат»* должна состоять из *«семи глав — помимо введения и заключения: всякая глава, в свою очередь, должна заключать в себе три части»*. Из них каждая дробится на *«семь отделений, содержащих в себе по семи групп фраз, всякая же группа начинается обыкновенно новой строкой. Правильно составленное отделение представляет центральную группу из семи фраз, впереди и после которой стоят по три группы из пяти фраз; в первом же отделении каждой части три его группы ограничиваются только тремя фразами, причем группы эти располагаются симметрически; а последнее отделение в своих крайних группах заключает по семи фраз. Эти правила составления сочинений приближают прозу к поэтической стройности, — если при этом не забывают предыдущего ограничения, по которому максимум длины каждой фразы равен двум рукописным или пяти печатным строкам, т. е. 250 буквам»*. — *«Правильно построенная большая поэма состоит из тринадцати песен, раздробленных на части, отделения и группы — подобно тому, как это сделано с*

---

²⁶ Предисловие к четвертому тому «Système de Politique Positive»

моими главами; но при этом соблюдается полное равенство групп и отделений». — «Эта разница в строении произведения поэтического и философского более кажущаяся, нежели действительная, потому что вступление и заключение в поэме должны занимать шесть из ее тринадцати песен», оставляя, таким образом, каббалистическое число семь для самой поэмы. Но всей этой лишенной смысла, фантастической и стеснительной регламентации оказалось недостаточно: Конт предлагает выработанную систему для того, чтоб каждое отделение и каждую группу начинать определенной буквой. Начальные буквы должны быть выбраны так, чтобы могли составить слово или слова, имеющие «синтетическое или симпатическое значение» и, по возможности, близкое отношение к отделению или части, для которых они выбраны.

Пусть другие смеются над этим, но мы скорее будем сожалеть о плачевном упадке великого ума. Конт обыкновенно упрекал почитателей его таланта в Англии в том, что они составили «заговор молчания» относительно его позднейших произведений. Читатель может судить теперь: достаточно ли объясняется такое молчание снисходительностью к славе великого мыслителя и опасением незаслуженно уронить кредит высоких умозрений первого периода его деятельности.

Конт обыкновенно смотрел на Декарта и Лейбница, как на главных своих предшественников и как на единственных великих философов (между многими мыслителями высоких философских дарований) нового времени. Он находил, что с их-то умами его ум и имеет самое близкое сходство. Хотя ни об одном из этих трех мыслителей мы не имеем такого высокого мнения, какое имел Конт, но мы считаем это сравнение правильным. Из всех известных философов, Декарт и Лейбниц представляют наибольшее сходство с Контом. Они были похожи на него и по серьезности умозрений, и по уверенности в себе, — хотя в последнем отношении едва ли могут быть поставлены наравне с ним. Они обладали такою же, как и он, необычайной способностью сопоставления и соподчинения. Они обогатили человеческое знание великими истинами и великими идеями о методе. Из всех великих мыслителей, они были наиболее последовательными и потому наиболее часто доходившими до нелепостей, так как они не отступали пред выводами — как бы эти выводы ни были противны здравому смыслу — если только к ним вели первые посылки. Согласно этому имена указанных философов дошли до нас в связи с великими идеями и замечательнейшими открытиями, но зато и в связи с некоторыми из самых уродливо-диких и самых смешно-нелепых понятий и теорий, какие только когда-либо предлагались людьми мыслящими. Мы считаем Конта столь же великим, как и этих философов, и едва ли более странным, нежели они. Если б нам нужно было высказать нашу мысль вполне, мы должны были бы поставить его выше этих двух мыслителей — но не по внутренним достоинствам, а потому только, что он действовал равносильной умственной способностью, но при более высоком состоянии человеческого развития. С другой же стороны, его век менее снисходителен к явным нелепостям, и если его нелепости, сами по себе, не больше тех, какие были сделаны двумя другими философами, то они, во всяком случае, представляются более смешными.

Извлечение из статьи Литтре

Примечание переводчика: Книга Милля вызвала статью Литтре: «La Philosophie Positive: M. Auguste Comte et M. J. S. Mill». Приводить здесь эту статью целиком нет повода, так как она не представляет ничего капитального. Но издателю показалось, что одно место этой статьи, — касательно параллели, которую Милль проводит между Декартом и Лейбницем, с одной стороны, и Контом с другой, — не будет лишено интереса в глазах русской публики. Поэтому означенное место («Revue des deux Mondes», 15-го августа 1866 г., стр. 831) — может быть самое дельное и оригинальное в целой статье — приводится здесь в русском переводе:

«Напомнив, что г. Конт смотрел на Декарта и Лейбница как на главных своих предшественников, Милль, который находит действительно большое сходство между ними и г. Контом, проводит краткую параллель. *«Они обладали такой же, как и он, необычайной способностью сопоставления и соподчинения. Они обогатили человеческое знание великими истинами и великими идеями о методе. Из всех великих мыслителей они были наиболее последовательными и поэтому наиболее часто доходившими до нелепостей, так как они не отступали пред выводами — как бы эти выводы ни были противны здравому смыслу — если только к ним вели первые посылки».* Это верно по отношению к Декарту и Лейбницу; но верно ли оно по отношению к произведению г. Конта? Они были самыми последовательными и вследствие этого часто самыми нелепыми..... Нет, это не вследствие этой причины. Последовательность есть главное достоинство философа, и философствовать без нее — плохое дело. Нелепость Декарта и Лейбница, на которую намекает г. Милль, заключалась у первого в доктрине автоматизма животных, а у второго в предуставленной гармонии между духом и телом. Декарт, в своей чисто психологической философии, основывался исключительно на свидетельстве человеческого духа; но свидетельство это было постоянно смущаемо различными признаками духовной жизни, проявляющейся в животных, их чувствительностью, нравственностью разумом — без сомнения меньшими, чем у человека, но имеющими те же внешние признаки. Он отделался от препятствия тем, что отрицал его, утверждал, что животные суть машины, был последователен, извратил здравый смысл и не сомневался, что высшая истина, которую считал постигнутой, победит, рано или поздно, неловкое и необъясненное исключение, встречаемое в природе животных. Случилось однако совершенно иначе, и исключение победило то, что считалось за принцип; позднейшая наука признала, что, так как между мозгом человека и животных нет никакого существенного анатомического различия, так же как нет никакого существенного функционального различия в отношении способностей, — то явления должны считаться принадлежащими одному и тому же порядку; а затем психология, не признающая такого факта, и философия, основанная на такой психологии, падают сами собой. Ошибка Декарта состояла не в том, что он был последователен, а в том, что он принял ложный принцип.

Тоже было и с предустановленной гармонией Лейбница. Этот философ принимал существование во всех вещах достаточной причины; по его мнению, Бог был достаточной причиной вселенной, и всякое существо, всякое явление заключало в себе достаточную частную причину, которая была для этого существа или явления тем, чем Бог был для вселенной, т. е. ее поводом и объяснением. Дойдя до духа и материи, он нашел их действующими друг на друга — дух на материю, материю на дух, и ничто, во взаимных их атрибутах, не представлялось ему достаточной причиной для объяснения такого взаимного действия. Остановленный таким образом, Лейбниц прибегнул к божественному всемогуществу — естественному и всегда открытому убежищу старой философии, вполне проникнутой теологиею, и предположил, что дух и материя представляли собой как бы двое часов, которые Бог завел таким образом, чтобы они всегда были в одно и то же время, не имея ничего общего между собой. Лейбниц не удивился такой последовательности, но мир удивился ей; а затем появилась положительная наука, которая показала, что умственные и нравственные проявления представляют по отношению к нервному веществу то же самое, что тяжесть представляет собой по отношению ко всякой материи, т. е. явление, не сводимое ни на что другое, явление, которое, при настоящем состоянии наших знаний, служит собственным объяснением самому себе. Тут опять приходится порицать философа не за то, что он был последователен, а за то, что он принял за мировой закон «достаточную причину», которая есть не что иное как чисто субъективная концепция.

В чем же это касается г. Конта? Если он, вследствие последовательности своей, впал в несообразности, поражающие здравый смысл, то надо не задумываясь заключить, как по отношению к Декарту и Лейбницу, что он принял исходной точкой ложный принцип; но, в противоположность этим двум философам, несообразности, в которые он впал и в которых его упрекают, были порождены тем, что он не остался верен своему принципу, своему методу. У Декарта и Лейбница принцип ответствен за следствия; у г. Конта следствия наведены, а принцип остался чистым. Критика г. Милля представляет в этом отношении сбивчивость, которую я не хотел оставить без указания».

Конец.